1861
ВОКРУГ СВЕТА
WWW.VOKRUGSVETA.RU

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ XXI ВЕК

ИЮЛЬ
2009

Работорговец поневоле

РЕКОМЕНДОВАННАЯ ЦЕНА 30 РУБЛЕЙ

ISSN 977-172784800-8

9 771727 848008

Клуб читателей «Вокруг света»

- прямая подписка
- он-лайн информация по каждому этапу доставки
- календарь клубных событий
- скидки, подарки и конкурсы
- новинки издательства
- рекомендации экспертов

Клуб почетных читателей – это сообщество людей, познающих мир с «Вокруг света»:

первым познавательным журналом «Вокруг света», альманахом фантастики «Полдень. XXI век» и путеводителями «Вокруг света».

Клуб объединяет самых активных читателей, представляет им возможность общения и неформальных встреч с редакцией, участия в специальных акциях и конкурсах, прямой подписке.

Подробная информация о Клубе почетных читателей и условиях подписки на журнал «Вокруг света» и альманах «Полдень. XXI век» на сайте http://www.vokrugsveta.ru/club

РЕКЛАМА

ПОДПИСКА

Объединенный каталог «ПРЕССА РОССИИ». Индексы:

41700 – «Вокруг Света», годовая подписка;
84702 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
41505 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
84701 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
84704 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
84705 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
83248 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
84703 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
84707 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
84708 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
83249 – комплект «Вокруг Света» + «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
84706 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Каталог «Газеты. Журналы. Агентство «РОСПЕЧАТЬ». Индексы:

80650 – «Вокруг Света», годовая подписка;
83321 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
80475 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
83320 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
83324 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
83323 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
84170 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
83322 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
83624 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
83625 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
83084 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
83623 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Каталог российской прессы «ПОЧТА РОССИИ». Индексы:

99440 – «Вокруг Света», годовая подписка;
12464 – «Вокруг Света», годовая льготная подписка;
99118 – «Вокруг Света», полугодовая подписка;
12463 – «Вокруг Света», полугодовая льготная подписка;
12466 – «Полдень. XXI век», годовая подписка;
12467 – «Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
10853 – «Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
12465 – «Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;
12469 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая подписка;
12470 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», годовая льготная подписка;
10854 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая подписка;
12468 – комплект «Вокруг Света»+«Полдень. XXI век», полугодовая льготная подписка;

Льготная подписка действительна для предъявителей подписного купона за предыдущий период

1861
ВОКРУГ СВЕТА

РЕКЛАМА

Борис Стругацкий

представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ
XXI ВЕК

ИЮЛЬ
2009

РАБОТОРГОВЕЦ ПОНЕВОЛЕ

ВОКРУГ СВЕТА

УДК 312.9

ПОЛДЕНЬ, XXI век
РАБОТОРГОВЕЦ ПОНЕВОЛЕ

Главный редактор
Борис Стругацкий
www.rusf.ru/abs
e-mail: BStrugatsky@vokrugsveta.ru

Учредитель и издатель:
ООО «Издательство "ВОКРУГ СВЕТА"»
129515, Москва, а/я 6
e-mail: vokrugsveta@vokrugsveta.ru

Размещение рекламы РА «Видео Интернешнл-пресс»:
просп. Вернадского, 53, тел.: (495) 785 55 06, 984 63 14, факс (495) 974 62 52.

Распространение продукции «ВОКРУГ СВЕТА» ООО «ВС-Торговая компания»:
тел.: (495) 781 69 47, тел./факс (495) 781 69 48, vs-d@vokrugsveta.ru.

Распространение и подписка
ЗАО «Межрегиональный Дистрибьютор Прессы «МААРТ»:
тел. (495) 744 55 12. e-mail отдела продажи: sl@maart.ru
e-mail отдела подписки: podpiska@maart.ru

Юридическое сопровождение
ООО «Правовое бюро «Омега»:
тел. (495) 232 49 51

Тираж сертифицирован
Национальной Тиражной Службой

Свидетельство о регистрации средства массовой информации
ПИ 77-16622 от 10 октября 2003 г.
Изд.лицензия ЛР № 065684 от 19.02.98
Подписано в печать 06.03.09. Формат 84 x 108 $^{1}/_{32}$
Гарнитура журнальная. Печ. л. 5.5. Тираж 23 000
Заказ № 1282
ОАО «Типография "Новости"»
105005, Москва, ул. Фр. Энгельса, д. 46

ISBN 978-5-98652-285-2

Адрес редакции:
199053, Санкт-Петербург,
1-я линия В.О., д. 28
Тел./факс (812) 328 63 29
e-mail: polden@vokrugsveta.ru

Информационная поддержка:
Александр Сидорович
(«ИНТЕРПРЕССКОН»)

Рукописи не рецензируются и не возвращаются.
Тексты принимаются в формате RTF на дискетах
или по электронной почте: polden@vokrugsveta.ru

© Текст, составление, оригинал-макет – ООО «Издательство «ВОКРУГ СВЕТА», 2009

Колонка дежурного по номеру

Отстегните ремни. Полет продолжается. Все бортовые системы, будем надеяться, функционируют нормально.

В иллюминаторы бьет беззакатный, ослепительно-однообразный абсурд.

Не пора ли освежить мозг чем-нибудь холодненьким, странненьким?

Наша компания предлагает новый набор оригинальных сюжетцев в удобной упаковке.

Буквально в каждом — привкус иллюзии, полезной, как мультивитамин: что Зло будто бы имеет причину, которая в принципе-то поддавалась бы разгадке, будь люди в своей массе поумней.

Почему бы и нет, собственно. Как РНК в первобытной, доисторической грязной луже образовалось не с бухты-барахты, но с неизбежностью, вытекающей из вероятности: случайные молекулы под случайным ударом жесткого излучения либо случайного же электрического разряда вцепились от страха друг в дружку — и склещились на миллиарды лет.

Только что доказано профессорами Манчестерского университета. Которым — Джону Сазерленду (John Sutherland) и др. — за это светит, говорят, Нобелевская. Впрочем, посмотрим.

А не впади эти самые молекулы — гликольальдегид какой-нибудь или глицеральдегид — в неконтролируемую панику; не прижмись они к цианацетилену и цианамиду, обнявшись крепче двух друзей; не окажись в луже откуда ни возьмись граммулька фосфорной кислоты; да не попади одна из молний в лужу столь содержательную — глядишь, и не было бы на планете Земля ни жизни, ни, стало быть, Зла.

Которые, так надо понимать, в тот самый момент в той самой луже и возникли. Как реакция отдельных частиц на безответственное поведение Целого. Как наш ответ равнодушной Природе. Спастись из пространственного Хаоса — хоть краешком самих себя уйдя во Время. Сложившись, склеившись в некую фигуру, способную повторяться. Составившись, так сказать, точками — в тире между началом и концом.

Не исключено, что и все-то бытие произошло просто от страха ничего перед ничем. Страх и есть чувство реальности. Т. е. прообраз сознания, пра-, извините, ядро интеллекта. Т. н. натурального — и, конечно, т. н. искусственного, который, как рассказано в одной из предлагаемых ниже статей, якобы вскорости нас всех подомнет. Производя Зло, абсолютно очищенное от глупости. Сугубо для предотвращения всех других зол. То-то весело будет.

Самуил Лурье

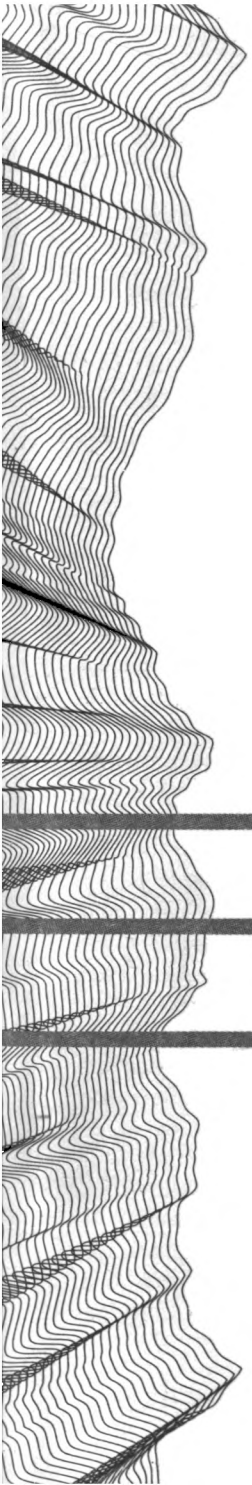
«Издательство «ВОКРУГ СВЕТА»
Генеральный директор Леонид Наумов
Директор по производству Евгений Колесов
Главный художник Юрий Токарев
PR-менеджеры Денис Мартынцев, Лейла Умерова
Менеджер по распространению Юлия Лысова
Художники: Николай Панин, Александр Лебедев, Иван Пшеничников
Иллюстрация на обложке Николай Панин
Дизайнеры: Елена Кузянина, Станислав Новиков
Технологи: Сергей Дудин, Сергей Соловьев, Сергей Цветков
Координатор Елена Сапожкова

Редакция:
Александр Житинский, зам. главного редактора
AZhitinsky@vokrugsveta.ru
Николай Романецкий, отв. секретарь
NRomanetsky@vokrugsveta.ru
Самуил Лурье, редактор отдела прозы
SLurie@vokrugsveta.ru
Елена Минина, редактор отдела критики
EMinina@vokrugsveta.ru
Надежда Бельская, зав. редакцией
polden@vokrugsveta.ru

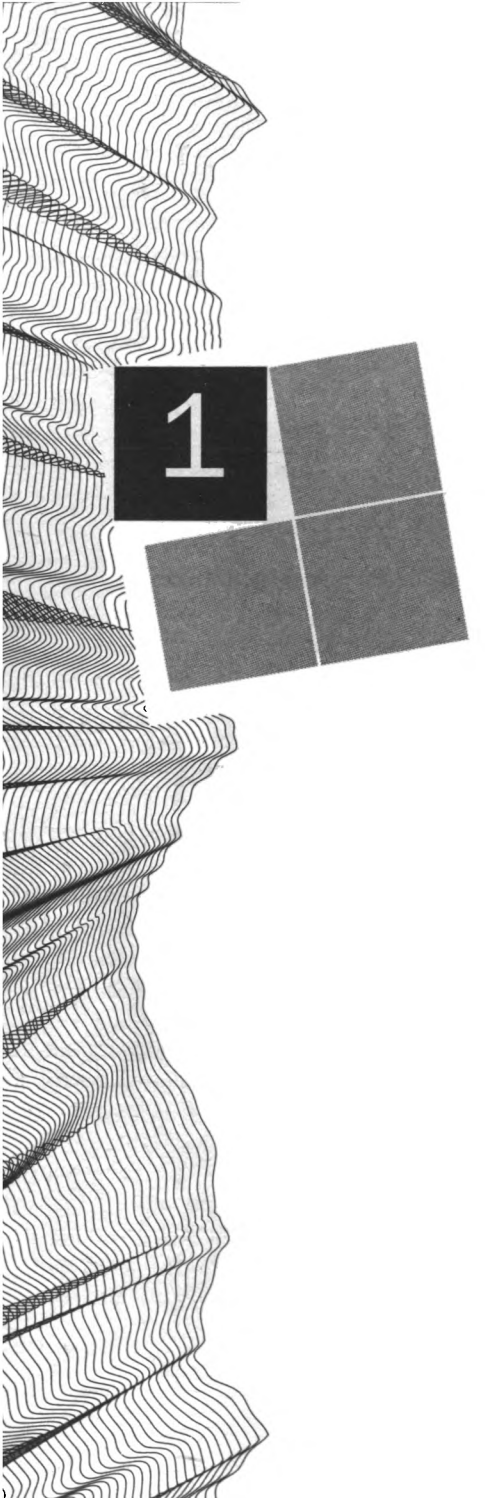
Общественный Совет при журнале:
Андрей Измайлов
www.mo-nast.ru
Святослав Логинов
www.rusf.ru/loginov
Евгений Лукин
www.rusf.ru/lukin
Сергей Лукьяненко
www.rusf.ru/lukian
Сергей Переслегин
okh.nm.ru
Вячеслав Рыбаков
www.rusf.ru/rybakov
Михаил Успенский
www.list.krasline.ru/writers/uspensk
Александр Щёголев
www.litcenter.spb.su/seminar/schegolev

П·ЛДЕНЬ XXI ВЕК

ИЮЛЬ (55) 2009



Истории
Образы
Фантазии


1

АРЦУН АКОПЯН

Работорговец поневоле

Рассказ

— Послушай, какое объявление: «Продаю машину времени б/у в хорошем состоянии, налет сто тысяч лет. Звонить вечером». Дураков ищут, аферюги!

Людмила перестала втирать коричневый скраб в свой высокий белый лоб. Уперлась взглядом в отражение Виталика.

— Звони!

— Зачем? Сообщить, что я — тот дурак, которого они искали?

— Про себя можешь не рассказывать. Просто спроси, почем машина.

— Представляю, какую они цену заломят... Может, лучше скатерть-самобранку возьмем? Жрать охота!

— Потерпишь еще. Звони-и!!!

Сердце екнуло. Откуда у нее, обыкновенной бухгалтерши, такой командный голос? Виталик соскочил с дивана, как кузнечик, даром что под сто кило весит. Подошел к аппарату, потыкал кнопки.

— Алло! Это вы машину времени продаете?

Ответил хриплый баритон с легким ассирийским акцентом:

— Я! Покупай, о персик моих очей!

Офигеть, подумал Виталик. Ассирии уже почти три тыщи лет нет на карте, а с ее гражданином можно до сих по телефону поболтать! Кстати, мне-то откуда знать, что это за акцент? Древние ассирийцы на рынке персиками не торгуют!

— Почем?

— Пятнадцать тысяч рублей.

Цена средненького мобильника. Для машины времени почти даром. А акцент у мужика теперь вроде как не ассирийский, а новгородский. Одиннадцатого-двенадцатого века примерно… после рождества Христова. Свой человек, значит. Обдурит по-свойски и не извинится!

— Сколько сбросишь?

— Нэсколька, дарагой. Сам за пытнадцать штук брал!

Это уже почти по-армянски, времен государства Урарту. Где-то восьмой-седьмой век до нашей эры, не позже. Но все равно родственник — если не от Адама по отцовской линии, то от Евы по материнской.

— Лады. Ну а как бы мне машинку в работе посмотреть?

— Не п'гоблема, — с французским прононсом. — Записывай адрес.

Виталик положил телефон на базу и показал бумажку Людмиле.

Она коротко кивнула:

— Поезжай!

Что ж, прогуляться по прошлому было бы интересно. Особенно с учебником истории, утвержденным Минобразования. Наверняка половина того, что академики там понаписали, — брехня! Надо только взять красный карандаш, чтобы почиркать их халтурку, а потом вернуться и разнести ее в пух и прах в своем блоге в Интернете!.. Нет, не поверят. Лучше прихватить видеокамеру, наснимать убойных клипов и загрузить их на YouTube. К примеру, «Куликовская битва глазами очевидца». Или «Слово о полку Игореве в исполнении автора». Клево, да? Не забыть бы запасные аккумуляторы — там подзаряжать камеру будет негде…

— Я всегда говорила, что ты — придурок! — перебила его Людмила.

Действительно, придурок. Размечтался вслух при жене. Надо следить за собой!

— Конечно, рыбка моя, путешествия в прошлое невозможны…

— Не муж, а несчастье сплошное… Ты ж сам прочитал: «Продаю машину времени». Как же невозможны?! Только не видеоклипов оттуда натащить надо, а золота и бриллиантов, голова твоя садовая!

Она разрыдалась.

«По-английски "голова садовая" — cabbagehead», — вспомнил Виталик. У него с университета была привычка переводить всякие интересные выражения с одного языка на другой. Началась она, естественно, с выражений матерных.

— Не плачь, привезу, — как можно тверже сказал он.

— Знаю я вас, мужиков, — пожаловалась Люда, переходя с рыданий на всхлипывания. — Вам только дай машину времени — тут же в гарем какого-нибудь падишаха рванете!

Несколько месяцев назад Виталик получил заказ на перевод текста о женах восточных правителей. Многие термины были непонятны, и он купил толстенный справочник «Гаремы Востока». Спрятал его в самой глубине книжного шкафа, куда жена в жизни не заглядывала. Удивительно, но факт: вечером того же дня она вдруг решила «почитать что-нибудь интересное» и откопала справочник. Виталику трижды пришлось увертываться от летящего ему в голову фолианта, пока Людочка не успокоилась.

— Ничего такого в мыслях не было!

Она вытерла слезы куском ваты строго по массажным линиям и сказала более привычным, назидательным тоном:

— Кстати, гарем — не такое уж отвратительное заведение. Один состоятельный мужчина содержит кучу женщин. И им хорошо, и ему хорошо. А ты и одну прокормить бы не смог, если бы это была не я. Знаешь, какие прожорливые бабы попадаются? Скажи спасибо, что я экономная!

Наверное, она права. На продукты у него уходит всего лишь ползарплаты. Другой половины вполне хватает ей на шмотки, маникюры и завивки.

— Спасибо, птичка моя, за то, что ты ешь меньше своего веса! — торжественно сказал Виталик и тут же пригнулся, так как супруга запустила в него пудреницу.

Через час он был уже на месте — в сорока шести километрах от города, у знака «Дети». Справа вдоль дороги тянулся овраг, заросший кустарником, слева — густой лиственный лес. Чему удивляться? Говорят, раньше здесь была деревня, а в ней — школа. Потом деревня вымерла, школу снесли, на ее месте вырос лес, а дорожный знак снять забыли.

Продавец сказал, что нужно пойти пешком по старой проселочной дороге, пересекающей автотрассу. Виталик огляделся. Никакой дороги не увидел. Снова бросил взгляд на знак. Тот ли?

Со знаком стало происходить что-то странное. Изображения детей будто ожили — выпрямились прямо у Виталика на глазах. И превратились в две палочки. Та, что поменьше, поплыла вверх,

поворачиваясь, и застыла в горизонтальном положении. Получился крестик. До Виталика дошло, что теперь это знак «Пересечение с второстепенной дорогой».

«По второстепенной дороге пойдешь — коня потеряешь», — подумал он. Из какой это сказки?

Вспомнить не удалось, потому что дальше случилось нечто еще более удивительное. Земля в овраге ухнула и вспучилась, поглотив кустарник. Лес с треском расступился. Образовалась просека, а в ней — ровная колея.

Галлюцинация?

Он ущипнул себя за кончик носа. Больно! Надавил на кнопку электронного ключа. Не больно, но у «Лады» защелкнулись замки на дверях. Значит, все реально? А если бы замки защелкнулись оттого, что он ущипнул себя за нос, это была бы галлюцинация?

Виталик посмотрел в бумажку. «Пройти 200 шагов».

Дождавшись, пока промчатся машины, он перебежал дорогу и зашагал по колее в глубину леса. «Раз, два, три, четыре...». Сказав «двести», уперся лбом во что-то твердое и шершавое. Дуб! Дальше дороги не было. Назад, впрочем, тоже. Как и просеки. Он стоял посреди дремучего леса. Впервые в жизни осознал, что значит фраза «жуть лесная».

В животе стало так холодно, будто он проглотил кусочек льда. Мысленно перевел «жуть лесную» на английский, но от этого стало еще страшнее.

Что там дальше в бумажке? «15 шагов вправо».

Отсчитал, продираясь сквозь кусты.

Уперся грудью в мужика. Седая борода, загорелая лысина, между ними — морщинистое лицо с глазками, похожими на семечки в неурожай.

— Деньги принес? — спросил мужик с типичным кельтским акцентом третьего века до нашей эры.

Пора привыкнуть. Сосредоточиться на смысле, а не на произношении.

— Принес. Где машина времени?

Продавец округлил семечки, сделав из них пуговки:

— Не видишь?! Вот же она! — и ткнул носком сандалии в плоский булыжник, лежавший на траве. — Говоришь свое имя, открывается верхняя панель, подтверждаешь голой пяткой. И все! Можешь называть дату и место. А потом кричишь «Поехали!», как Гагарин. Доставка мгновенная! Но только в прошлое. Эта модель не для будущего. Те в разы дороже, сам понимаешь!

В голосе убежденность. Умалишенный или вправду пользовался машиной?

— Мне нужны доказательства.

— Нихт проблем.

Наклонившись к камню, мужик что-то пробормотал.

Вдруг — клац! Верхняя половина камня открылась, как крышка унитаза. В нижней части — подозрительно коричневая масса.

Мужик ловко снял с себя сандалию и пяткой по массе — бац! Вмятина. Босую ногу опустил на снятую сандалию. Замер. Масса медленно разгладилась, булькнула и позеленела.

— Готово. Що тоби принести з прошлого для пидтвердження?

Виталик пожал плечами:

— Ну, не знаю... Рыцарский меч, например.

Наклонившись к камню, мужик громко отчеканил:

— Вечер девятнадцатого сентября одна тысяча триста пятьдесят шестого года нашей эры! Аккурат конец драки при Пуатье, Столетняя война, — выпрямившись, посмотрел на Виталика. — Лично для тебя железяку посолиднее подберу. С кровью или без?

Лед в животе стал тяжелым, как чугун. В памяти очень кстати всплыли слова старой песни: «И никто не узнает, где могилка моя». Надо было подробно описать жене, куда иду.

— Лучше без.

— А! Интеллигенция. Понимаю. Ну, жди. По-е-ха-ли!

И он исчез вместе с камнем. На земле осталась одна сандалия. И примятая трава.

Виталик остолбенел окончательно. Так недолго в психи заделаться. Или он уже?

Огляделся. Вокруг все было по-прежнему — лес да лес кругом. Виталик медленно попятился в ту сторону, откуда доносился гул автомобилей, казавшийся теперь приятнейшей в мире музыкой.

Поздно. Мужик появился на прежнем месте с длиннющим мечом в руках. Камнеподобная машина времени — тоже. Держась за рукоятку обеими руками, он поднял клинок перед собой и вправо-влево вжик-вжик! Лицо на мгновение стало зверским. Потом скукожилось в улыбке:

— Ну что, убедился?

Больше надо верить людям. Если говорят, что машина времени в рабочем состоянии — значит, в рабочем состоянии. Вдруг мужичок обидится и махнет мечом чуть ближе?

Виталик торопливо кивнул.

— Бабки гони.

Пересчитав деньги, продавец сунул их в карман и хлопнул Виталика по плечу.

— Поздравляю с покупкой! Вот моя визитка. Надумаешь дополнительные модули прикупить — звони. У меня самые низкие цены на рынке. Чао!

Воткнув меч в землю, он напялил сандалию. Затем, насвистывая, вытащил меч, медленно оторвался от земли и полетел сквозь кроны деревьев, срубая мелкие ветки на своем пути.

Крышка машины времени захлопнулась.

Захотелось схватить ее и швырнуть в спину летуну с криком «Сгинь, нечистая!». Сдержался.

Посмотрел на визитку. «Бильгамеш Энкидов, менеджер ЗАО "Белая магия для всех". Продажа волшебных палочек, ковров-самолетов, машин времени. Доступные цены».

Ничего особенного. Обычный менеджер по продажам. Ну, лесок слегка раздвинул. Ну, меч притащил из прошлого. Ну, летать умеет. Что с того? Дэвид Копперфилд еще не то вытворял!

Все тело начало колотить. Спокойно, Виталик, спокойно! Мир познан еще не полностью. В нем и впрямь могут быть закрытые акционерные общества белых магов. А еще серых и черных. И не только закрытые, но и открытые. С неограниченной безответственностью. Это многое бы объяснило и в экономике, и в политике. И даже то, как он мог жениться на такой ведьме, как Люда.

Виталик пробрался сквозь чащу к дороге, держа чудесную каменюку под мышкой. Сотовый зазвонил в тот момент, когда он уложил покупку на заднее сиденье.

«Ж-а Людмила» — высветилось на дисплее. «Ж-а» означало «Жена».

— Купил?

Не столько вопрос, сколько утверждение. Она всегда чувствует. Неужели и в самом деле ведьма? Не исключено. У нее на лбу не написано «человек».

— Да.

— Работает?

— Да.

— Можно на ней доехать в нужное место в нужное время?

— Да.

— Ура! Мой милый котик! Наконец-то ты станешь нормальным мужчиной.

Это она про деньги. На остальное ей вроде бы грех жаловаться.

Ну хорошо, улетит он в прошлое... А сможет ли вернуться назад? Или археологи раскопают его кости вместе с тем золотом, за которым женушка его посылает?

— Сейчас я приеду домой, поговорим.

— Зачем? Отправляйся в крепость Келат, куда персидский царь свез добычу из Индии!

Она имеет в виду Надир-шаха. Значит, догадалась, что справочник «Гаремы Востока» можно использовать не только как орудие для битья по голове. В нем есть целая глава про драгоценности!

— Думаешь, я понравлюсь царю? — спросил Виталик.

— Даже не мечтай! Мальчиков у него в гареме не было. Дуй прямо в кладовые и сразу назад. У тебя в багажнике большой пластиковый мешок, захвати его с собой.

— Зачем?

— Ты что, тупой? Куда будешь складывать золото и алмазы?

— Воровать нехорошо.

— Считай, что ты — новый Робин Гуд. Отбираешь у богатых и отдаешь бедной. Мне!

— А если я не вернусь?

— Вернешься, как миленький! Вот адрес: Персия, крепость Келат, 1740 год нашей эры. Запомнил?

— Вроде бы.

— Ну, а обратный адрес ты знаешь. Желаю удачи, котик. Жду тебя живым, здоровым и богатым!

Она всхлипнула и отключилась.

Рискнуть? Привезти ей мешок золота? Пусть подавится! Может, зауважает?

Вытащив машину времени на обочину, он дал ей задание отправить его в прошлое — практически к праотцам.

На мгновение в глазах потемнело. Затем он увидел зал без окон, освещенный факелами. Единственная дверь в каменной стене была плотно закрыта. Ряд колонн подпирал низкий потолок. Весь пол был застлан коврами, а в центре возвышалась целая гора золотых монет, колец и браслетов. Машина времени лежала у ног.

— Блин! Мешок забыл! — пробормотал Виталик, озираясь.

Лязгнул засов. Виталик схватил машину и метнулся в дальний, самый темный угол. Залег за колонной.

Дверь открылась. В зал вошла девушка в полупрозрачном шелковом платье, отбрасывая огромную черную тень.

Бум! Тень ударилась о притолоку, и Виталик понял, что это — не тень, а здоровенный африканец. На боку у него болталась короткая кривая сабля.

Надо было купить меч у Бильгамеша, с сожалением подумал Виталик.

— Шайтан! — сказал темнокожий мужчина, потирая лоб. — Вечно забываю... Выбери себе любые три побрякушки. Надиршах велик и щедр, да будет благословенно имя его!

Он шагнул назад, потянув за ручку, и дверь захлопнулась.

Девушка медленно подошла к золотой горе и остановилась. Стройная, белокожая, с темными распущенными волосами ниже пояса. Хоть сейчас на обложку «Плейбоя»!

Взяв из кучи миниатюрное кольцо, она надела его на палец и стала рассматривать.

— Выбери побольше, — неожиданно для самого себя посоветовал Виталик.

Она ойкнула и присела, вытаращив глаза:

— Кто здесь?

— Я.

Положив машину времени на пол, он вышел на свет и, сняв очки, учтиво кивнул. Надел очки.

Она прыснула и скромно закрыла нижнюю половину лица полой платья.

Стараясь не пялиться на ее голые ноги, Виталик кивнул на гору украшений:

— Пришла за покупками?

Девушка медленно опустила платье:

— За подарками. Шах пожелал, чтобы я сама себе выбрала. Сегодня ночью ему нужна лезгинка!

— Этот танец так дорого ценится? — удивился Виталик.

— Лезгинка — это я. Рабыня из Дагестана.

— Очень приятно. Виталик, переводчик из Москвы. Необычное у тебя имя — Лезгинка!

— Это не имя, а национальность. Меня зовут Дарья.

— Русская, что ли?

Она улыбнулась:

— Да нет же!

— Лезгинка! — догадался Виталик, чувствуя себя полным идиотом.

Только теперь он осознал, что говорит с нею на персидском. Странно. Никаких восточных языков он вроде бы не изучал.

— Ты — хороший человек, по глазам вижу, — сказала Дарья. — Сейчас вернутся стражники и отрубят тебе голову!

— За то, что я хороший? — нервно засмеялся Виталик.

— Нет. За то, что ты со мной разговариваешь. Шах этого не любит.

Виталик покачал головой:

— У каждого свой бзик... Кстати, убивать за разговоры — это недемократично... Даже за воровство в крупных размерах достаточно пожизненного заключения. Так и передай шаху!

Он набрал пригоршню украшений и запихал их в карман джинсов.

Девушка схватилась за голову:

— Несчастный, ты потерял рассудок? Теперь твоя смерть будет долгой и мучительной!

— Не переживай, через пару минут я унесусь в двадцать первый век.

— Правда? Ты — чародей?

— К сожалению, нет. Просто купил машину времени по дешевке и приехал прибарахлиться — Людочка попросила!

Он набрал еще одну пригоршню и запихал в другой карман.

— Кто такая Людочка?

— Жена.

— Наверное, ты ее очень любишь, раз полез в логово сатаны?

— Где логово сатаны — это еще большой вопрос... — уклончиво ответил Виталик. — А ты счастлива с шахом?

— Сегодня ночью буду... — приблизившись, она понизила голос. — Я так долго об этом мечтала! Наконец-то я его зарежу!

— Очень романтично... Шах тебя чем-то обидел?

— Лично он — нет. Но его войско напало на мой народ.

— Извини, не знал... Жанна д'Арк тебе случайно не родственница?

— Кто?

— Неважно... Придется тебя огорчить. Ты не сможешь его убить.

Дарья нахмурилась:

— Хочешь предупредить стражу?

— Разве я похож на стукача?! Просто в одной умной книжке написано, что Надир-шаха прикончат его собственные соратники. Все остальные попытки провалились — и твоя, выходит, тоже.

Она смотрела на него широко открытыми глазами:

— Поклянись, что говоришь правду!

— Зуб даю! Провалиться мне на этом месте! Ну, что еще... Век воли не видать!

После короткого молчания Дарья сказала какую-то длинную фразу. Виталик не понял ни слова.

— Что? — переспросил он по-русски.

Она повторила. Результат тот же.

Виталик сообразил, что перестал понимать фарси. Растерянно посмотрел на машину времени. На боку ее мерцала надпись красного цвета: «Демо-версия. Купите дополнительный модуль для продолжения перевода».

— Чтоб вы сдохли! — беззлобно пожелал он неизвестно кому.

Дарья пролопотала еще что-то. Он развел руками:

— Нихт ферштейн, милая!

За дверью послышались голоса.

Виталик в два прыжка добрался до волшебного камня, громко назвал свое имя, домашний адрес и дату.

Дверь распахнулась. В проеме показался чернокожий великан. За ним — еще парочка вооруженных людей. Увидев мужчину рядом с Дарьей, они мгновенно выхватили сабли из ножен.

Хотят порубить в капусту, догадался Виталик. А вот фиг им!

Что-то крикнув, девушка бросилась к нему. И коснулась его руки за секунду до того, как он произнес гагаринское «Поехали!».

В глазах потемнело.

Через мгновение он увидел знакомые очертания облупленного окна, кактус на подоконнике и батарею центрального отопления с пятнами ржавчины. Машина времени лежала рядом на паркетном полу.

Дарья опустила руку, оглядываясь кругом. На лице ее было написано детское любопытство.

Дурак, подумал Виталик. Зачем я назвал свой домашний адрес, когда надо было вернуться на сорок шестой километр?!

Он ощупал карман джинсов. Пусто! Ощупал другой. Тоже пусто! Посмотрел на руки Дарьи. Кольцо, которое она надела в сокровищнице шаха, исчезло.

Машина времени словно угадала его проблему. На боку у нее вспыхнула надпись: «Демо-версия. Купите дополнительный модуль для перемещения ценных предметов».

— Чтоб вы ВСЕ сдохли! — теперь уже более искренне сказал он. — Присядь, пожалуйста,

Девушка смотрела на него непонимающим взглядом. Виталик указал пальцем на кресло в углу. Она кивнула и устроилась с таким видом, будто это — партер, а перед ней — сцена, где вот-вот начнется спектакль.

Люда обязательно этот спектакль устроит, как только войдет. Да еще какой! Стены, конечно, не рухнут, но хрусталь у соседей точно полопается. Пронеси Господи!

Он осторожно открыл дверь в соседнюю комнату. Людочки там не было. В спальне, наверное. У нее после обеда — тихий час.

Виталик попятился и неслышно закрыл дверь. Достал из кармана визитку продавца. Набрал номер на сотовом.

— О радость моих очей, о солнце этого мира! Ты вернулся из Персии? — раздался в трубке голос Бильгамеша.

— Да. Мне нужны дополнительные модули!

— Очень рад. Какие именно?

— Для перевода речи и переброски вещей.

— Секундочку, милейший. Я загляну в прайсик, — в трубке послышалось шуршание бумаг. — Так, модуль перевода... Цена — триста золотых римских монет императора Нерона...

— Триста золотых?! Где я наберу столько?

— Да их везде навалом! Например, в нераскопанных могильниках на Апеннинском полуострове...

— Ты что, издеваешься? Когда мне могильники рыть?! Сбрось хоть половину! Все-таки ваша машина времени — «бывшая в употреблении»!

Бильгамеш засмеялся:

— В мире магии все — «бэ-у». А цены только растут... Ладно, предложу другой вариант. Вместо монет я могу взять одну красивую женщину. В прошлом за нее дадут всю сумму без разговоров!

— То есть ты... продашь ее в рабство?

— Точно, о мудрейший аксакал! Но не беспокойся. Я позабочусь о том, чтобы она попала в хорошие руки!

Нет, подумал Виталик, быть Робином Гудом — это еще куда ни шло, но работорговцем — никогда!

— Почему ты сам не отправишься в прошлое и не возьмешь то, что захочешь?

— О, в молодости я так и делал. Шесть раз меня хотели повесить, четырнадцать раз — четвертовать и семнадцать раз — посадить на кол. Надоело!

Виталик вспомнил сверкающие глаза и сабли стражников Надир-шаха. Замешкайся он хоть на секунду, его здоровье резко бы пошатнулось. Конечно, менеджером по продажам быть куда безопаснее!

— Сколько ты хочешь за модуль доставки ценностей?

Бумаги снова зашуршали.

— Так, посмотрим... Цена та же — триста монет! Но для тебя есть специальное предложение. Оба модуля плюс сто дополнительных лет жизни — за твою бессмертную душу! По рукам?

К счастью, Виталик читал в школе полный текст «Фауста», поэтому ответил без колебаний:

— Нет!

До его слуха донесся голос Людочки:

— Виталичка, ты уже дома? Золото привез?

Виталик разорвал связь с Бильгамешем и прижал палец к губам, посмотрев на Дарью. Та кивнула, радостно глядя на него своими большими миндалевидными глазами.

Он прошел в спальню. Людмила лежала в постели, закутанная в одеяло. Разлепив веки, повторила вопрос:

— Золото привез?

— Ну, я бы скорее назвал это «золотцем», — уклончиво ответил Виталик.

— Чего-о? — с угрозой в голосе протянула супруга, приподнимаясь на локте, и начала шарить рукой по тумбочке.

Там стоял большой электронный будильник. Если таким попасть в лоб, мало не покажется.

— Я тебе все объясню, — торопливо сказал он.

Людмила выслушала его рассказ о путешествии в прошлое, держа будильник наготове. Каждую секунду он ждал броска, готовый отпрыгнуть. Семейная жизнь все-таки пошла ему на пользу — научила быть бдительным и шустрым.

— Так, значит, рабыня сидит у нас в гостиной? — спросила жена с кривой улыбкой.

— Да.

— А ее согласие на продажу требуется?

Он пожал плечами:

— По-моему, у рабов об этом не спрашивали.

— Так чего ж ты ждеш-шь?! — зашипела она. — Немедленно звони своему Бильгамеш-шу! Пусть покупает!

Людочка начала торопливо одеваться, хлопая дверцами шкафа и ящиками комода.

Она была редкая стерва, но решения принимала всегда здраво. Действительно, зачем без толку рвать и метать, если можно купить-продать? Другого способа получить триста древнеримских монет просто нет. Не искать же их, в самом деле, в могильниках! Придется Виталику все-таки заделаться работорговцем. Ненадолго. Всего на один раз!

Выйдя из спальни, он остановился перед дверью гостиной и набрал номер Бильгамеша.

— Что надумал, о разумнейший из гениальных?

— Один модуль в обмен на одну женщину, — сказал Виталик почти шепотом.

— Отлично! Озвучь мне имя счастливицы и название модуля!

Ответив, Виталик нажал на кнопку сброса. Дело сделано. Нужно только выждать пятнадцать секунд, в течение которых, по словам белого мага, торговая операция будет полностью выполнена. Бильгамеш заберет красотку, а в обмен активирует нужный модуль в машине времени. С технической точки зрения ничего сложного.

Было слышно, как тикают настенные кварцевые часы. Виталик начал следить за секундной стрелкой.

Неужели он сделал это — решил судьбу женщины, не спросив ее мнения? А вдруг Бильгамеш соврал про хорошие руки? В таком случае, дамочка будет страдать до конца своих дней и осыпать Виталика страшными проклятиями. Где гарантия, что они будут ему по барабану?

В груди защемило. Это начались угрызения совести. Позвонить колдуну и сказать, что сделка отменяется? Нет, только не это. Уж лучше самому загреметь в тартарары, и притом без всяких дополнительных модулей.

Секундная стрелка совершила один полный круг, второй, третий... Больше ждать не имело смысла. Торговая операция либо выполнена, либо нет.

Он осторожно открыл дверь гостиной.

Дарья сидела там, где он ей сказал — в кресле напротив окна. Увидев Виталика, она заулыбалась и встала.

— Ты голодна? — спросил он по-персидски.

— Да, немного.

— Пойдем на кухню, я тебе что-нибудь приготовлю.

На лице ее отобразилось искреннее изумление:

— Ты... мне?! А разве твоя жена не умеет готовить?

— Умеет, конечно, но она здесь больше не живет... Ее передали в хорошие руки. А тебе придется осваивать русский язык. Согласна?

Она покраснела и опустила глаза:

— Конечно, если учить меня будешь ты, мой господин!

Виталик вдруг почувствовал, что он — самый счастливый человек на земле за последние десять тысяч лет.

АРТЕМ ФЕДОСЕЕНКО

Убить Чужого

Повесть

Неизвестно, кто увидел тарелку первым. Павел считал, что — он. Он первым вылез из палатки и побрел, разлепляя глаза, к речке. Клапан второй палатки — Бориса и Эдика — был закрыт. Утро звенело комарьем — с палец, ей-богу, хоть в рыло бей, — было прозрачным и душистым. Оскальзываясь на крутом бережке, он спустился к воде, сел на корточки, собрался с духом и плеснул в лицо воды. Никакой бодрости, а тем более радости от холодной воды он не испытал, скривился и плеснул еще раз, тщательно растирая по опухшим глазам.

Надо меньше пить.

Ну, это понятно. Только невыполнимо — в тайге, на рафтинге, да с Эдом. Впрочем, болел он не так сильно, как предполагал вчера.

Павел с отвращением выдавил на старенькую зубную щетку зеленой гнуси под названием «Хвойный лес» и принялся изгонять изо рта ощущение помойки. Где-то в этот момент он и почувствовал высокое-свербящее — то ли в ушах, то ли сердцем. Поднял голову, а там, черт-те на какой высоте, но отчетливое — оптика напоенного утренней влагой воздуха, — закладывало вираж ОНО, похожее на фрисби, невнятной окраски — то ли черное, то ли слепяще-белое. А ему наперерез стремился белый инверсионный след. Павел выпрямился, оглянулся в растерянности, — а они уже были все снаружи: Серый, Борька, Эд — и,

задрав головы, смотрели на тарелку. Серый говорил, что истребитель опередил-таки тарелку, но она прошла сквозь след очень близко к соплам. Павел этот момент пропустил. Когда он снова посмотрел в небо, там уже было дымно, и оба небесных странника, кувыркаясь, летели в стороны и вниз. А потом земли достиг хлопок — глуше и тусклее, чем при салюте, и оттого — страшнее. Даже не страшнее, а как-то фатальнее. Взаправду.

Истребитель, который кувыркался куда-то далеко за реку, катапультировал кресло с пилотом, — конечно, с земли разглядеть выброшенный «пакет» было невозможно, но когда над ним раскрылся парашютный купол, все сомнения отпали. Тарелка же падала прямо на ребят, сверкая солнцем и переливаясь всеми цветами радуги.

— Ховайся! — заорал Борис и бросился к рафту.

— Не, в лесу упадет, — остановил его Эдик, не отрывая взгляда от растущего, бешено вращающегося объекта.

Объект упал в лесу.

— Ну, вот, — сказал Эд. — Не так далеко, кстати. Поищем?

— А чего это он не взорвался? — зачем-то шепотом спросил Серый.

— Он ведь не тупо упал, — ответил Эд. — Он же притормаживал постоянно. Рывками двигался — не заметил?

— Ага, и по краям рябило так, — вмешался Павел. — Это, наверное, двигатели тормозные. Или поле какое.

— Рот прополощи. Сейчас гуманоиды завалятся, а у тебя вся пасть в пасте.

Павел обиженно посмотрел на Эда, но тот не спускал задумчивых глаз с леса.

Пока Павел полоскал рот, гуманоиды не пришли. «Придется искать их самим», — подумал он. Нетерпение было так велико, что он забыл про похмельный синдром и вмиг взлетел по оплывающему грязью берегу к стоянке.

Серый закидывал землей костровище, Борис выговаривал Эду:

— Ну зачем же сворачиваться? Сам же сказал — недалеко. Нашли бы этих, привели сюда, а у нас уже горяченькое!

— Сворачивай палатку, тебе говорят.

— У НИХ от твоего «горяченького» может несварение желудка получиться. Или чего у них там может быть! — весело крикнул Павел. — А действительно, Эд, зачем лагерь сворачивать?

— Ты летчика видел? — ответил Серый. — Скоро здесь вся краснознаменная будет.

— Ну и что?

— Так они тебе и дадут контакт налаживать.

— «Ложить» неправильно, правильно — «класть», — проворчал Павел.

— На них покладешь…

— И то верно. Как контактеров загребут в закрытый институт, и полгода мамку не увидишь! Ну, давайте тогда собираться.

— Может, хоть позавтракаем, — продолжал упорствовать Борис.

— Кончай ныть! Тут такое! Может, раз в жизни!

— Ты чё? В какой жизни? — захохотал Серый.

— Да у него просто словесный понос от шока, — пояснил Борис.

— Ну и ладно, — весело согласился Павел. — Давайте скорее шалабудень всю нашу…

— Вы что, с ума сошли? — от холодного, равнодушного голоса Эдика все замерли, как стояли — Серый опирался на черенок лопаты, Павел нагнулся за туристическим ковриком, Борис, уперев руки в боки, разглядывал свою палатку. Эдик неотрывно следил за ветвями деревьев. И было что-то в его глазах от усталого равнодушия узника Освенцима, или героя, оставшегося прикрывать отходящий отряд — с двумя гранатами против танкового корпуса, или от человека, которому из выходов остался только суицид.

Звенела комарами тишина.

— Ефремова перечитали? — по-прежнему буднично заговорил он. — Откуда вы знаете, с какими ОНИ намерениями? Парили где-то в горних… Маскировались. Сколько лет? Зачем? Рассекречены и сбиты.

Похолодало. А может, похолодело. Где-то внутри. У всех.

— Ты чего это, Эд, — потянул Борис, и Павел поморщился — до чего писклявым и напуганным оказался его голос. — Кина американского пересмотрел?

— А если даже и не так, — не обернулся Эдик, — все равно. Контакт должны творить специалисты. Мало ли чего ты наговоришь, расхлебывай потом.

— Дело говорит, — согласился Серый. — Съё…

— Договорились же! — рявкнул Эдик.

— Уходить надо, — поправился Серый.

Из-за торопливости все валилось из рук. Тюки получались менее плотными и требовали перепаковки. Рюкзаки не вмещали и трети от обычного. Эдик периодически замирал, уставившись

на лес, Борис обиженно сопел, а Павел не мог избавиться от историй «похищенных инопланетянами».

— А почему ты ИМ сразу враждебность приписываешь? — спросил Павел, помогая Серому скатывать палатку.

Эдик разровнял дерн на том месте, где зарыл пустые бутылки из-под вчерашнего, и только потом ответил:

— А как ты назовешь ситуацию, когда за тобой исподтишка наблюдают? Когда берут без спроса?..

— А что ОНИ взяли?

— А ты знаешь наверняка, что ничего? Какого тогда ОНИ здесь? Сообщения-то который год поступают.

— В одной книжке читал, — сообщил Борис, — что ОНИ людей ради генетического материала воровали...

— Ага, — нервно хохотнул Павел, — и трахаться заставляли! Хочу туда!

— Дурак.

— Никто не знает, чего ИМ надо. Только внимательный взгляд из-за шторы редко бывает доброжелательным.

— Человек тоже много за кем наблюдает, — возразил Серый. — Из научного интереса. За рыбками, там, хомячками...

— А когда хомяк его за палец укусит?

— Ну, шлепнет по башке один раз.

— Будешь ждать, когда тебя?.. А ведь ЭТИ без тарелки остались, она как минимум капремонта требует. Во враждебном окружении. И конспирацию блюсти надо. Как ты думаешь, на что ОНИ готовы? А тут Бориска такой, из леса с улыбкой до ушей.

— Но ты меряешь ИХ логику нашей, земной, — вмешался Павел. — У НИХ ведь логика совсем другая.

— Какая?

— Не знаю...

— Вот и я не знаю. А значит, действую, как мне подсказывает моя. То есть готовлюсь к худшему. Будет лучше — и слава Богу! А вдруг — нет? Понимаешь, Пашка, в любой ситуации надо на что-то опереться. А если не опираться на свой разум, то где ты найдешь другую точку опоры?

— Мы тут цивилизации юго-востока понять не можем — странными они нам кажутся, — а ты хочешь инопланетян понять, — поддержал его Борис. — Может, ОНИ — каменюги мыслящие.

— И еще момент, — не слушая, продолжал Эдик: — это мы ИХ не знаем. А ОНИ нас который год изучают. Следовательно, должны предполагать все возможные ответы человечества.

— А чаще всего мы отвечаем в рыло, — закончил Серый. — Кулаком, там, или ракетой, уж чем придется.

— Вот и представь ИХ настроение.

Наконец, пожитки были собраны и побросаны в рафт, Серый сел за рулевое весло, Борис с Павлом — за гребные, а Эдик устроился на носу. Павел со смешанным чувством наблюдал, как он расчехляет, заряжает и кладет поперек коленей вертикалку.

Плыли молча. Серый старался прижать рафт к берегу, прямо к свисавшим над водой лохмам кустов. Борис, когда выдавалась возможность, яростно натирался репилентом, хоть гнус над рекой и сносило ветром. Эдик в своей неподвижной позе напоминал индейца из советского кино. Павел задумчиво смотрел, как блики солнца струятся по воронению ствола. «Нормально! — радовался Борис, когда Эд объявил, что берет с собой ружье. — Постреляем!» «Можем, Бориска! — отвечал Эд с улыбкой. — Только я не для этого беру. В тайге, оно знаешь, медведь — прокурор. Лихие ребята встречаются, беглые всякие. Там же зона на зоне. В общем, тяжело в деревне без нагана!»

Лихих ребят не встретилось. Похоже, встретились лихие гуманоиды. По крайней мере, таковыми их посчитал Эд. А в логике ему не откажешь.

— Как вы думаете, сколько ИХ там было, в тарелке? — спросил вдруг Эдик, все так же изучая заросли по берегу.

— Да сколько угодно! — ответил Павел. — Если ОНИ ростом по колено, то и с десяток набраться могло. А если ниже, то и тысяча. Может, это целый межзвездный лайнер был!

— Сколько раз ИХ уже на Земле видели, — возразил сзади Серый. — Что, ОНИ каждый раз на патрулирование по межзвездному лайнеру отправляли?

— А может, он вообще автоматический, — предположил Борис.

— Я вот что думаю, — продолжал Серый, — каждый раз по описанию НЛО по размерам схож с земной техникой. Значит, и ОНИ должны соответствовать. Итого, в тарелке поместится от одной до трех особей.

Эдик молча выслушал.

Плыли минут сорок, периодически берясь за весла. В тайге перекликались птицы, будто и не произошло ничего особенного, будто межзвездные корабли падали сюда уже не раз и не два. Не захочешь, а задумаешься над тысячелетиями истории, то и дело стиравшими шрамы техногенных катастроф и оформлявшими в привычный нашему глазу пейзаж метеоритные кратеры,

и над тем, что жизнь человека — лишь краткий миг из жизни планеты, — в общем, сплошная банальщина лезет в голову, если слушать пение птиц. А ты пения не слушай. Ты слушай — не замолкает ли оно где вдруг, не ломится ли что-то инородное сквозь заросли, да любуйся переливами бликов на ружейном стволе. Вот что помогает сегодня твоему выживанию.

Зелень по берегу — стеной. Остро чувствовалось присутствие Чужого.

— Мы же себе никогда не простим! — вырвалось у Павла.

— И то верно, — вдруг согласился Эдик. — Там, метрах в сорока, можно будет высадиться.

Павел с Борисом схватились за весла, подгоняемые радостным возбуждением — посмотреть хоть одним глазком! Серый правил недовольно, но молчал.

Пятачок для высадки оказался грязным и с гулькин нос. Ноги промочили до колен, но не обращать же внимание на такие мелочи! Рафт укрыли в прибрежных зарослях, покидали в него основную поклажу, взяв с собой только воду и легкий перекус, приметили место по причудливой скале на том берегу и двинулись. Первым шел Серый, за ним Эдик, с незачехленной вертикалкой, но, правда, за спиной, затем — Павел и в арьергард — Борис.

Лес продолжал жить своей жизнью, не обращая на чужаков никакого внимания.

— Ни черта мы так не найдем, — возбужденно сказал Павел. — Надо цепью разойтись!

— А ты по верхушкам смотри, — посоветовал Эдик. — Он же косо падал. Верхушки наверняка посшибал.

— Так вон же оно! — ахнул Борис.

Павел задрал голову и тоже увидел в полукилометре справа синеву неба сквозь приличную прореху в деревьях. Не сговариваясь, перешли на рысь, путаясь в папоротниках, почти ударяясь о стволы. Но это оказался всего лишь овраг — без всякого иноземного присутствия.

После этого все-таки развернулись в цепь, но так, чтобы всем всех было видно — только поверни голову.

Минут через двадцать Серый нашел тарелку, и, действительно, прогалину она проделала такую, что мимо не пройдешь. Ребята долго стояли у последних целых деревьев и смотрели на темно-матовую поверхность среди вспаханной земли. В ней тускло отражалась синева неба и зелень листвы, а передняя часть была разворочена наподобие раскрывающегося бутона. То

ли взорвалось там что-то, то ли таков был механизм люка. Ничего не шевелилось вокруг тарелки, и лес продолжал щебетать, но подходить ближе было боязно.

Серый вышел в солнечный свет, переступил через поваленный ствол, помедлил и шагнул еще раз. Очень хотелось дождаться, когда он подкрадется к «бутону», заглянет внутрь, помедлит, а потом махнет рукой, дескать: «Ну что вы там!», — но к тарелке все четверо подошли почти одновременно.

— Как ты думаешь, она еще раскаленная?

— Часа три прошло.

— Чего делать-то будем?

— Не знаю... Внутрь бы надо...

— Ага, сейчас! Сам полезешь?

— Да ну тебя...

— Ни фига она поляну пропахала! Может, это ихний комбайн такой? Или бульдозер?

Павел нервно рассмеялся и осмелился прикоснуться к пупырчатому корпусу — рука шла словно сквозь столетия и миллионы километров, а он оказался теплым (не то не остыл все-таки, не то нагрелся на солнце), этот материал, сделанный — даже не руками! — в невообразимом далеке, изогнутый для невероятной конструкции, соприкасавшийся с абсолютным холодом космического пространства, раздвигавший звездную пыль...

— Ну как? — с придыханием спросили в ухо.

— Железо, вроде, — ответил Павел.

— Сам ты железо! Ты железо от алюминия-то отличишь?

Павел думал, что да, но уверен не был и огрызнулся:

— Ну хорошо, пусть будут композитные материалы!

Он убрал руку и украдкой огляделся: нет ли поблизости отвалившегося кусочка обшивки — на память из глубин космоса.

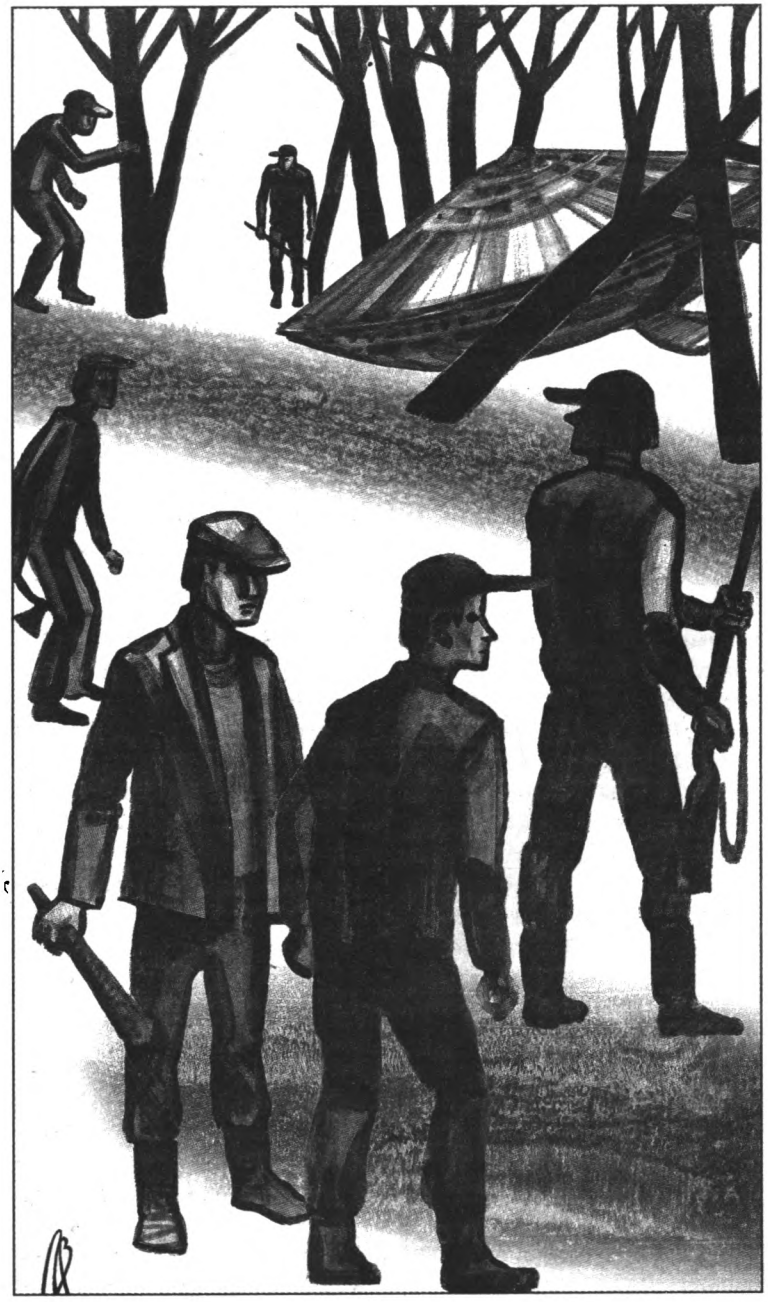
— А она не радиоактивная? — спросил сзади Борис.

— Не, радиопассивная! — хохотнул Серый. — Яйца отвалятся — узнаешь!

Искать осколок расхотелось. Зачем-то потирая руку, касавшуюся обшивки, о джинсы, Павел повернулся к Эдику. Тот задумчиво стоял перед отверстием с ружьем наперевес. Павел подошел к нему и осторожно заглянул в непристойно развороченную дыру.

Внутри тарелки было темно, и глазам потребовалось время для адаптации.

Первое, что со смешанным чувством облегчения и разочарования осознал Павел: внутри никого не было.



Кабинка оказалась маленькой — на одного, — и всю ее занимало псевдо-пластиковое кресло в раскладке «полулежа». Кресло было узким, длинным, сегментированным, и все его сегменты неестественно преломлялись, но становилось абсолютно ясно, что изломы эти не следствие катастрофы, а, так сказать, физиологичны. ОНО лежало в кресле, изломавшись по длине, и ЕМУ было комфортно. Панель управления... А не было никакой панели управления. Ни рычагов, ни кнопок, ни циферблатов. Даже джойстика не было. Лишь, перекинутый через кресло, болтался толстый гофрированный шланг, заканчивающийся полумаской — все каких-то неприятно-болотных тонов.

— Слушай, — Борис заглядывал теперь через Павлово плечо, — а масштабы-то и вправду человеческие.

Павел смотрел на ремни крепления полумаски — они казались пропитанными какой-то влагой, возможно, инопланетянским потом.

— А я слышал, — продолжал Борис, — что америкосы в семьдесят восьмом... Или семьдесят четвертом?

— В шестьдесят пятом, — поправил Павел, хотя совсем не был в этом уверен.

На похожей на пластик обивке кресла тоже темнели пятна. Не хотелось представлять, какими биологическими жидкостями они наделаны. А не представлять не получалось.

— Ну, пусть в шестьдесят пятом. Так вот, америкосы сбили НЛО и достали оттуда двух инопланетян. Отвезли в Рокуэл, в ангар семьдесят семь, это в пустыне Невада...

— Все собрал, язык без костей, — неприязненно сказал Эдик.

И ведь никаких «Made in...». Ни буковки. Ни иероглифа. Ни цифры. Ни знака. Почему-то именно это обстоятельство делало кабину настолько чужой, что даже мысли не возникало забраться внутрь.

— В общем, ОНИ как люди были, только синие, худые, с глазами, как модные черные очки...

— Да все эти картинки видели! — оборвал Бориса Эдик.

— А я — даже фотографии, — сказал Павел.

— Вот, он даже фотографии видел. И, кстати, давно доказано, что это мистификация. Куклы это были. Не сбивали американцы никого!

С этими словами Эдик потянулся ружьем и сбросил полумаску с кресла. Она перевернулась и оказалась изнутри в каких-то извилистых тошнотворных валиках, покрытых прозрачной

слизью. Павла замутило, и он отпрянул. Хуже всего, что внутренняя поверхность полумаски действительно отдаленно напоминала человеческое лицо — с огромными выпуклыми глазами, непомерно большим ртом... А в какие склизкие борозды ложились валики — не представлять опять-таки было невозможно.

— А это, похоже, для ушей, — буднично произнес Серый. — Или перепонки у НИХ какие-нибудь?

Это было последней каплей. Павла вывернуло в траву. Не выпрямляясь, он сплевывал и пытался отдышаться, а сам думал, что ЭТО сейчас ходит по тайге. По его родной Земле. Смотрит своими лупоглазыми... Его снова вывернуло. А перед глазами стояла синяя худая лапа с тремя перепончатыми пальцами, касавшаяся березки, — остальное было как бы «за кадром».

— Мы себе никогда не простим, — повторил Эдик. — ОНО идет к поселениям. А военные неизвестно где, как обычно. Когда еще прилетят? Сколько времени будет упущено? Есть только мы.

— И что ты предлагаешь? — спросил Серый.

— Искать.

— Ты же сам сказал, что контактер должен быть подготовленным. Ну, найдем мы ЕГО, и что?

— Мы ЕГО убьем.

Павел вздрогнул и замер. Замерли деревья, замерли облака в небе, даже птицы, казалось, поперхнулись. А самое удивительное, что слова Эдика в глубине души были ожидаемы и не вызывали отторжения. Павел выпрямился.

— Ни фига себе! — выдохнул Борис.

Серый устало смотрел на Эдика, ответный взгляд того был тверд до оцепенения.

— Обоснуй, — наконец произнес Серый.

— Мы не знаем, чего от НЕГО ждать.

— Так.

— Соглядатаи с цветами не приходят.

— И?

— Думаешь, ОН в милицию сдаваться пошел?

— Если ОНИ до сих пор скрывались, ОН и дальше станет прятаться.

— Вот и представь себе действия резидента, которого раскрыли. Сколько он жизней положит для сохранения статус-кво? Жизней хомячков. И кстати, а с какой целью ОНИ скрывались? Даже если ОНИ во все лопатки добра нам желают, как называется добро исподтишка?! Причем, добро в понимании нелюдя.

Каков хороший, по ИХ мнению, дальнейший курс нашей истории? А должное развитие культуры? Взаимоотношения? Ты хочешь жить в соответствии с ними?

— ОНИ нас довольно хорошо изучили. Наверняка разработали консенсус.

— В чью пользу? А НАМ это надо: менять свою жизнь с учетом пожеланий какой-то слизистой мрази? А если ОНИ на самом деле желают нам зла, ты подумал? Превосходящие нас в развитии на столетия! Вероятность между этими вариантами в лучшем случае пятьдесят на пятьдесят. И вот вторую возможность на тормозах спускать никак нельзя! В случае инопланетного доброжелания мы еще можем поразмышлять, там, посмотреть, куда что покатится... Но если ОНИ пришли со злом, медлить мы не имеем права. Мы проиграем свою планету. И пока остается возможность ИХ агрессии, не букеты мы должны готовить, а ружья! Одно дело, если бы здесь были представители силовых структур. ЕГО можно было бы изловить, допросить, там, переговоры какие устроить... Но здесь только мы. И ОНО. С неизвестными нам способностями. Ловить? Обманывать и ждать военных? А даст ли ОНО нам возможность ловить и ждать? Нет, у нас будет одна секунда. И только она. Бывают моменты, когда кто-то должен взять на себя ответственность. Сам. На себя. Возможно, придется ответить потом перед обществом, но не факт. Сам — перед собой. Этот момент отделяет Человека от дрожащей твари. Нам не повезло. Мы попали как раз в такую ситуацию.

Павел взглянул на друзей: Серый слушал угрюмо, Борис — растерянно.

— Но как же... — прошептал он тоненько. — Это же как?..

— А ты в маску загляни, поймешь, — посоветовал Павел. — У него же рожа из червей!

— Но все равно!.. Это что же ОНИ о нас подумают!

Павел не нашелся что сказать. Зато нашелся Эдик:

— Если ОНИ этакий добрый сверхразум, да еще исследуют нас не первое тысячелетие... то поймут. Если же агрессоры, то мы правы по всем статьям.

— Подытожим, — сказал Серый. — Нам известно, что пришелец один, что ОН прямоходящий гуманоид...

— С чего это? — возразил Павел. — Может, ОН без рук, без ног? И вообще лежал в этом кресле мордой вниз?

— Хорошо, оставим. Нам известно, что ОН ушел. Куда?

— ОН будет стремиться сохранить инкогнито, — сказал Эдик. — Значит, к городу пойдет вряд ли.

— ЕМУ же надо тарелку чинить!

— Вряд ли у людей есть для этого материалы.

— Мы не можем знать, — злорадно подсказал Борис.

— Более вероятно, что ОН вызовет подмогу по рации. И будет ошиваться в ожидании помощи по тайге... Ну, хорошо, такой тезис: тарелка ЕГО демаскирует. Возможно, она — единственный способ вернуться домой. Таким образом, собирается ли ОН ее чинить или уничтожать, далеко ОН не уйдет.

— У НЕГО три часа форы.

— Вот и не теряем времени!

— А если ОН решит спрятаться среди людей? — спросил Павел.

— Синий и скользкий? — хохотнул Серый.

— Нет, — смущаясь, объяснил Павел, — может, у НЕГО скафандр какой есть, как человек. Или ОН невидимым становиться может...

— Тогда тем более ЕМУ идти незачем, — вставил Борис.

— Или вообще облик менять, — закончил Павел.

— Телевизором прикинется, — предположил Серый.

— Может, и телевизором... — задумчиво сказал Эдик. — В общем, надо кого-то у тарелки оставить. Вряд ли, конечно, ОН сюда в течение суток-других сунется, но...

— А там и военные прилетят, — с облегчением сказал Борис.

Эдик прищурился в его сторону:

— Ты уверен?

— В смысле?!

— Ну, что военные прилетят.

— Так ведь летчик...

— А ты уверен, что он достиг земли живым?

— Но самолет...

— Самолет упал черт-те где за горизонтом. Вместе с черным ящиком. А искать станут именно черный ящик, а потом уж — пилота. Пост у тарелки необходим. Возможно, в конце концов, все здесь окажемся, ждать. Значит так, остается Борис.

— Ты чё, с ума сошел?! Нигде я не останусь!

— Лупень, тебе самое безопасное поручают.

— Вот и оставайся сам!

— Я останусь, — сказал Серый.

Эдик посмотрел на него и кивнул.

— Второго дать не могу. Сам понимаешь, искать цепью будем...

— Я понимаю.

— Ракетница цела?

Серый кивнул и вытащил из-за спины стартовый пистолет. Эдик оглянулся на остальных:

— Оставляем по одной ракете, остальное — Серому, — и уже ему: — расчетное время возвращения — через три часа. Прячься рядом с поляной. Если появится — отбеги и стреляй в воздух. Мы увидим и придем. Если ОН опять куда двинет, иди за НИМ и периодически стреляй.

— Так вы и увидите, — усмехнулся Серый.

— Я сам за небом следить буду. И все будут.

— Да ладно... стрельну. Только ты же знаешь, как я с этим обращаюсь, — он указал глазами на пояс с ножом — самодельным тесаком с ладонь шириной, острым, как бритва. — Пусть ОН мне только подойти даст! Подкрадусь или поулыбаюсь, типа...

— Смотри сам. И осторожней. За деревьями следи. «Хищника» помнишь? Со Шварцем?

— Помню.

Борис побледнел:

— Слушай, а ведь правда, как мы ЕГО увидим-то?!

— Не ссы, это наш лес! Для НЕГО он — чужеродная среда. Увидим!

— А ну как из лазера шарахнет?

— А от этого, мой друг, никто не застрахован...

Они пошли, как и раньше, цепью, петляя меж стволов, поминутно озираясь друг на друга, назад — не пропустить сигнальную ракету Серого — и по ветвям деревьев. За каждым деревом мерещился Чужой. Постоянно вспоминались кадры кинофильмов: голубые лупоглазики, телекинезом разбрасывающие коммандос и танки, боевые треножники над домами пригорода, пресловутый predator с лазерным треугольником, слюнявый alien с башкой, высовывающейся изо рта, что-то осминожье-слякотное, тянущееся к нежной блондинке... Все это вдруг перестало быть пошлым и смешным. «Хорошо, я X-files не смотрел, — думал Павел, — и Star track. Это сколько бы пищи для фантазии...» Впрочем, хватало и так.

Заимку заметили издалека. Там жгли конский навоз — от гнуса. Эдик жестами приказал: тише. И пригнувшись двинулся в сторону запаха. Павел с Борисом, сопя и потрескивая ветками, пошли следом.

Заимка была обыкновенной — неопрятная землянка с покосившимся пологом, костровище, натянутая бечевка с сушащимся

бушлатом, несколько бревен. На одном из них сидел дед в выцветшей армейской рубашке, армейских же штанах и сапогах и сортировал по пучкам какую-то траву, похоже, собираясь ее сушить. Минут пять они наблюдали из-за деревьев.

— Пошли, — наконец сказал Эдик, перебросил вертикалку за плечо и вышел на поляну.

Борис с Павлом последовали за ним. Дед поднял голову, замер, медленно отложил связку листьев. У деда была косматая седая борода и выцветшие синие глаза.

— Здорово, отец, — негромко сказал Эдик.

— Здорово, коли не шутишь...

Павел впервые слышал эту фразу живьем и удивился, насколько естественно она прозвучала из уст этого человека.

— А не видел ли ты, отец, чего странного?

— Это чего это?

— Может, выходил к тебе кто?

Старик покосился на ствол ружья, выглядывающий из-за Эдикова плеча:

— Да вроде вы первые.

— А шум в тайге слышал? Часа три назад. Грохот.

— Слышал. Упало чего?

— Упало... — вздохнул Эдик. — Отойдем, отец, разговор есть.

Они скрылись в землянке. Борис присел на бревно, и Павел, подумав, устроился рядом, с блаженством вытянув ноги. Ступни гудели.

— Слушай, — обеспокоенно заговорил Борис, — а если ЕГО пули не берут?

— С чего бы?

— Ну, ОН же в скафандре наверняка.

— Кто знает, если тарелка хорошо экранирована, может, и без скафандра.

— Да, но ОН же аварию потерпел! Должен быть какой-то костюм!

— А ты в рожу бей.

— Это если ОН без шлема.

— Если ЕГО кислородная атмосфера не устраивает, то на кой ляд ЕМУ вообще Земля далась?

— Это, знаешь ли, спорно.

— Спорно, — согласился Павел, потом наклонился к Борису и заговорщицки предложил: — ты, главное, как ЕГО увидишь, сигнальную ракету стреляй. Да не в рыло, а в небо. Эд увидит, прибежит, тут-то мы и посмотрим, берет ли ЕГО пуля.

— Слушай, — перебил его Борис, — а ты знаешь, что Эд в дурдоме два месяца сидел?

— Это он от армии косил.

— Ну да, ну да... А если не косил? А мы тут ведемся...

— Не, Боря, ты ж его знаешь. Ну в каком месте он сумасшедший?

— А как сегодня говорил.

— И что? Ты не согласен?

— Ну... В общем, согласен...

— Вот видишь. Он сказал, а ты пропустил информацию через фильтр своего разума, здорового разума, да? И признал адекватной. Значит, он не псих.

— Но Гитлеру тоже верили...

— Во-первых, сумасшествие Гитлера не доказано. Психопатический склад личности и сумасшествие две...

— Кстати, — перебил Борис. — Если он в «дурке» сидел, откуда у него разрешение на оружие?

— А у него и нету. Это брата его ружье. Кстати, если уж брат ему оружие дал, значит Эд точно не сумасшедший.

В это время из землянки показались Эдик со стариком, и ребята замолчали.

— Значит, хуже фашистов, говоришь... — кряхтел дед.

— Хуже, отец, гораздо хуже.

— Э-хе-хей... Сначала димакраты, типерь еще этого не хватало...

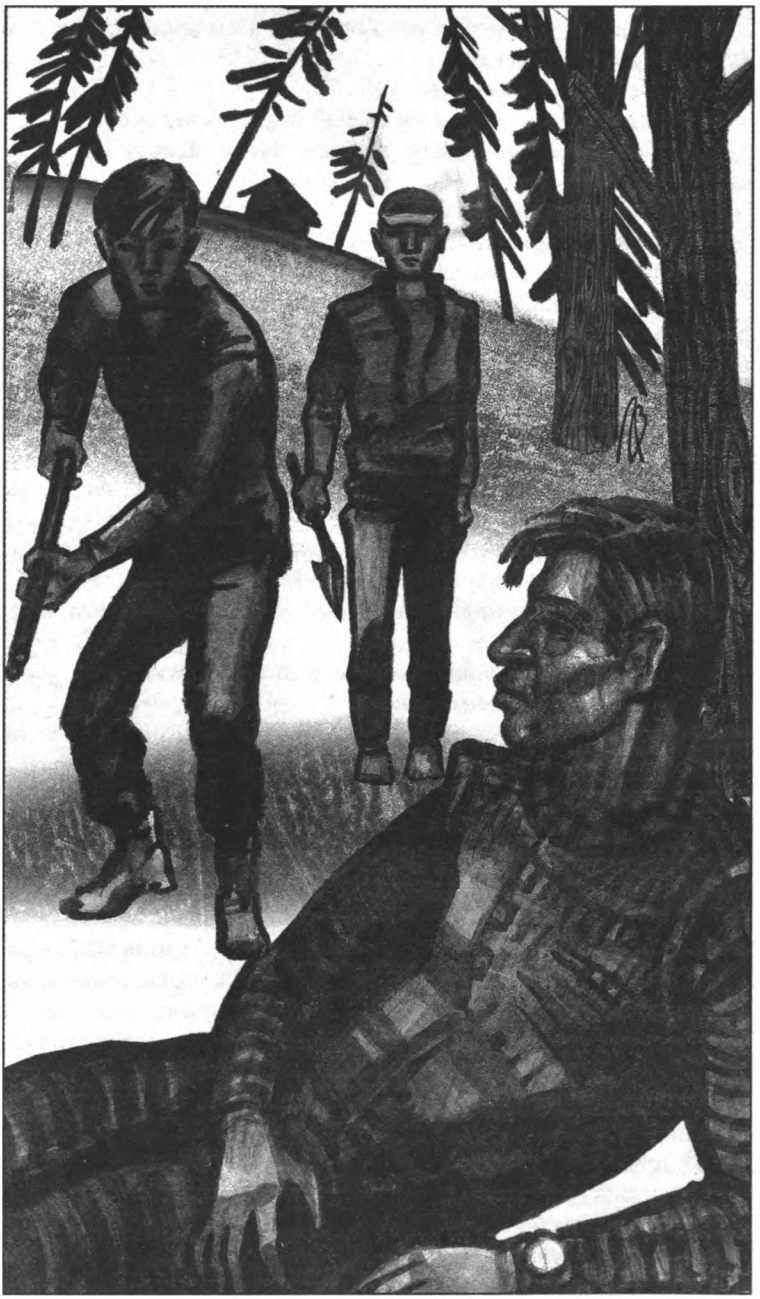
— В общем, ты поосторожней, отец. Смотри в оба.

— Ну да, ну да. Так, может, все-таки пообедаете?

— Некогда. Отстаем сильно. Ну, бывай.

Проходя мимо друзей, Эдик молча махнул рукой. Они так же молча встали и двинулись в лес, растягиваясь в цепь. Вскоре запах горелого навоза остался за спиной, и гнус вновь вступил в свои права, стартуя из растревоженной ногами травы. Репелленты помогали мало. Павел непрерывно тряс головой, не забывая поглядывать в небо за спиной и придирчиво осматривать ветви деревьев. Следов пришельца не было. Надо было искать вокруг места падения, глядишь, усмотрели бы, где ОН в тайгу ушел. Павел вспомнил разломанные деревья. Нет, это вряд ли... Перехватил рукоять стартового пистолета. Посоветовав Борису стрелять вверх, сам для себя Павел решил: сразу — в рожу. Эдик прав, возможность будет только одна, и продлится она — миг. Может, ОНО мысли читает!

Мужика он увидел, когда тот оказался уже между ним и Борисом — среднего возраста, с бородой, в старенькой, но чистой



куртке с тощим рюкзаком за спиной. От неожиданности Павел издал какой-то возглас, достаточно громко. Борис вздрогнул, остановился, развернувшись к нему, но мужика заметил только проследив за взглядом Павла. Облегченно выдохнул и опустил пистолет. Мужик стоял неподвижно, настороженно поглядывая то на одного, то на другого. Глянув через плечо и убедившись, что Эдик тоже услышал крик и теперь идет к ним, Павел направился к незнакомцу:

— Добрый день!

— Добрый, — просипел мужик.

— Скажите, вы никого не встречали?

— Никого я не встречал!

Павлу не нравились рыскающие глаза мужика, его поза со втянутой в плечи головой, да и говорил он, будто каши в рот набрал. С другой стороны — мало ли что у человека с дикцией. А встретив в тайге трех рослых парней, прочесывающих ее цепью со стартовыми пистолетами наголо, кто угодно напугается. Эдик быстро приближался, и Павел заторопился, не желая передавать ему инициативу:

— А издалека идешь-то?

— Издалека. И вообще, давай-ка, каждый своей дорогой!

— Твоя уже закончилась, — со злостью сказал Эдик, вскинул вертикалку к плечу, приник щекой к прикладу и тут же выстрелил.

Голова мужика взорвалась. Темная кровь плеснула на бурые стволы. Тело качнулось и упало в траву.

— Ты чего?!! — заорал отшатнувшийся Павел.

— Это что, ОН?! — визжал Борис.

Эдик еще раз выстрелил — в середину спины. Быстро перезарядил ружье и долго приглядывался к трупу.

— Вы не подумали, что ОН может обладать такой способностью: принимать облик человека? — наконец сказал он, не отрывая глаз от тела.

— Слушай, — прошептал Павел, — ну это же вообще бред.

Эдик вскинул голову и ожег его взглядом:

— Ты уверен?! «Нечто», оно же «Тварь»! «Факультет»!

— Это же Голливуд, Эд!

— И что?! Ты знаешь о пришельцах больше, чем сценаристы Голливуда?

— Но нельзя же планировать операцию по фильмам!

— Нельзя рисковать. Ты этого мужика видишь первый раз в жизни. Застали в окрестностях падения НЛО. Ведет он себя

странно, странно разговаривает, бежать пытается! Изначально прятался! Рисковать нельзя, Пашка, Земля на кону. А здесь... Здесь ведь медведь прокурор. Если и ошибемся...

— «Третья экспедиция», — вдруг сказал Борис.

— Что? — повернулся к нему Эдик.

— Это у Бредбери рассказ такой, из «Марсианских хроник», — заторопился объяснять Борис. — Там марсиане притворились умершими родственниками космонавтов, а ночью перерезали их всех!

— Видишь, Пашка, Борис и тот понимает. Это ведь идеальный способ маскировки. И агрессии.

— И что теперь? — сдался Павел. — Назад?

— С чего бы это? Мы же не уверены, что мужик был инопланетянином. Мы просто не могли рисковать. Надо идти дальше.

— Тем же путем идти бессмысленно, — сказал Борис. — Если мужик был инопланетянин, то мы его убили. Если нет, то он же сказал, что никого не видел.

— Верно говоришь, Бориска! — Эдик присел над трупом и полез по карманам. — Только чего он такой напуганный тогда шел, а?

В карманах обнаружились сигареты, спички и три ружейных патрона. В рюкзаке — тушки четырех белок.

— Вот чего он боялся, — сказал Эд. — Браконьерил понемногу. А под курткой, похоже, обрез. Кому надо — доставайте.

Надо было обоим, но раздевать труп... да еще и в кровище весь. Ну, и ствол, опять же, не зарегистрированный, мало ли что на нем висит...

— Все-таки человек, — сказал Павел.

— Не факт, — весело ответил Эдик. — Где бы ОН одежду взял? Завалил кого-то, раздел...

— Ага, а труп сожрал.

— Вариант. Сожрал труп, получил ДНК, скопировал внешность. И пошел в город.

— Смеешься?

Эдик медленно покачал головой.

— Пошли?

И они пошли, все-таки приняв вправо.

Как и прежде, рыская глазами по стволам, Павел обдумывал новую идею, и она все меньше казалась дурацкой. Если ОНИ давно наблюдают за нами, ОНИ либо могут быть невидимыми, либо принимают человеческий облик. И действительно, нет доказательств, что этот мужик не инопланетный пришелец, мы ведь

даже вскрытие ему не можем сделать. Впрочем, вскрытие, скорее всего, тоже мало что дало бы — так, скопировав внешние покровы, не позаботиться о внутренностях могут только в фантастических комиксах. А в реальности речь действительно скорее пойдет о полном копировании тела человека. Причем, очень может быть, реального человека — это самый простой способ: читай ДНК, и никаких тебе ошибок! Бритва Оккама — из всех решений выбираем самое простое.

В общем, факт в том, что любой, встреченный нами в лесу, МОЖЕТ оказаться пилотом тарелки. Агрессором. А рисковать мы не имеем права — такова наша миссия. И ответим потом только перед своей совестью. А после убийства этого мужика с совестью лучше не разговаривать. Поэтому, на самом деле, вариантов у нас нет. Остается поиск.

— Привет, братва! — весело окликнули справа. — Это вы стреляли?

Павел тут же обернулся и увидел улыбающегося мужчину в форме ВВС России, который легко приближался к ним, точнее, к Эдику. Летный шлем болтался в его левой руке на манер лукошка. Павел сразу подумал, что нелегко будет этому веселому парню доказать свою человеческую сущность. Если, конечно, его в упор не спросить: не инопланетянин ли ты, мил человек? Только кто же такие вопросы скрытому врагу задает? Павлу даже стало как-то отстраненно жаль его, обреченного на смерть.

— Я, — ответил Эдик. — Пацанов собирал, чего-то разбрелись сильно.

— А. И куда же вы, такие воинственные, идете?

— А вы, такой военный?

Пилот хохотнул:

— Да я тут случайно тарелку сбил. ВТП такое, ага. Вот иду посмотреть, — потом хитро прищурился. — А вы, похоже, уже на нее посмотрели?

Павел с Борисом уже подошли, смущенно спрятав пистолеты и глупо улыбаясь.

— Посмотрели, — согласился Эдик.

— И меры приняли, — закончил пилот.

— Ну, может, помощь какая нужна…

— Понятно, — пилот покосился на вертикалку, которую Эд продолжал держать наперевес, правда, расслабленно и стволом вниз. — Лейтенант Мерзляев, Северо-Байкальский военный округ.

Пришлось представиться.

— Ну, что, пошли назад? Там, — он махнул головой за спину, — пришельцев точно нет.

Пошли.

— А как вы на него наткнулись? — волнуясь, спросил Борис.

— Честно говоря, просто отрулить не успел. Он словно из зоны радиомолчания выскочил. Тишина, тишина, и вот тебе на, тело, площадью поболее моего «МиГа»! Я в маневр уклонения, он вроде как тоже. И отстает. Я уж думал, пронесло... Не пронесло.

— А дальше?

— Что дальше? Двигатели горят, рули не слушают, хорошо, машина в горизонтали шла, катапультироваться сумел. Падаю, ноги берегу, а сам глаз с него спустить не могу, как он в тайгу валится! — он снова хохотнул. — Сквозь небо ясное. В дымке всё — такой утренней, синенькой. А слева — тарелка по параболе. Красотища! Будет что внукам рассказать.

— И скоро ваши прибудут? — равнодушно осведомился Эдик.

— А вот тут проблемки, дружище. Я еще до земли не долетел, как наши СО МНОЙ в шлемофон заговорили! Никаких сосов, говорят. Полная секретность, говорят. Местных не только не вызывать, но и гнать в шею! В смысле — не только вояк, но и прочих... местных. Сектор, говорят, закрываем для полетов. Иди, говорят, к объекту и охраняй до прибытия группы. Ориентировочное время прибытия — к завтрему. Самое раннее — ночью. Так что проводите меня до объекта, и до свиданья. Вы откуда, кстати?

— Не местные, — перебил Эдик готового к ответу Бориса. — Мы рафтинг по речке делаем.

— Вот и прыгайте на свой рафтинг и делайте себе по течению. Да веслами помогайте. Чем дальше уйдете, тем лучше для вас. А я вас как бы и не видел. Ну и вы язык за зубами держите, а то ведь затаскают. Допросы, обследования...

— А что это у вас в шлеме, — подозрительно спросил Павел, приглядываясь к болтающемуся «лукошку». Там поблескивало что-то наподобие компьютерной видеокарты с обрывками проводов.

— А это, друг мой, схема такая, самая важная!

— Магнитолку со штурмовичка скрутил? — предположил Эдик.

— Ну, типа того, — усмехнулся пилот.

— Правее нам, по-моему, — сказал Эдик и круто повернул.

Павел похолодел — где-то там лежал застреленный мужик:

— Эд! А по-моему, нам прямо!

— Нет, — твердо ответил Эдик. — Нам точно направо.

Павел переглянулся с Борисом, и они пошли следом за Эдиком и пилотом, глядя на его спину, обтянутую летным комбинезоном. И тут Павел понял! Выходит такой обаятельный из леса, абсолютно не удивляется ни им, ни ружью в руках Эдика, рассказывает историю, не называя ни одного военного термина, к тарелке торопится, увлекает их как проводников, намереваясь сразу же отправить восвояси, убеждает молчать и даже запугивает. А у самого из «лукошка» выглядывает какая-то вырванная из приборной доски микросхема. По отдельности все это объяснимо: ну, возбужден человек столкновением с НЛО, ну, сленг у него такой, то есть стиль передачи информации, ну, и связаться с ним действительно могли, а к месту катастрофы НЛО готовится вылетать какая-нибудь специально обученная команда из самой Первопрестольной — отсюда и дикие сроки прибытия и дикая же секретность, — и слышал он где-то когда-то, что катапультируясь, пилот должен спасти какие-то не то секретные, не то дорогие элементы электроники борта. А то, что с земли Павел принял МиГ за Су, так не настолько хорошо он разбирается в авиатехнике, да и расстояние было — дай боже. Но все вместе... Все вместе пахло очень нехорошо. Съеденным пилотом пахло. И деталями для ремонта тарелки. Вот Эдик и придумал последний тест, и как же хотелось Павлу, чтобы, увидев тело, пилот среагировал так: «Здесь был пришелец! Он кого-то убил!»

У самого места, где произошла трагедия, Эдик чуть приотстал, пропуская пилота вперед. Павел впился взглядом в его спину, ожидая реакции. Она была незамедлительной. Увидев тело, пилот даже с шага не сбился — резкий поворот, и уже нет улыбки на узких бледных губах, и стальной взгляд, напряженный и нечеловечески холодный, а рука рвет клапан кобуры и тянет на свет вороненую сталь пистолета, — но Эдик уже готов, он ждал, с нежностью прильнув к ружью, и дуплетный выстрел срывает с нелюди лицо, тонкую кожу нацепленной им маски, отшвыривает тело назад. Тот, что называл себя пилотом, падает поперек того, что притворялся браконьером.

Павел, чувствуя неимоверную слабость сел прямо в траву, обнял колени и попытался унять дрожь. Борис мрачно и спокойно взирал на тела. Эдик перезаряжал ружье.

Меланхолично шумел лес.

— Погода сегодня хорошая, — вдруг сказал Борис.

Павел взглянул на кроны деревьев, пронизанные солнечными лучами, и согласился:

— Да. Не то, что позавчера.

— Подольше бы продержалась. Нам еще плыть и плыть...

— А еще идти и идти, — сказал Эдик. — Местность нужно все-таки зачистить. Кому пистолет нужен?

— Мне, — сказал Павел, расслабившись. — А знаешь, что, Эд? Если ОН пилота съел, то по закону сохранения массы сейчас должно быть два пришельца.

— Этого еще не хватало, — с отвращением сказал Борис. — Заполненная пришельцами тайга! Себя-то послушай!

— Допустим, — Эдик не обратил на него внимания, — но деталь-то нес этот. И был один.

— А может, он ТОГО на Земле оставил. Резидентом.

Эдик вздохнул, глянул на часы:

— Ладно. В любом случае, пора возвращаться к Серому. Там и решим.

— Может, разделимся? Один — к Серому, двое — туда?

— Нет. Никаких разделений. И вообще, из виду не пропадать. Как мы потом узнаем, что одиночка остался человеком?

Это проняло. Павел поднялся, подобрал вылетевший из руки пилота «Макаров», проверил предохранитель и сунул за пояс джинсов. Нужно было проверить еще и обойму, но настолько не хотелось, что Павел понадеялся на добросовестность военного.

— По дороге зайдем к деду. Нужно посмотреть, как у него дела.

Борис вздрогнул:

— Эд, деда не трогай!

Эдик молча пошел в обратном направлении.

Борис догнал его:

— Эд?

Наконец тот ответил:

— Посмотрим. Понаблюдаем за ним и решим.

К заимке они вышли неожиданно быстро и почему-то сзади. Таясь, прошли по лесу кругом и заметили деда — он лежал у входа в землянку, загородившись какой-то лавкой и поваленными ржавыми остовами бочек, и озирал тайгу поверх ружейного ствола.

— Я обойду сзади, — прошептал Эдик. — Залезу на крышу над ним, посмотрю на него. Потом вы выходите и идите к нему не торопясь, гомоните. Потом побеседуете с ним о чем-нибудь, а я послушаю. Потом спущусь, обойду хибару и выйду, типа, из леса. Поняли?

Они быстро закивали. Эдик настороженно оглядел их и нырнул в заросли.

— Что сбежим, боится, — пояснил Борис.

Павел не ответил. Оценив диспозицию, он дополз до поваленного ствола, откуда, раздвинув лопухи, можно было видеть поляну перед землянкой и выглядывающую из-за баррикады двустволку. На ней весело играло солнце.

Минуту спустя к нему шумно подполз Борис:

— Прячется?

— Прячется.

— Значит, нормальный. Инопланетянину-то зачем прятаться?

— А армию подманить. И положить здесь батальон-другой. Из ружья. Он его в бластер переделал.

— Очень смешно. Вам бы, мил человек, книжки писать.

Павел не ответил.

— Я вот что думаю: сваливать надо. Берем Серого — и на реку. Посуди сам, если даже взять твою бредовую идею о сохранении массы, ходил-то пилотик легко и энергично! А Второй с той же скоростью сейчас по тайге в неизвестном направлении... Где нам ЕГО искать? А тут скоро весь Забайкальский округ...

— Северо-Байкальский, — поправил Павел.

— Какая разница?!

— Тише ты. Так и сделаем... — на крыше землянки показался Эдик, медленно подкрался к самому «коньку» и замер там, прижимая к груди вертикалку. Ствол дедова ружья не пошевелился. Глуховат дед.

Глядя на Эдика, Павел закончил:

— Наверное.

— Слушай, а тебе не кажется, что наш самозваный командир немного... реальность видит искаженной?..

— Пошли уже! Отползай.

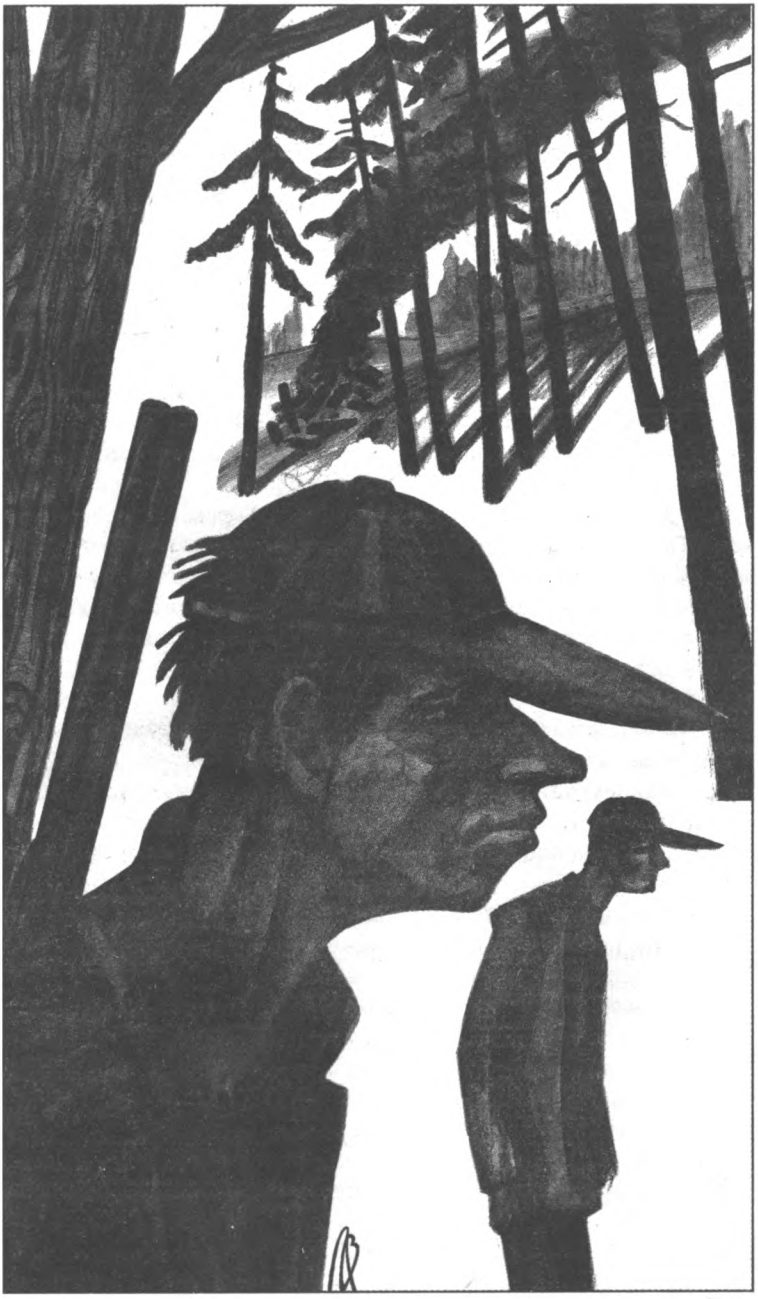
Они отползли глубже в лес, обошли поляну так, чтобы выйти прямо на вход в землянку, и двинулись вперед, стараясь громче шуршать ногами и хрустеть ветвями.

— Слушай, а ну как шмальнет?

— С чего бы ему шмалять? Он же нас видел.

И чтобы заглушить страх — ему вдруг представился Эдик, стреляющий в деда, а потом — в них, с криками «Пошли прочь, пришельцы!», — Павел запел во весь голос какой-то дурацкий шлягер.

Они вышли на солнце.



— Эй, отец! — замахал Павел насторожившемуся ружью. — Встречай, что ли!

Грохнул выстрел. Павел бросился на землю:

— Ты чего?!!

Крик его потерялся во втором выстреле, Павел сразу узнал голос Эдовой вертикалки.

И вновь настала тишина. Она всегда какая-то особенно тихая и звенящая после стрельбы, подумал Павел. А особенно — после того, как поймешь, что стреляли в тебя, а ты все-таки жив. И снова предательски дрожали ноги.

Павел заставил себя подняться и шагнул к землянке, из которой больше не высовывалось никакого ствола, а на крыше сидел понурый Эдик с вертикалкой поперек коленей. Шибанула мысль: а где Борис? Он остановился и какое-то время не мог заставить себя обернуться. Поза Эдика отвечала на все вопросы.

А вдруг ему нужна помощь?

Пошатываясь, Павел вернулся к телу. Было ясно, что помощь Борису не нужна — глаза его были открыты, и по ним ползала мошка.

Павел присел, глядя в лицо друга. Пуля попала в грудь, лицо не задето даже кровью, но искажено такой гримасой, что... Павлу было спокойно. Умом он понимал все, но сердце что-либо понимать отказывалось. Он протянул руку и опустил неожиданно послушные веки. Вот лежит Борис, и это конец. Конец чего? Скорее — начало. Начало неприятностей. Им ведь домой возвращаться... Нашел, блин, время, ротозей! От пули не мог увернуться!

Павлу стало стыдно перед собой, но скорее — по долгу морали. Не душой. Он поднялся на ноги и пошел к Эду. Тот уже спустился с крыши и сидел на поваленном стволе дерева, приспособленном под лавочку, у стены землянки. Рядом лежали недообработанные дедом беличьи шкурки. Глядя на них, Павел вспомнил того браконьера. Похоже, они с дедом промышляли вместе. Может, даже отец и сын. Заглянул в импровизированный окопчик. Дед лежал ничком, раскинув руки, с пробитой спиной.

Сел рядом с другом. Помолчали.

— Ну, что он? — спросил Павел, глядя, как солнечные лучи ложатся меж стволов деревьев.

— Бредил он, — отозвался Эдик. — С людьми какими-то разговаривал: с товарищем капитаном Карповым, Никитой... И еще с кем-то. Фашистов ругал. В лицо. Потом — демократов. На ЖЭУ кому-то жаловался. Опять фашистов поминал. Потом

предлагал Никите заряжать и не жалеть патронов, когда марсиане заявятся...

Шелест листвы, пение птиц...

— А тут мы заявились.

— А тут вы...

Помолчали.

— А может, это у него перезагрузка была? — тоскливо спросил Павел. — Ну, пришелец информацию из мозга деда дефрагментировал?

— Может.

— А чего он тогда стрелять по нам начал? Чего пришельцу в биоматериал-то стрелять?

— Ну откуда я знаю?!

— Так ты же у нас самый умный, типа! Это же всё твои идеи!

— Слушай, давай без истерик, а? Только психов нам здесь не хватало...

— Да уж, психов у нас сегодня целый лес...

Эдик вытащил фляжку с водой, отхлебнул, протянул Павлу. Пить хотелось, а вот при мысли о еде мутило.

— Давай его сюда подтащим.

— Давай.

Тело Бориса оказалось тяжелым, неудобно-мягким. Они подтащили его к землянке и перевалили через баррикаду.

— Закапывать не будем?

— Без нас закопают.

— И то верно. Слушай, Эд, уходить надо. Наигрались.

— Какие, к черту, игры! Ты же тарелку не просто видел, ты к ней руками прижимался! Никто не обещал, что будет легко.

Павел послушал, как уходит в небытие секунда, за ней — другая...

— Я когда-то читал рассказ, как спецслужбы нашли инопланетянина с одним глазом и оживили его. А глаз — не то зрачком пульсировал, не то свет неритмично испускал... В общем, это информация закодированная была. И все, кто это видел, ее получали. И становились инопланетянами. То есть у них не только психика менялась, они и физически облик меняли. И набралось у той спецслужбы целая комната таких вот инопланетян, никак их истребить не могли.

— А газ? А бомба?

— Не помню я... нельзя почему-то было... Для интереса, наверное. В общем, нашли слепого каскадера, запустили в

ту комнату, и он их на звук расстрелял. А последний специально подставился — кинулся и магнитофон включил с музыкой какой-то заунывной. Каскадер ее услышал — и тоже превращаться стал.

— И что?

— С собой покончил.

— А-а.

— А у Кинга в одной книжке люди в инопланетян превращались оттого, что тарелку раскопали, а она какой-то газ вырабатывала.

— Интересно, — со скукой в голосе согласился Эдик.

— Суть в том, что не имеет значения, каким способом тебе передадут информацию. Ты получаешь ее, сам не зная откуда. И превращаешься.

— Ты о нас с тобой? Что ходим и всех мочим?

— Вообще-то, я о Сером. Он же у тарелки остался.

— Так чего сочинять-то, — горько усмехнулся Эдик. — Мы его три часа не видели. Ты можешь поручиться, что за это время он с НИМ не пообщался? Вот и все. Мне, дураку, раньше это обмозговать надо было... До того, как разделились.

— И что делать будем?

Тяжелый вопрос. Задавался тяжело, и как прозвучал, легче не стало. Друг все-таки. А сейчас даже не знаешь — друг или нелюдь... И не докажешь ничего. Никому.

— Я думаю, быстро надо. Чтоб заподозрить не успел. Чтоб не мучался.

Павел кивнул, не смея поднять глаз.

— Кто стрелять будет?

Павел вздрогнул. До сих пор стрелял Эд — как владелец ружья и лидер. Но — Серый. Он общий друг, и прятаться от этого решения за детский лепет... Вот сейчас стыдно стало душой.

— Я стреляю плохо, — признался Павел. — А надо с первого раза.

И вновь исчезающие секунды тишины: одна, другая, третья — томительно, как набухающие капли, но срываются, срываются...

— Ты прав.

Камень с души.

— Пошли?

Эд вывел его к тарелке с уверенностью пеленга. Не так уж далеко они ушли — то ли искали медленно, то ли время в волнении растянулось... Лучше бы оно сейчас растянулось, пока они — как

партизаны, как диверсанты, как враги — крались к кромке леса, к поляне, на которой лежал разбитый космический корабль, а привалившись к нему спиной, дремал на солнышке их друг. Перед ним было приготовлено костровище, и котелок, и нехитрая снедь, и даже бутылка с водкой — в теньке. И все это ничего не доказывало — миллион объяснений, зачем это нужно Чужому.

Стрелять в профиль было неудобно. Пришлось отступать и выходить с другого сектора. Серый дремал, полуулыбался...

Или притворялся.

Эд шумно вздохнул, приладил ствол на ветке, прицелился... Чуть повернул голову, стер плечом пот, прицелился снова.

И все равно первый выстрел прошел мимо — в борт тарелки.

Серый ошалело вскочил на ноги, заозирался.

Вторая пуля пробила ему грудь.

Чувство, которое испытывал Павел, было состраданием. К обоим. К одному, напуганному, осознавшему, что обречен, но не понимавшему: почему?! — и ко второму, который взвалил на свои плечи такой груз. Ради человечества. Тема сочинения: Эдуард Зееманов, кто он — маньяк или Человек? А вот Павел Сидихин сочинения явно не заслуживает.

Эдуард меланхолично перезарядил ружье и принялся зачем-то вытирать ствол пучком травы. Впрочем, понятно, зачем. Нужно было собраться с силами, чтобы выйти на поляну. Павлу — то же, но какие тут могут быть сравнения?

Он вышел из-под деревьев. Что бы что-то кому-то доказать, а скорее всего — самому себе, Павел пошел к Серому. Он сидел, привалившись спиной к тарелке, свесив голову на плечо, словно и не вставал, только кровавый след на борту, только рваная дыра в груди. Павлу вспомнилось, как в десять лет, купаясь, Серый поранил ногу о консервную банку, и он, Павел, его потом до дома тащил. Прогнав воспоминание, он принялся искать пульс на сонных артериях.

Серый был безнадежно мертв.

И что-то странно поблескивало на его левом ухе... И по линии нижней челюсти справа.

Павел отскочил. Сердце лихорадочно лупило в грудную клетку, и в такт ему от виска к виску металось: «Правильно сделали, Господи! Все правильно сделали!»

— Что такое? — спросили прямо за спиной.

Павел подпрыгнул, но это был всего лишь Эдик.

— Смотри! — он ткнул пальцем в Серого. — У него вся рожа в слизи!

Эдик брезгливо наклонился, оглядел лицо Серого, потом заглянул в тарелку:

— Маску мерил. Идиот.

— Слушай, давай быстро все тут соберем, прыгаем в рафт и...

— Подожди. Я тебе что-то покажу.

У Павла похолодело в груди — ничего хорошего от такого тона ждать не приходилось — и побрел на ватных ногах следом за Эдиком.

Совсем рядом с тем местом, откуда они стреляли, была примятая трава, поломанный с одной стороны куст, и все это было вымазано чем-то очень напоминающим запекшуюся кровь.

Они переглянулись и пошли по следу — два человека с огнестрельным оружием в руках, и оба предохранителя были сняты, и у обоих пальцы лежали на спусковых крючках. Пришелец полз неровно, но след был четким — длинная полоса примятой травы, щедро обагренная кровью, периодически кровь скапливалась чуть ли не лужами — то ли ОН отдыхал, то ли терял сознание. Затем кровь прекратилась, но след остался и явно забирал влево, в обход поляны с НЛО. Они шли, молча, быстро, уверенно. Пришельца не могло спасти ничто, окажись он хоть белым и пушистым глазастиком, при виде которого девушки бы плакали от умиления, — слишком важна была их миссия, слишком велики были ставки (и ряд взяток уже побито), слишком много крови — человеческой крови! — пролилось из-за НЕГО сегодня. Они шли по следу.

Он полулежал, привалившись к стволу, — крупный белобрысый парень с переломанными ногами, правая перетянута жгутом, в недифференцированной военной форме без знаков различия. Над ним плотно кружили мошки. Замученным взглядом, с трудом поднимая веки, он оглядел их, стоявших над ним, провел разбухшим языком по потрескавшимся губам, попытался что-то сказать, но смог только со второй попытки:

— Мужики... пить дайте...

Павел не пошевелился — никаких переговоров с нелюдью! Эдик молча снял с пояса фляжку и кинул белобрысому на грудь. Тот жадно припал к горлышку, потом полил на голову и растер грязь ладонью по лицу:

— Уф... Спасибо, мужики. Я уж думал, каюк... Заблудился. Как упал, испугался, что рванет вот-вот, старался уйти подальше. Не соображал ничего. Теперь вернуться хотел. Не смог.

Они молча слушали. До чего же ОН казался человечным! И даже не скрывает. А может, ОН катапультировавшимся летчиком хочет прикинуться?

— Как вы меня нашли?

Глупый вопрос.

— Расскажите лучше, из каких вы к нам глубин? — ехидно произнес Павел.

Парень растерянно посмотрел на одного, на другого и вдруг расхохотался, размазывая по лицу слезы. Возможно, это была истерика.

— Да вы что! И вы туда же?! — Успокоившись, представился: — Капитан Федор Погорельцев, летчик-испытатель, — и, иронично глянув на Павла, добавил: — из-под Москвы.

Нельзя было его слушать! Никак нельзя!

— Ага, из-под Москвы! Да у тебя грязь на роже к слизи прилипла! Зря отмывал!

— Это не слизь. Это гель. Для улучшения контакта между кожей и пластинами сенсорной панели.

Браконьер.

— Это опытный образец, совершенно новый принцип безинерционного полета. Решено его на поток не пускать, пока из модели всех возможностей по апгрейду не выжмем. А пока обкатываем и используем как воздушный разведчик, — он подмигнул, — благо легенда про «летающие тарелки» давно в массах. Я, кстати, из Китая сейчас возвращаюсь. Лейтенант Мерзляев.

— В твоей тарелке ни буковки по-русски! Вообще ни буковки!

— Конечно. Это на случай, если собьют. Там даже гайки с обратной резьбой.

Борис.

— А приборы?

— Вся информация шла на очки маски по оптиковолоконному кабелю.

Дед.

— А почему там маска из жгутов вся?! Она же должна плотно прилегать!

— Это сенсорные панели. Аппарат управляется мимической мускулатурой лица. «Жгуты», то есть пластины сенсора, предназначены для избирательного контакта. Это повышает управляемость, устраняет электро-механическую диссоциацию. В общем, без этой избирательности рулить тарелкой не получилось бы.

Серый.

— И как же ты, такой высокотехнологический, в самолет-то врезался? — вступил в разговор Эдик.

Парень потупился и признался нехотя:

— С управлением не справился. Там же на очки круговой обзор подается — и так башка кругом, да еще и качество оставляет желать лучшего. Расстояние позволяло, хотел над ним пройти. А он меня — радаром по антилокационному покрытию. Самое смешное, что он-то даже не заметил. А у меня помехи; фонит, как в зоне «молока». Я, вроде, в сторону, и тут он перед самым носом. Ну, я и запаниковал. А когда паникуешь, рожа-то дергается...

Павел смотрел поверх него и даже не слушал слов, мир итак рушился прямо под ногами, он слушал интонации, а они к концу рассказа явно задеревенели и поехали вниз.

— Вы что, мужики? — вдруг прошептал пилот.

Павел проследил за его взглядом. Он смотрел на левую Павлову штанину, испачканную засохшей кровью, но абсолютно целую.

— Вы что?!..

Он смотрел на пистолет в опущенной Павловой руке. Павел тоже посмотрел и отчетливо увидел рифленый табельный номер.

Сбитый «МиГ». Катапультировавшийся летчик. Два вооруженных безумных молодчика. Штанина в крови. Табельный номер на штатном армейском пистолете.

Павел шагнул вперед, вскинул руку и стрелял, пока не кончилась обойма.

Очень хотелось жить.

Очень не хотелось в тюрьму.

А тишина после выстрелов снова была полной, звенящей, спокойной. Как пробел после точки, лишенный мнимой значительности многоточия.

— У него зрачки пульсировали, — сказал он Эду, не оборачиваясь. — Как в том рассказе.

Эд не ответил.

Тела они стащили в землянку и сожгли. Туда же бросили разряженный пистолет. Пока Эд найденным топором крушил кости лицевого черепа Борису и Серому, а потом отрубал им кисти — чтобы сжечь отдельно и наверняка, — Павел сидел на импровизированной лавочке и курил, второй раз в жизни. Окурок тоже полетел в огонь. Через реку переправились уже на закате, затем шестами оттолкнули рафт с поклажей от берега и потопили парой выстрелов из ружья. На себе несли, в основном, еду, благо ее осталось предостаточно. Ночевки делать не стали — к тому

моменту, как сюда заявятся военные, нужно было уйти максимально далеко.

В идеале, говорил Эд, выйти бы месяца через три где-нибудь на Камчатке. Так далеко вряд ли получится, меланхолично возражал Павел. К тому же, там зона лагерей. Ну, поймают, возражал Эд, и что? Заблудились! Парни потерялись. Или рассорились, они на рафте уплыли. Годится, соглашался Павел. Беглых зэков после сегодняшнего он нисколечко не боялся.

Первым шел Эдик, за ним Павел. В прыгающих тенях от фонарей быстро идти не получалось. Павел смотрел на вертикалку, перечеркивающую спину Эдика, и думал о том, что в бега с собой всегда берут «свинью». Потому что с едой в тайге бывает не так уж хорошо. Правда, еды навалом, и ружье есть, но «свинью» зачем-то же берут.

И что он — единственный свидетель. Пусть повязанный кровью, но проболтаться же можно и по глупости.

А здесь — медведь прокурор.

И Дед ли стрелял?

Эд, кстати, тоже единственный свидетель.

К тому же, сидел в «дурке».

Да, он очень хорошо ходит по тайге, но и я в пионерах был. На юг ветви длиннее, склон муравейника положе, а на север — мох растет. И встретив реку, надо идти по течению — там обязательно будет поселение.

У него ружье.

У меня нож.

Значит, только одна попытка.

Одна секунда и только она. Возможно, придется ответить перед обществом, но не факт. Только перед самим собой.

А с собой как-нибудь договоримся.

НАТАЛЬЯ КОЛПАКОВА, АЛЕКСАНДР КАМЫШОВ

Герой

Рассказ

Правда

Крылатая колесница неслась в предательски прозрачном небе. Внизу бугрились бесконечные хребты гор, а следом мчалась погоня. Боги ни с кем не собирались делиться священным огнем, тем более — позволить хоть кому-то пойти против их воли. И в этом все дело! В конце концов, что священный огонь? Не сделает он титанов соперниками богов. Но оставить безнаказанным бунтаря, похитителя священного артефакта... «Зевс Всепрощающий» — да уж, сомнительная слава! Проклятье, ни облачка, придется все же укрываться в горах. Те, что за спиной, нечасто бывают на земле, и лазанье по скалам вряд ли покажется им приятной прогулкой.

Рванув на себя поводья, он швырнул колесницу вниз, к мелькнувшему между скал крошечному плато. Вот и черная щель, вход в пещеру. Миг — и титан уже несся узкими коридорами, спускаясь все глубже. Язычок священного пламени на ладони рассеивал вечный мрак, разметывал по углам потревоженные тени...

...Не просто свет. Тепло. Тепло притягивало, и завороженный Щ медленно, словно пробираясь меж разомлевших на зное змей, приближался к спящему. Шажок, еще один, еще чуть ближе... Крошечный язычок бился под боком храпящего гиганта, ластился к расслабленным пальцам, отгоняя прочь ночные

тени. Прозрачный, беззащитный... нет, вовсе не нуждающийся в защите, способный в миг стать огромным, грозным, сильным, непобедимым! Щ протянул руку и, сам еще не понимая, что делает, опустился на колени, прежде чем коснуться трепещущего лепестка. Волна тепла лизнула его пальцы, словно ощупывая их, мягкой волной накрыла ладонь и вдруг вольно хлынула выше, затопляя все тело. Щ не знал, сколько времени он простоял так, — да и не представлял он, что это такое — время. Наконец оторвал взгляд от мерцающего пламени, зажмурился, сбрасывая оцепенение, и осторожно отступил, накрыв алый язычок второй ладонью...

...Титан проснулся внезапно, расслабил мгновенно напрягшиеся мышцы и приказал себе замереть, вслушаться. Земля чуть приметно дрогнула, потом содрогнулась еще, и он не сомневался в том, что это значит. Еще удар! Чуть сильнее, а значит, ближе. Что ж, он старался избежать схватки, и преследователям некого будет винить, кроме самих себя. Конечно, если за ним гонится сам Арес... Впрочем, тем хуже для Ареса!

Титан приподнялся и потянулся к огню. Вскочил, обернулся, ошалело осмотрелся еще раз. Глупо, глупо! Как будто священный огонь возможно не заметить! Отсвет мелькнул в дальнем конце пещеры, и он бросился туда, в два скачка нагнав приземистое создание в вытертой звериной шкуре. Существо рванулось к какой-то щели, титан в несколько прыжков настиг его и, передернувшись от животной вони, рванул из ножен меч. Существо затравленно обернулось, стискивая в лапе пульсирующий огонек. И вдруг лапа осветилась изнутри, розово-золотистая волна залила каменный мешок, и невидимая сила отшвырнула меч. А одетое в шкуры ничтожество выпрямилось, оказавшись почти одного роста с великолепным титаном, и уверенно воззрилось на него. Взгляд титана встретился со взглядом зверя... Нет, уже не зверя. Но кого?

С оглушительным грохотом обрушился свод пещеры. Титан развернулся, описывая мечом серебристую дугу, и успел заметить, как похититель огня юркнул в неприметную расселину...

...Щ мчался беззвучной тенью, скользил сквозь чащу, почти не тревожа ее. Он не думал, куда двигаться, как избежать опасностей и почему нужно спешить. Он просто знал. Не знал главного — что такое этот красный язык в его ладони, просто хотел его и хотел принести его своим. Язык был горячий, но не такой,

как языки, что лижут поваленные грозой деревья. От тех толстенные стволы вспухают смолой, а потом чернеют и рассыпаются. Этот ласкал кожу, живое тепло восходило от него по руке до плеча, переливаясь в тело и сочась внутрь, глубоко, глубоко... Туда, где что-то откликалось, и робко ворочалось, и раскрывалось, и ныло...

Уже близко. Сильный порыв ветра ударил навстречу, и Щ не столько учуял, сколько нутром ощутил запах. Дух своей самки и логова, прелые шкуры, нежный кал детеныша, сладковатый аромат молока. Он приближался к пещере. Он еще не видел, не мог видеть того, что пряталось там, внутри, в настороженном ожидании, а значит, не мог и знать. Но сегодня он знал — так ясно, словно видел наяву. Вот Ж свернулась клубочком в углу грота. Дождь льет второй день, и шкура в ногах покрыта пеленой влаги. Ж притискивает к себе детеныша и настороженно вслушивается. Медведи не слишком любят дождь, а в пещере тепло и сухо. Катится камешек — и Ж вскидывается, подбирается, втискивая детеныша в грудь и нашаривая свободной рукой заостренную палку. Знакомые шаги. Спадает волна страха. Ж расслабленно опускается на шкуру.

Щ проскользнул в тесную, едва приметную щель — и самка с глухим задавленным воем метнулась в дальний угол. Разбуженный младенец замяукал, разевая бледный ротик. Щ стоял, смотрел и впервые видел их — не клубок запахов, звуков, ощущений, а именно их, свою женщину и своего ребенка. У нее было маленькое лицо, выглядывавшее из чащи спутанных волос, белое после пережитого ужаса, и на нем — глаза такого же цвета, как вода в горном озере, вода, такая холодная, что от нее сладко сводит зубы. Щ смотрел, скалясь улыбкой, и прозрачное пламя на его ладони вздрагивало в такт биению сердца...

...Титан дернулся, оттоняя не в меру наглого орла. Грубые бронзовые кольца впились в мясо. Крылатая тварь что-то зачастила. Но тяжелые цепи оставляли толику свободы — почти иллюзию! — а священный Зевесов орел, хвала богам, был трусоват. Как-то раз пленнику удалось одурачить орла фальшивым обмороком и от души саданут ногой под ребра. Титан осклабился, вспоминая заполошный клекот и сочный хруст. Ничего, к ночи мерзкая птица исчезнет — ложится с курами, хоть и орел.

Солнце уже скатывалось за горизонт, спадал безжалостный зной. Впрочем, он притерпелся даже к зною. В первые месяцы было куда хуже, обожженная шкура сходила клочьями, а

теперь густой загар сберегает мятежного героя от стрел мстительного Гелиоса.

Кстати, о героях... (краем глаза титан наблюдал за орлом — тот мелкими шажками подбирался сбоку, стараясь держаться вне поля зрения). О, прародители, как же нелепо все вышло! Наверное, и лучше, что его не низвергли в Тартар — всем на посмешище. Отвоевал свое. Не вырвешься, цепи Гефест ковать умеет. И помощь не придет, на земле он последний из титанов... Меткий плевок — и подкравшийся мучитель полетел в пропасть, судорожно расправляя крылья.

Все зря.

Но как? Тот смрадный недомерок — как, ответьте, мог в его руках пробудиться священный огонь? Это было невозможно — и все-таки было. Выходит, в жилах этих зверей есть та же кровь, что питает совершенные тела олимпийцев с титанами? Расщедрилась мать-Гея, а может, недоглядела, пролила каплю-другую. Волки, тигры, обезьяны — все прошли мимо, а эти, слабые, жалкие, не побрезговали, слизнули. Священный огонь пробудил ее, эту каплю украденной у праматери крови. И некогда обреченная раса воришек, обогревшихся и распрямивших спину, пошла дальше, даже не догадываясь о частице божественной жизни в своих жилах и лепестке священного огня в своих руках.

Все ли зря?!

Солнце прощально алело из-за горизонта. Титан, насколько позволяли цепи, приблизился к краю обрыва и долго смотрел вниз, на едва заметные огоньки костров, пока разрозненные, уязвимые...

Версия 1-я. Боги

Мерзкая плесень! Жалкие, слабые, ничтожные мокрицы!

Настроение Вседержителя, и без того неровное — бог-врачеватель, осторожная бестия, предпочитал именно это определение, — все чаще склонялось к буре. День испорчен вконец! А все этот мерзкий запах, тяжелая прогорклая вонь. С самого утра по всей земле, от края и до края, курились богатые жертвенники, и сворачивалась от страшного жара кровь отменно откормленных белорунных быков, и колоннами дыбился дым, нагло упираясь прямо в поднебесье. В нелепых сооружениях, понатыканных по самым красивым рощам, вовсю суетились деловитые жрецы — уважаемые люди, эдакие кормилицы богов, словно те были малыми детьми и не могли прокормиться сами. Ладно, пусть их тешатся. Но отодрать бы того умника, который

вздумал «кормить» заоблачных властителей смрадом паленых туш! У Вседержителя раскалывалась голова, а любимая младшая супруга, готовящаяся осчастливить горний мир очередным божком, неудержимо... да-да, именно это и делала над бесценной чашей резного хрусталя.

И, наконец, предел унижения, последняя капля... гм, в хрустальной чаше божественного терпения, — убогие червячки, копошащиеся там, на земле, у своих каменных истуканов, были убеждены, что боги явились на свет именно для их, людишек, блага. Что им, будто бы, может быть дело до их, людишек, жалких делишек. Помогать одним, стравливать других, ниспровергать третьих... Поспешествовать в разрешении от бремени их зловонным самкам! (Хотя, конечно, молодежь иной раз наведывалась в Грязный Мир поохотиться — ну, вы понимаете... Он не поощрял, но и не препятствовал, дело зеленое, пусть резвятся! Но делать из шалостей Высших столь далеко идущие выводы?!)

Нет, будь его воля, он бы всю эту бледную поросль земную извел под корень. Враз, к ногтю! Мор там какой-нибудь, глад. А нет, так перетопить в одночасье. Но нельзя. Священный огонь, так его! (И Вседержитель грязно выругался про себя, отчего столбы жирного жертвенного дыма повсеместно завертелись бешеным веретеном, и толпы земных почитателей ликующе взвыли — трапеза угодна богам!) Нет, не дотянешься.

И на прогулку-то в Грязный мир все труднее выбраться. К чему бы это? Отдельные умники вроде Гефеста поговаривали даже, что дело в людях. Да-да, тех самых людях с их драными сандалиями, болезнями, испражнениями и неслыханной дерзостью. Что они-де молятся не столько им, Небожителям, сколько каким-то своим, ими самими выдуманным богам, и совпадение божественных имен и обиталища — не более чем игра случая. А случай, как известно, штука преходящая. Вот выдумают себе люди других каких-нибудь богов и... Что это за «и», не в меру смелая философская школа умалчивала (может, выдумки не хватало?). Но Вседержитель — так, для порядку, на всякий случай — выразил неодобрение. Доходчиво, надо сказать, выразил. Выдрал у Гефеста одну ногу, а потом воткнул обратно, только малость наперекосяк. Ничего, в Олимпийских играх ему не участвовать, а в кузне хлопотать и так сгодится.

И все-таки, чем отбить вонь?

Вседержитель угрюмо глянул вниз. Над Грязным миром, сколько хватало взора, клубились темные тучи, отчетливо наливаясь силой с каждым новым дымком, жадно тянущимся к небу.

И богу на миг показалось, что молния, вздумай он метнуть ее в непокорную плесень там, на земле, не прошьет насквозь грозовую тучу, а упруго отскочит — прямо в его, Вседержителя, совершенное чело.

Версия 2-я. Титаны

Смеяться над тем болваном? Даже не дурной тон. Глупость чистой воды. Сколько можно, в конце-то концов? Пошутили, и хватит. Надо делом заниматься. Дел-то — вон их сколько, непочатый край! Тартар, слава недрам земным, край необъятный, нехоженый. А благодатный какой! Щедра утроба мира!

Те, что первыми сюда сверзились, конечно, негодовали. Оно и понятно: воины, гордецы, латы сверкающие, копья вострые. Таким блеск оружия весь мир застит. Ногой в добро встанут, и то не заметят, не узнают счастья своего. Потом-то, пообвыкшись, сообразили, конечно. Сначала и впрямь трудновато приходилось. Первым, им ведь всегда трудно! Темень, хоть глаз выколи (иные взаправду от глаз отказывались, слух да нюх сверхтитановый развивали, да не привилась мода). Стужа кости ломит, голодно, пусто, нежить всякая завывает... Ну, да ничего, освоились.

Во-первых, нежить частью повыбили, частью переловили — и поесть, и одеться. А иных и в упряжке ходить заставили. Душито нечистые, недовоевавшие, недомстившие, которых даже Аид не берет, — очень они в упряжке резвы, если копья-пики отобрать да по ребрам кнутом вытянуть. Тут уж только следи, чтобы сгоряча к ограде царства Аидова слишком близко не подкатиться, потому как он того сильно не любит, а с годами совсем нервный стал и злой, как собака.

Во-вторых, змеи трехголовые, пятихвостые тоже пригодились. Кожа у них тонкая, чистый шелк! Хочешь, шнурки плети, хочешь, опорки мотай, а если очень сильно хочешь — но так, чтобы без сопливых наследников, — тогда шей мешочек такой небольшой и... ну, дальше сами поймете, не маленькие.

В-третьих, источники горячие обнаружились. И ноги попарить, если с холоду, и горяченького попить. Ждать не надо, черпай да настаивай, пока до десяти считаешь. Мясо, опять же, если подольше подержать, куда сытней становится, да и жуется не в пример легче, вот и зубы у народа титанского реже выпадать стали. Поймаешь кого, возьмешь покрепче за пяточку, макнешь — и стой-держи: волосы из него прямо сами вылезают, чистить не нужно, а дух такой, что слюни, как у Цербера, в три

ручья текут! Да тут еще умник один, из молодых, уже подземного урождения, придумал штуки такие длинные, с дыркой круглой насквозь, одну за другой встык укладывать и воду с тех источников прямо в избы пускать. Эх, зажили! Тепло, вольготно, девки волосы, почитай, каждый год моют, младенцы все с чистыми попами полеживают, да и дешево выходит, всего-то десятка два душ нечистых надо, чтобы ворот крутить, воду качать.

В общем, неплохо уже освоились, когда этот, из недобитых, бунт свой неладный затеял. Страху натерпелись, что уж скрывать. Ну, как боги пожалуют, усмирять?! Все-таки переменился сильно народ, совсем другими интересами зажил, навыки боевые порастратил. Да и мечи-копья все давно в хозяйстве пристроены. Но обошлось. Видно, побрезговали небожители ножками своими белыми в Тартар лезть. Глыбу побольше подкатили, завалили вход, да и успокоились. А наши-то и рады, никто чужой сверху не влезет, воду мутить не станет! Хватило одного революционера, спасибо, сыты по горло!

Дурака того, говорят, к скале приковали. Оно и к лучшему, вернее как-то. Теперь уж не отвяжется. Если Гефест цепь ковал — точно, нипочем не отвяжется.

Чего? Звать его как? Да Цербер его знает. Как-то на «П»... А, точно, Промотай! И верно ведь, все промотал, что мать-природа дала, и куда только смотрела, бедная матушка?

Версия 3-я. Люди

Уже в паре переулков от базарной площади было не в пример тише и спокойнее. Толстые глинобитные изгороди и стены кривобоких построек смягчали невыносимый шум толпы до мягкого рокота, а заодно накрывали распаренные головы и тела благодатной тенью. Горная круча и узенький козырек с обвисшим на цепях пленником отсюда едва просматривалась, да и то лишь в самые ясные дни, когда воздух прозрачен. Впрочем, никто особо и не смотрел. Ни один любитель старинных преданий и роскошных видов (если, конечно, в своем уме) не забрел бы в этот нищий неспокойный квартал, а у местных хватало своих забот.

Гремя побрякушками, протопала по переулку костистая потаскуха, таща за руку отродясь не мытую девчонку — волосы пыльными колечками, палец навеки засел в носу. У трактира притормозила, впихнула чадо во двор, напоследок ласково наподдав широкой, почти мужской ладонью, и заторопилась на площадь. В неприметном углу двора, прямо в пыли, сидел худой,

как птаха, белый старик в окружении таких же малышей, едва отличимых друг от друга под слоем грязи на мордочках.

— И было так! — вещал старик, и его кадык ворочался вверх-вниз в глубоких складках кожи. — «Боги горды, сказал он, но гордыня их слепа. А люди голы и дики, но глаза их жадны и зрячи». И, войдя, унес тот огонь, дивный, чудесный, необоримый, и дал его людям. И стали люди ткать, и красить ткани, и носить вышитые ткани из шерсти тонкорунных коз. И стали сбивать масло и печь хлеб и стали обликом своим соперничать с богами...

Дети внимали, боясь пошевелиться.

Грубый стол, последний в ряду столов, вынесенных в знойный день из недр трактира на воздух, — не стол даже, а так, наспех сколоченные козлы и пара сбитых вместе досок, — едва не опрокинулся, припечатанный кулаком. Посетитель, никак не желающий падать и засыпать, как честный пьяница, икнул и обвел собутыльников победным взглядом.

— С-старый как-а-зел... Не так все было-то, не так!

— Да ладно тебе, детские сказки! — урезонивали те, но говоруна было не остановить.

— Я знаю. Я точно знаю! Я...

Приятели хохотнули.

— Что, был там, что ли, когда герой огонь тырил?

— Ха, герой, как же...

Говорун сардонически ухмыльнулся, прежде чем спохватиться:

— Да нет, не был. Я-то не был. А вот предок мой, дальний... Дальний такой предок...

Приятели малость поупражнялись в остроумии, обсуждая родословную скандалиста, но скоро любопытство взяло верх. И тот завел рассказ.

— Ну, стало быть, огонь этот и вправду титан умыкнул. Нужно было сильно, выкуп платить: хотел девку заморскую за себя женой взять. Сама о трех головах, о шести руках, в руках топоры, на грудях ожерелье из черепов...

— Брось плести! На кой она ему сдалась, такая страхолюдина?

— Ну, страшна. Зато родом из богов, да приданое богатое, да тесть с тещей за морем останутся — скажи, плохо? В общем, пошел. Начинается, значит, шум-гам, все снуют, погоня там, то да се... Ушел он, значит. В пещерке такой махонькой улегся и дрыхнет, сил набирается. Пещерку ту и посейчас отыскать

можно, его же, бедолагу, прямо у входа и приковали, только скользко там очень.

— А чего скользко-то?

— Да от орлиного дерьма! Вот, стало быть, дрыхнет он. А тут предок мой — эх, ловкий был вор, всем ворам вор, табуны в одиночку уводил, царевен крал, быков самых лучших! — в общем, приметил. Глаз положил. Ну, и подсуетился. Спер, в общем!

Тут повествование ненадолго прервалось. Слушатели, умевшие оценить мастерскую работу, с удовольствием выпили за воровское искусство. Один тем и удовлетворился — улегся щекой в липкую лужу на столе, засопел. Второй все допытывался.

— И что боги?

Рассказчик горделиво усмехнулся.

— Предка моего не взяли, понятное дело. Ищи ветра в поле! А недотепу этого — сам можешь поглядеть, небо-то сегодня ясное, прям стеклышко.

— А потом что с ним стало, с предком твоим?

— Известное дело, руки-ноги ему переломали в ближайшей деревне, куда он добро это барыге одному сбывать принес.

— Зачем?!

— Как зачем? Чтоб в котел поместился.

— Сварили, что ли?

— Ну да, в кипящем масле, как полагается. Масло, говорят, отменное было, не пожалели, совсем и не брызгало!

— Да за что ж его, болезного? — охнула служанка, застрявшая у интересного стола.

Докладчик поизучал складную деваху и охотно пояснил:

— А чтоб не таскал чего ни попадя. Воруешь — воруй, но без озорства. Знать надо, чего тыришь, а потом честным людям таранишь. Всякая вещь, как там она ни лежит — плохо ли, хорошо ли, — свое назначение имеет. Знаешь, бери смело и беги быстро, а не знаешь — так и ну ее к Аиду, поостерегись, пройди мимо. Чтоб народу умы не смущать. Народ, он этого не любит, так-то!

Помолчали, обмозговали. Выпили еще чуточку, не чокаясь. Спохватившись, унеслась на кухню любознательная служаночка. Наконец, верный слушатель неуверенно подал голос:

— Ну, а огонь?

— А что огонь? У нас остался, у людей, то есть. Говорят даже, что мы через этот самый огонь людьми-то и стали.

— А раньше что же?

— Да ничего. Не было раньше людей. Так, зверье всякое бессмысленное бегало по болотам, рычало, сырятину жрало,

вот и вся культура, — охотно пояснил первый, не смущаясь неувязками.

Дрыхнущий выпивоха всхрапнул и перекатил голову на другую щеку, на сей раз в пятно жира. Собутыльники заботливо прикрыли его лицо краем головного платка. Спи, добрый человек, если умаялся. Как звать тебя, не знаем, но по всему видно, парень ты хороший.

Совершив милосердное дело, второй пропойца быстро огляделся и, понизив голос, выговорил:

— Эдак, выходит, все мы зверье бессмысленное, шкуру краденым огнем опалившее?

— Выходит, все, — лукаво прищурился смутьян-рассказчик.

— И воры, и народ, и воины... И даже... царь?!

Тот только с важностью кивнул.

Засобирались. Похолодало как-то, да и время к вечеру, хватит штаны просиживать. В молчании шмякнули мелочь на стол, в молчании дошли до ворот и, не сговариваясь, разошлись в разные стороны. Теперь проснулся и спящий. Легко встал, проскользнул в недра трактира и скоро уже покидал его через заросшую вьюнками калиточку в глухом тупичке. Удивительный пьяница был доволен. Хороший день, отличный улов! Один явный бунтовщик, опасный тип, а второй сойдет за сочувствующего. Нынешний правитель так же не любил старинных преданий и завиральных идей, как и все его предшественники. И так же хорошо платил.

Улицы быстро сменяли одна другую, выводя доносчика в чистые кварталы выше по склону холма. Отсюда прикованный титан на козырьке скалы просматривался куда лучше. В мягком закатном свете, на фоне темнеющего неба, где уже полз прозрачный диск луны, его силуэт был на диво выразителен. Но торопливый пешеход не был романтиком, и прекрасный вид пропадал зря.

ДМИТРИЙ ПОПОВ

Про дурачка

Рассказ

На заброшенной стройке уныло дребезжала под ветром жесть.

— Нет, Миха, я не пойду на прописку. Дело решенное, — Игорь засунул руки в карманы и привалился плечом к бетонному забору.

— Я вот этот фингал из-за тебя, между прочим, получил, — Мишка ткнул пальцем себе под глаз, скривился. — Вовка орал, что ты не пойдешь, а если и пойдешь, чтобы с тобой никто спиной к спине не вставал. А я сказал, что встану. Ну, и понеслось. А ты...

— Мих, я все понимаю. И ты мне друг. Но надо ведь и своей головой думать. А эта прописка — глупость несусветная.

— Глупость, да? Я за тебя дрался, а ты — глупость? А отцы наши тоже дураки?

— А при их отцах прописки не было...

— Так жизнь-то меняется!

— В какую сторону, а?

— Да пошел ты! Предатель ты, вот ты кто, — Мишка раздавил недокуренную сигарету в серую плиту забора, плюнул, развернулся и быстро зашагал прочь от стройплощадки.

Игорь постоял, вздохнул и, глядя под ноги, поплелся к дому прадеда, за два квартала, в частный сектор. Старик давно выжил из ума, и за ним нужно было присматривать, таскать ему продукты, стирать вещи. Зато у него были книги, которых не

было больше ни у кого. Игорь нашел их четыре года назад, еще десятилетним мальчишкой, когда просто из озорства залез в платяной шкаф. Тяжелые, толстые книги с замятыми углами твердых переплетов, с пожелтевшими страницами. Не чета нынешним карманным брошюркам. Эти — вот они, на лотке при входе в маркет, блестят обложками с обязательной полуголой блондинкой.

— Ха, Игоряша, привет! — Наташка окликнула его, когда он катил тележку по торговому залу. — Опять своему дедуле молочко покупаешь? Пивка бы ему взял, сосунку.

— Ему нельзя, ты же знаешь, — с деланым спокойствием ответил Игорь.

— Ну себе возьми, выйдем, постоим, потрещим. Я-то затарилась.

— А дюжина бутылок — тебе не много?

— Чего-чего бутылок?

— Двенадцать штук.

— А, так нас четверо будет — я, Юлька, Танька и Маринка.

— И по какому поводу веселье?

— Ты расплачиваться собираешься? Не тормози очередь. На улице дорасскажу.

Кассирша хмыкнула, пробивая покупки Игоря, и понимающе улыбнулась, заметив пиво. Бутылки Наташка аккуратно сложила в сумку на колесиках.

— Ну, постоим или пойдем?

— Пойдем, пойдем. Рассказывай, давай.

— А, ну так вот. Мы с девками, короче, тоже решили во взрослую жизнь вступить. У пацанов-то прописка, а у нас только пописка, — Наташка захохотала, показав пока еще красивые, лишь чуть тронутые желтоватым никотиновым налетом зубы.

— То есть? — Игорь поморщился, начиная догадываться, о чем пойдет речь.

— Да вот купили себе кое-что в секс-шопе. Чтоб потом с вами, кобелями, не страшно было.

— И Таня тоже вот так решила?

— А тебе что за дело? Разошлись вы с ней — и разошлись. Ты бы ей еще подольше стишки свои дурацкие читал. Совсем задолбал девку.

— Да никакого дела, — очень тихо сказал Игорь, останавливаясь. И добавил уже громче: — Пока, Наташа. Я, пожалуй, здесь улицу перейду. Удачной дефлорации.

— Это чего это ты такое сказал? Умный слишком, да?

— Не обращай внимания. Я просто пожелал вам удачи. Честно.

— Ладно, давай, увидимся еще.

Бутылки в сумке у Наташи глухо позвякивали, обещая бессмысленную радость хмельного отупения. К колесу тележки прилип желтый березовый листок, продержался пару оборотов и отвалился в очередной луже.

Обшарпанное крохотное здание художественного музея смотрело на Игоря одним глазом-окном. Второе было затянуто, словно бельмом, мутным полиэтиленом и заколочено крест-накрест растрескавшимися досками. В темном углу, между фасадной стеной и ступеньками центрального входа, пробилась и разрослась пыльная мать-и-мачеха.

«Вряд ли я здесь долго проработаю, — размышлял Игорь. — А даже и устраиваться не пойду. Сожгут ведь музей. Со второго раза точно сожгут. Ну как же на центральной улице да без восьмого зала игровых автоматов? Значит, в помирающую библиотеку — со старушками целый день бездельничать, чай пить. Без прописки все равно на хорошее место теперь не возьмут — ни нефтяником, ни шахтером, ни, тем более, в базовые».

Базовый — это была мечта любого мальчишки. Как же! Ведь ты отвечаешь за нормальную жизнь своего мира. Следишь, чтобы в приемные камеры без сбоев шла нефть, закатывались вагоны с углем, рудой и лесом. Разгружаешь камеры выдачи, в которых возникают из ниоткуда такие нужные товары: телевизоры, холодильники, автомобили, компьютеры, электронные игрушки — да все, что здесь не производится. Работа трудная, вахтовая — Баз-то одна-две на каждую область. Зато почетная и денежная. Возвращаются базовые с вахты, заходят в кабак — сутки гудят, а только потом домой. Круто!

Отец Игоря работал на Базе. Его убили как раз во время очередного кутежа.

— Как мужик, твой батька умер! — успокаивали плачущего на поминках мальчишку. — С ножом в животе дрался! Сильный человек был. И ты, давай, не подкачай.

Тогда он кивал, вытирал сопли, старался показать — не подкачаю.

А сейчас выходило — подкачал.

«Вот и Мишка от меня отвернулся, — размышлял Игорь, уже подходя к дому прадеда. — Может, это я неправ? Пойду сегодня со всеми. Послезавтра, в День устройства, с разбитой мордой заявлюсь на Биржу. Уж попаду как-нибудь на мужскую работу.

Буду днем вкалывать, по вечерам нажираться, пузо на диване перед телеком належивать. Ах да, трахать Таньку...»

Игоря передернуло. Он не сразу попал ключом в замочную скважину.

Холмы на горизонте можно было увидеть, только если отойти в центр лагеря, на вытоптанную земляную площадку. Иначе обзор закрывала ограда из серых, покрытых вязью трещинок досок с пущенной поверху спиралью Бруно.

Олег Сергеевич, долго смотревший туда, на волю, за забор, наконец отвел взгляд. Вздохнул, ссутулился. Поднял воротник телогрейки, прикрывая тощую шею от начавшего накрапывать дождя, и, не торопясь, пошел к бараку политических. Всех заключенных уже загнали внутрь. Гулять дольше остальных разрешалось только Платову — начальник лагеря был благодарен ему за излечение дочери.

В углу барака, у закопченной буржуйки, уже собрался совет — трое наиболее уважаемых «политических» сидели на тяжелых, выкрашенных темно-зеленой краской деревянных табуретках и негромко переговаривались.

— Ну что, Олег, ты все еще думаешь, что это провокация? — спросил подошедшего бывший школьный историк, а ныне простой враг народа Лев Московкин. Словосочетание «враг народа» он выдумал сам и был этим чрезвычайно горд.

— Нет, Лева, уже нет. Я, если кто не заметил, полчаса назад говорил с Костылем. Так вот. Он потел, дрожал, трясся даже, но глаза не прятал... Нормальный такой, предстартовый, что ли, мандраж. Он сам испугался, когда до дела дошло. Так не сыграешь. Уголовники его же первого порвут, если ничего не выйдет.

— Значит, по плану? — встрял коллега Платова, хирург Вакулов. Он грел у раскрытого зева печки тонкие длинные пальцы.

— Руки убери на секунду, — попросил Олег Сергеевич, подбросил в топку кривое поленце. — По плану. По крайней мере, по его первой части.

— Опять ты начинаешь! — возмутился Московкин.

— А ты уверен, что там, куда мы из приемной камеры попадем, хоть кому-то дело до нас есть?

— Будет! Мы за последние годы так стремительно деградируем, что даже необходимое сырьевое производство скоро поддерживать не сможем. И мы докажем, что надо что-то менять! А кстати, из-за этой деградации и твоя партизанщина

нежизнеспособна! Кто в твой лесной город пойдет, а? Взрослые? Ни за что. Подростки, которым уже с двенадцати лет пиво продают? Которые теперь в День устройства не аттестат о семи классах образования предъявляют, а синяки, на прописке полученные, и кулаки разбитые?

— Ну пошло-поехало! — восхитился до этого молчавший Стас. — Вы ж как бабки на лавочке, по сто раз из пустого в порожнее.

— А это, Станислав, чисто интеллигентская заморочка, — пояснил Вакулов. — Вот вы у себя на буровой увидели драку, зачинщиков нашли и самолично побили в назидание. И за избиение рабочего класса — сюда. А настоящий интеллигент — он не таков. Он будет метаться, заламывать руки, встряхивать трагически шевелюрой до тех пор, пока ему голову не снесут и думать станет нечем. Скажите, Лев, ведь так в истории?

— Так, не так... Нет у нас истории! — пробурчал Московкин. — Ладно, все, молчу.

— Ну вот и славно! — Стас отошел к своим нарам и вернулся с плоской флягой. Где он ее добыл и прятал, оставалось загадкой. — Заметьте, просто показываю и сейчас выпить не предлагаю. Но если прорвемся...

— Вот такой дополнительный стимул, — покачал головой, улыбаясь, Платов.

Дверь, как всегда, пронзительно скрипнула. Игорь честно пытался смазывать петли, но это не помогало. Как ничего уже не могло помочь ушедшему в глубины своего внутреннего мира прадеду. Иногда старик словно выплывал на поверхность и даже произносил пару слов. Но происходило это все реже и реже. Так утопающий с каждым разом все дольше остается под водой, пока не исчезает навеки.

Сегодня дед всплыл, вышел на скрип из комнаты.

— А в обезьяньей стае вожаком становится самый сильный, — заявил он правнуку вместо приветствия.

— Это ты к чему? — опешил Игорь, но ответа не дождался.

Старик прошаркал, кряхтя и держась за поясницу, обратно к дивану и уселся смотреть свой любимый мультканал. Больше он не желал видеть ничего.

Отлавливая мокрым веником пушистые, мышино-серые комочки пыли под шкафом, Игорь принялся за любимую мысленную игру «в слова». Предметом его примитивных филологических изысканий стала генеральная уборка.

Почему, собственно, генеральная? Потому, что в часть Внутренней Безопасности приезжает одышливый неповоротливый генерал, и перед его визитом часть эту самую надо вылизать так, как кот вылизывает свою гордость. Это-то просто и понятно. А вот почему Безопасность — Внутренняя? Снаружи-то врагов нет. Или раньше была безопасность и наружная? Нет, неправильно. Правильно — внешняя. Про это ли нам обещал рассказать Московкин, да так и не рассказал? Что он еще на том уроке говорил, после которого его забрали? Обвальный регресс, развал высокотехнологичной промышленности, науки, образования, моральная деградация, сырьевой придаток... Разошелся он, аж пена на губах появилась. Все равно никто ничего не понял, чего он кипятился?

Кипятился!

Блин!

Молоко!

Игорь рванул на кухню, как рысак за призом. А наградой ему была чистая плита. Успел! Сдвинул кастрюльку, схватился пальцами за мочки ушей. Фух. Все: засыпать крупу, и можно расслабиться.

А в окна уже начал вползать вечер. В соседнем, точно таком же старом одноэтажном домишке зажгли свет. Значит, и Мишка, и все одноклассники уже собираются на Плешке. Толкутся, гогочут, сплевывают под ноги, встречают подходящих воплями на всю улицу: «А, Леха, отыметь тебя не плохо!» или «Здоров, Вован, не ссы на диван!». Игорь усмехнулся, вспомнив, в каком месте у него, если верить фольклору, шарик. Минут через пятнадцать, когда появятся все, кто должен, а под ногами уже будет склизкое озерцо плевков с островками окурков, по кругу пойдет бутылка водки. Для храбрости — по глотку. А потом, раззадоривая друг друга, парни толпой двинутся к пивняку. И начнется прописка.

— Наливай! Всем! — мятая сотня упадет на липкую стойку. И в жарком, продымленном, неопрятном кабаке зародится солоноватое предчувствие драки.

Бармен, ухмыляясь, нацедит и протянет первую кружку пива.

— Бурда! — рявкнет Вовка. — С водкой мешай!

— Иди сиську соси, щенок! — ощерится хозяин.

Все. Обмен ритуальными фразами состоялся. Начинаются ритуальные движения.

Н-на! Поллитра пива выплескивается в лицо бармену. Зал, до этого затихший, взрывается. Грохочут опрокидываемые

стулья, падают.и бьются тарелки с остатками креветок и резко пахнущей рыбы, кружки и рюмки. Мужики обступают пацанов.

Бармен вытирает широкой ладонью физиономию, особо тщательно выжимает густые усы. Легко, удивительно легко для своей шарообразной комплекции, перепрыгивает через стойку. Коротко и резко бьет Вовке по левой скуле. Тот не закрывается — это правило первого удара. И еще одно правило — бармен вне драки.

А больше правил нет — бейся! Молоти сам, защищай друга, доказывай, что мужик. Собьют с ног — ползи, увертывайся, закрывай голову, вставай. Говорят, четыре года назад лежачих не били. А за пять лет до этого дрались, вот чудно, до первой крови.

Шестьсот секунд — много или мало? Если смотришь со стороны на пьяную свалку — мало. Если в свалке участвуешь — ох, как много! Но это — традиционное время. А после — мир. Вот этот вот кулак только что превращал твои губы в лепешки с неровными краями, а сейчас сжимает заляпанный стакан. И стакан тянется в твою сторону. И вы чокаетесь.

— Здоровы мужики! Прописались! Свои!

«А я теперь не свой. Но и не чужой, вроде, а так — второсортный, как вот эта колбаса "докторская"», — подумал Игорь, сооружая прадеду бутерброд. Еду он отнес старику в комнату, а сам завалился с книжкой на диван. Пару часиков можно было почитать, отвлечься наконец, а уже потом — домой, к вечно всем недовольной, дерганой и орущей, как кошка по весне, матери.

Из прекрасного, справедливого, светлого, а потому наверняка вымышленного мира Игоря выдернул заполошный лай соседских собак. Потом зашумели во дворе. И тут же, радостно поддавшись кирпичу, звонко лопнуло оконное стекло.

— А базар есть! Вылазь! — донесся с улицы нетрезвый до хрипоты голос.

Подслеповатый фонарь на углу двора не столько светил, сколько загущал вечерний воздух желтоватой мутью. Длиннорукий Вовка стоял впереди толпы (девчонки тоже пришли, и Таня с ними), слегка покачиваясь. Один глаз у него заплыл. Кровила верхняя губа, которую он периодически облизывал.

— Стекла-то зачем бить? — наигранно спокойным тоном поинтересовался Игорь, спускаясь с крыльца. Пальцы, чтобы не выдать себя, он сцепил за спиной.

— А не только стекла, а еще и морду тебе набьем! — заявил Вован.

Родившийся в животе минуту назад маленький ледяной ежик страха принялся расправлять иголки. Но Игорь, хоть и с трудом, не дал ему превратиться в дикобраза.

— За что?

— А было бы за что, убили бы, — хохотнул Вовка.

У него из-за спины вышел Мишка. Похоже ему сильно надавали по ребрам — дышать он старался редко и неглубоко.

— Гарик... Ну, ты же подвел всех... Теперь вот пятно... Один не пошел... Значит, коллектив так себе...

— Это что за новости? — ежик отчетливо шевельнулся.

— Теперь так... Считается... Мужики сказали... Я договорился... Что приведем... Один подерешься...

Игорь сглотнул. Вот он, шанс. Сейчас можно все исправить. Можно стать своим. Стая примет. Стая.

— Нет.

Почему это короткое слово так сложно произнести?

— Зассал, да? — крикнул Мишка и тут же зашелся кашлем, согнулся пополам. Из глаз его брызнули слезы.

— А бей это говно, ребята! — вожак, пригнувшись, попер вперед. Его тень, казалось, загребала руками по земле.

Игорь поднырнул под летящий в лицо кулак, левой вмазал в челюсть и добавил правой под дых. Вовка смешно булькнул, рухнул на колени, скрючился и принялся блевать.

Это была первая и последняя победа. С ног Игоря сбили мгновенно. И принялись бестолково, мешая друг другу, топтать.

— Пусти! Я тоже хочу вмазать...

— Сука! Умник! На!

— А гад! Морду прикрыл!

— Руки ему держи! Зубы вышибу!

— Девки! Чего стоите! Бейте падаль!

— Ага! По яйцам ему!

Вдруг чернота, озаряемая солнечно-желтыми и густо-красными вспышками, исчезла. Игорь увидел, как подошла Таня. Криво улыбнулась, рыгнула, лениво, словно отгоняя надоедливую болонку, пнула. А еще на ней не было трусиков.

И снова стало темно.

Совсем темно и тихо. Оглохнув в этой тишине, Игорь не услышал, как гогочут вставшие вокруг него парни. Не почувствовал, как сверху льется что-то теплое и вонючее.

Железная сетка высотой в человеческий рост делила лагерь на две неравные части. Разделительный забор когда-то

ставили впопыхах, как временный. И, как все временное, он в конечном итоге оказался постоянным. Имел забор целых два замечательных качества. Во-первых, завалить его силами нескольких человек было минутным делом. Во-вторых, он наглядно объяснял часовому на вышке, в какую сторону нужно держать ствол пулемета. И часовой честно исполнял предписание — оружие было направлено на ту часть лагеря, где обитали уголовники. Чтобы взять на прицел часть меньшую, политическую, приходилось перетаскивать пулемет вместе со станком — просто развернуть его мешала балка, поддерживавшая крышу.

— Что, гнида, нос повесил? Порядки тебе наши не нравятся? — тряхнул влажную от утреннего тумана сетку Костыль, увидев понурого Московкина. День был выходной, и заключенных вывели на прогулку.

— Чего распетушился-то? — громко, чтобы услышали окружающие, спросил Лев.

— Козел! Ты кого петухом назвал? — завопил Костыль. — Люди! Вали политических! Закон не уважают!

Толпа уголовников ломанулась к забору и смела его в секунду, словно он был из бумаги. Массовое побоище выглядело очень натурально — кто-то, сцепившись с неприятелем, катался по земле, кто-то орал, размахивал во все стороны кулаками, и все толкались, шумели и убедительно изображали ярость.

Стас с трудом протиснулся в подкоп под внутренним забором и оказался между двух стен. Пригибаясь, он помчался по вытоптанной патрулями тропинке к вышке. Сейчас вся охрана стягивалась к месту драки, и напороться на солдат он не боялся. Он боялся только одного — не успеть. Взлетев по лестнице, Стас, не сбавляя ходу, выставил руки, как таран, и врезался в часового. Отлетая к ограждению, парень издал утробный звук и выпустил из рук пулемет, который как раз пытался перенести на удобное для стрельбы место. С вышки часовой так и не сверзился. Стас поймал его за ремень и бросил на пол.

— Сиди смирно! Дернешься — выброшу!

Пулеметчик, которому каска съехала на глаза, дергаться не собирался, а только плотнее забился в угол. Несколько дней назад он видел, как нынешний его противник на спор согнул голыми руками лом.

А к дерущейся толпе уже неслось отделение вэбэшников.

— Платов! Отбой! — заорал Стас.

— Отбой! Отбой! — заголосили внизу.

Так быстро заключенные еще никогда не разбегались по корпусам. Охрана в замешательстве остановилась посреди опустевшего лагеря. Мишень получилась идеальная.

— Оружие бросить! Отойти на десять шагов, и мордой вниз! — пророкотал с вышки Стас и дал очередь, целясь в землю как можно ближе к растерявшимся охранникам.

Кого-то из вэбешников он все же зацепил. Впрочем это только сделало охрану сговорчивее. Еще через пять минут сдались на милость победителям солдаты на всей зоне. Устраивать перестрелку им не хотелось.

— Чего ты добиваешься? — спросил начальник лагеря, вытирая платком лысину, когда Платов вошел в его кабинет. — Убить меня хочешь?

— Нет, убивать мы никого не будем. Просто уйдем. А вы немного посидите в карцере.

— Через полчаса здесь будет подмога, вы никуда не уйдете.

— Зачем врать, а? Твой лагерь строили идиоты. И телефонный кабель они под бараками не от большого ума проложили... Так что сидеть вам до вечера минимум, пока не хватятся, что от тебя доклада нет.

— Не ожидал я от тебя Платов, не ожидал, — снова взявшись за платок, выдавил начальник.

— Уж извини. Ребята, уведите его. И дуйте сразу к автопарку.

Грузовик уже полчаса трясся по дряхлой неширокой дороге, проложенной через хмурый еловый лес. Платов, сидевший в кузове вместе с тремя десятками политических (уголовники забрали весь легкий транспорт, пару новых фургонов и давно умчались вперед), был занят совершенно бессмысленным делом — рассматривал облака. «Вот я свободен, — думал он. — А облака остались точно такими же, какими я их видел, стоя на лагерном плацу. Им все равно: где я, что происходит внизу, как живут люди. И мне ведь, получается, тоже все равно, что с моим миром творится. Мы отсюда бежим. Московкин успокаивает себя, говорит — там мы наделаем шуму, все здесь исправится. И сам чувствует, что обманывается. Но другого выхода не видит. И мой лесной город — утопия. И я не вижу выхода. Бились мы о кирпичные стены этого мира, бились, пока лбы не расшибли. Тот же Стас. Последний инженер, который помимо инструкции по сборке и эксплуатации буровой мог и сам

что-то сообразить. Убрали по пустячному поводу. Мы с Вакуловым только-только говорить начали, что народ спивается, и на тебе — попытка подорвать вино-водочную индустрию. Единственную худо-бедно процветающую у нас недобывающую отрасль. Московкин — отдельная песня...»

Но песней вопль Московкина назвать было нельзя.

— Стой! Стой, тебе говорят! — орал он, молотя ладонью по кабине.

Машина вильнула к обочине и, прочертив на тонком слое грязи пологую дугу, остановилась. Из кабины высунулся Стас.

— Чего орем? — негромко спросил он, озираясь на всякий случай по сторонам.

— Там человек в кустах лежал!

— И что?

— А то, что помочь надо! В этих краях люди так просто у дорог не валяются! — буркнул Московкин, спрыгнув на землю.

Платов последовал за ним, жестом попросив других не вылезать из кузова.

В кустах спал, тяжело дыша, подросток. Избитый и грязный. Сложенные ладони он подсунул под щеку, притянул к груди к колени, пытаясь согреться.

— Эй! — тронул его за плечо Московкин. — Просыпайся!

— Нет! — заорал парень, перекатился на спину и закрыл голову руками, словно защищаясь от удара.

— Тише! Тише! Не бойся! Никто тебе ничего не сделает!

Найденыш сел, опасливо уставился на взрослых, ойкнул.

— Это вы! — выпалил он.

— Игорь! — ахнул Московкин, помогая ему встать. — Ты как здесь оказался? Что с тобой?

— Долгая история, — скривился Игорь от боли в правой ноге.

— Так я историк, ты не забыл? Ладно, в машине расскажешь, пошли потихоньку.

Стас, заметив выходящую на дорогу троицу, подогнал грузовик поближе. Вылез из кабины и протянул Игорю заветную флягу.

— На, хлебни.

— Я не пью... — виновато ответил Игорь.

— А я тебя, дурилка, не спаиваю, а лечу. Ну, так-то лучше. Давайте в кузов, а то к поезду опоздаем.

— К какому поезду? — спросил Игорь, устраиваясь на скамейке. Боль и холод постепенно уходили.

— К поезду в теплый край, — хмыкнул Платов. — Узнаешь еще. Ты, как я понял, у Льва учился. Вот и отвечай учителю, что у тебя приключилось.

Игорь вздохнул и принялся за рассказ. Впервые в жизни взрослые люди слушали его, не перебивая и даже не торопя, когда он замолкал, подыскивая слова.

— Все хуже и хуже становится. И как же быстро, — тихо пробормотал Платов, когда Игорь закончил.

— Ты хочешь сказать, что после того, как тебя целенаправленно били несколько парней, ты сумел сесть на мотоцикл, всю ночь ехал, а потом еще шел с поврежденной ногой неизвестно куда? — с сомнением спросил подростка Вакулов.

— Я думаю, мне просто повезло, — тихо, словно оправдываясь, ответил Игорь. — Были бы они трезвые, забили бы. А так...

— Ну что вы, право слово! — возмутился Московкин. — Он не лжет и ничего не сочиняет. Уж мне-то поверьте. Но тенденция какова, а? Круговая порука как лучший способ обезличивания и повышения управляемости...

— Лев! — перебил Платов. — Не сейчас! Мы подъезжаем.

— Нет, Олег, ты подумай над этим. А поговорим, ладно, потом.

— Да куда мы едем, объясните же! — взмолился Игорь.

Но объяснения опять пришлось отложить. У железнодорожного переезда грузовик свернул с дороги прямо в лес. Ельник здесь уступал место начавшим желтеть по осени березам. Деревья росли не слишком густо, и Стас умудрился проехать метров сто, перед тем как окончательно остановил машину.

— Конечная! — крикнул он. — Давайте, быстро, быстро, к насыпи!

Рядом с путями кисло пахло железом, пылью, ржавчиной и еще бог весть какой химией. Платов улегся на побуревший гравий и приложил ухо к рельсу.

— Идет! — сказал он, вставая и отряхиваясь.

Поезд показался через несколько минут. Приближаясь к переезду, сине-стальной локомотив, управляемый автоматикой, начал сбрасывать скорость до минимума. Это была единственная поблажка зазевавшимся автомобилистам. Светофоры, семафоры и шлагбаумы ставились только на первоклассных шоссе.

Вагоны с углем, покачиваясь и лениво громыхая, медленно проползали мимо бывших заключенных. Чтобы схватиться за ведущую наверх, всю в рыжих пятнах коррозии, лесенку, не приходилось даже бежать. Вскоре люди разместились на

угольных кучах и принялись устраиваться поудобнее, а состав, дернувшись, уже вновь начал набирать ход.

— Ты уже и сам все понял, не так ли? — спросил Платов, заметив взгляд Игоря.

— Вы хотите убежать через Базу? Но ведь это невозможно! Вы же знаете, что потом в камере выдачи найдут только безголовые трупы! Это же в учебниках написано!

— Знаешь Игорь, не все написанное следует понимать буквально, — встрял Московкин. — Я сейчас страшное скажу. Очень страшное. Большая часть нашей истории — фальшивка. И я вам сказки рассказывал. Только слишком поздно это понял. Черт меня дернул, простого учителя, начать копаться в архивах. А копаться-то и не в чем оказалось!

— Я не очень вас понимаю...

— Нет у нас, Игорь, истории. Подлинные документы и прочие вещественные свидетельства — только за два последних века сохранились. А остальное — уничтожено! Вот ты как думаешь, как наш мир устроен?

— Ну, опять школьная программа. То, что мы называем Базами, для первобытных людей служило алтарями. Потом пошло-поехало. На той стороне такой же мир. Только живое между мирами путешествовать не может...

— Нет этому доказательств! Похоже, не так все было! Понимаешь ли, Базы, судя по всему, — достаточно молодое по историческим меркам явление. На каком-то этапе мы кому-то продались. За красивые шмотки, хорошую еду, прочие приятности. Возможно, благодаря этому вылезли из нищеты. Мотивы-то, наверняка, были самые лучшие. И архивы уничтожали из лучших побуждений. Чтобы почвы для инакомыслия, путь к кормушке тормозящего, не было. А вот сытость впрок не пошла. Мы тупеем от поколения к поколению. Даже того, что я нашел в архивах, мне хватило. Представь, что у нас когда-то была наука. А потом исчезла. Нет, не в одночасье, конечно, но зачем узнавать что-то новое, если и так сытно? Никому нет дела до тайн мироздания! Ты подумай, твой прадед учился десять лет, а ты — только семь. Училища, где педагогов готовят, можно теперь по пальцам пересчитать. О чем это говорит? Вся сложная техника к нам приходит в собранном виде с подробными и простыми инструкциями. Никому нет дела, как она работает. Зачем это знать? Работает же! И таких примеров масса.

— Но разве никто не видел, что происходит? — поежился Игорь.

— Я думаю, те, кто видел, жили очень недолго. Вот Платов считает, что была некая сила — может быть даже государственная политика, чтобы недовольных уничтожать. Кто знает? Самая обычная толпа очень сильна. Вот попробуй отобрать пиво у своих одноклассников, мотивируя тем, что сиюминутное удовольствие не только похмельем закончится, но и на их потомстве отразится. Представил? И в обществе аналогично. Нам сейчас хорошо: знай руби лес, качай нефть, да копай уголь — и будешь и сыт, и пьян. Минимальные усилия — максимальный результат. И многие ли видят, что происходит? А тех, кто мешает и думает о будущем, — в расход.

— То есть как это — в расход?

— А по-разному. Тебя вот для начала избили. И заметь, свои же, по собственной воле. Им никто не приказывал. Нас вот посадили. Ты ведь даже не знал, за что меня забрали? Так?

— Ну, я предполагал, что за тот рассказ о регрессе. Только его все равно никто не понял. А большинство родителей наших сказали, что и правильно забрали, нечего детям голову чушью всякой забивать. Ой, извините...

Московкин, сидевший на склоне угольного холма, откинулся на спину и истерично захохотал.

— Вот, Платов, никто ничего не понял! — заявил он, отсмеявшись. — А ты хотел их на путь истинный наставлять. С этим миром, в этой реальности, уже ничего, ничего сделать нельзя! Здесь через несколько поколений останутся только тупые скоты с примитивными животными рефлексами.

Игорь сосредоточенно грыз сухарь, которым его одарил Платов, и хруст вместе со стуком колес создавал в его голове странный, завораживающий ритм. И казалось, что под эту ритмичную музыку из подъездов, из переулков и дворов его города выходят нескончаемыми потоками люди и строятся на центральных улицах в колонны. И маршируют, маршируют неизвестно куда. А потом на горизонте возникает огромное корыто, полное дымящихся отрубей. И лица людей в колоннах, подходящих к кормушке, постепенно превращаются в свиные рыла.

Игорь швырнул сухарь так, что заболело плечо.

А поезд тем временем чуть осадил — начинался подъем в холмы. Придорожные столбы, чахлые деревья, запыленные кусты стали мелькать пореже. Щебеночная насыпь сменилась песчаной. Зелеными кляксами на ней расплывались пучки подорожника.

Игорь встал, отряхнулся, опираясь о стенку вагона, дошел до лесенки и перелез наружу. «Тупые скоты, значит, — бормотал он, — с примитивными животными рефлексами...»

— По-маленькому собрался, — грубовато улыбнулся Стас, расслышав только слово «рефлекс».

— Я собрался здесь остаться! — надсадно заорал вмиг покрасневший Игорь. — Вы слишком мало отличаетесь от тех, предателей. Вы — такие же предатели.

— Ты не понял! Ничего не понял! — выкрикнул, вскакивая и хватаясь за борт побелевшими пальцами Московкин.

— Все я понял, — сказал Игорь и прыгнул.

Мальчишка покатился по насыпи, как тряпичная кукла, разбрасывая руками и ногами слежавшийся темный песок.

Из своего вагона, плавно уходившего в поворот, беглецы так и не увидели, смог Игорь в конце концов встать или нет.

ЛЮБОВЬ ЯМКОВАЯ

Львенок

Рассказ

Саванна спала. Впрочем, это слишком по-человечески сказано. Это 95% участников нашей экспедиции храпели, рассматривали сны и набирались энергии до следующего дня. А саванна жила — повизгивали гиены, птицы задевали крыльями вершины деревьев, в короткой траве шуршали насекомые. А воздух был горячий и плотный — и пахнул, как магазин индийских специй. Честно говоря, я плохо разбиралась в этой какофонии звуков. Я вообще ничего не понимала в Африке и в этих больших животных со шкурами всех оттенков песка, в том, что они едят, кто ест их, и как они любят друг друга, и как их надо снимать, и что о них можно рассказывать... Я ничего не понимала в своей работе. И это прекрасно знали остальные 95% участников нашей экспедиции, и относились они ко мне с такой презрительной прохладцей — как будто из дверцы холодильника веяло сквозняком. И это была одна из причин, по которым я не спала. Только я.

Я села, обхватив колени руками. В палатке было темно, и точно так же темно было снаружи — хоть ножом эту черноту режь. Волосы прилипли к лицу, лоб чесался от укусов неведомых тварей, подбородок стал бугристым от прыщиков, неровные обломанные ногти царапали кожу. Безразмерная футболка висела на мне, как саван. Как же я ненавидела эту палатку, и спальник, и пол-литровые бутылки с водой, из которых, приходилось умываться (я не рисковала походить к зеленоватому

озерцу, на поверхности которого виднелись круглые и скользкие, как виноградины, крокодильи глаза). И работу я эту ненавидела — за то, что ничего в ней не понимала, и не фанатела, как 95% участников нашей экспедиции, от африканских закатов, и от жирафов, ощипывающих зелень, и от марева в воздухе, похожего на вереницу призраков. И вообще, у меня плохо получалось это — сидеть на фоне гуляющих на безопасном расстоянии львов и вещать в камеру что-нибудь в духе: «В саванне полдень. Львица с львятами лежат, лениво развалившись на солнце...» Слова выходили скучными и ненатуральными. И операторы это понимали, и остальные проценты экспедиции тоже. И думала я не о львах, а том, что с лица стекает, обнажая прыщики, тональный крем. И с этим проектом у меня тоже ничего не вышло, и это было уже понятно и вдвойне противно, потому что для того, чтобы получить эту работу, мне пришлось целых три недели крутить роман с мелким боссом из телекомпании CTN — лысым и желеобразным, как Лизун из «Охотников за провидениями». А работа не стоила того — совсем. И было обидно. Как будто я поставила в казино всю зарплату и проиграла. И это было еще одной причиной, по которой я не спала. Еще одной — но не последней.

В ночи послышался звук — что-то среднее между песенкой, стоном и хлюпаньем. Я не разбираюсь в какофонии звуков, бурлящих в африканской ночи, когда надо — не разбираюсь. Когда 95% процентов участников экспедиции навостряют уши и начинают взахлеб обсуждать донесшийся из-за горизонта вопль, — вот тогда мне сказать нечего, и я стою и молчу, как дура, и делаю вид, что мне очень интересно разглядывать щетину травы под ногами. А сейчас было ясно — это Львенок. Да. Именно так. С большой буквы. Так его назвала я, хотя участники нашей доблестной экспедиции приклеили ему другое имечко — «Детеныш бета». Но для меня он был Львенок — я точно такого же видела в мультике. Тысячу лет назад, когда стол был выше меня, а все люди казались добрыми. Маленький, ванильного цвета, с шелковистой шкуркой и круглыми плюшевыми ушами. Это была третья причина, по которой я не спала. Я слишком хотела заснуть, чтобы не услышать этого звука, и потому так и не смогла. И звук все равно раздался. И мне остается только заткнуть уши, хотя вряд ли это поможет. Дальше будет только хуже.

Львенок с самого начала не был кандидатом на жизнь. Его мать была самой забитой самкой в прайде, лучшие куски обходили ее и ее потомство стороной. Да еще Львенок родился

каким-то рахитичным и слабым (совсем не таким, как крепенький львенок альфа) и с каждым днем становился все слабее и рахитичнее. Я сама комментировала, как он слабеет, и в моих глазах появлялись предательские непрофессиональные слезы. И дрожащим голосом я говорила о статистике смерти среди львят. Это была плохая статистика.

Периодически мне хотелось крикнуть участникам экспедиции: «А давайте спасем его», но я даже не открывала рта. Такие слова были ересью — мы снимали фильм о жестоких законах дикой природы, куда не должен вмешиваться человек (иногда мне казалось, что жизнь Львенка вполне стоила бы достоверности проходного фильма о животных, который от силы пару раз покажут ночью по кабельному каналу).

Развязка должна была наступить в ближайшие дни. Вполне вероятно — сегодня ночью. Глава прайда (начинающий стареть лев, морду которого пересекал толстый, похожий на белого червяка шрам) давно уже поглядывал на Львенка во вполне определенном смысле. И только слабое рычание забитой матери останавливало его. Но матери надолго не хватит — это было ясно даже такому чайнику, как я. Кто сказал, что природа прекрасна и невинна? Она жестока и зла. Прекрасна цивилизация — с тонкими каблуками, пенными ваннами, небоскребами из стекла и бетона. Тот прекрасный мир, от которого я сейчас так далека.

Львенок продолжал скулить... От страха или от боли? Я не знала. Может, его ранили, и он уполз в джунгли? Или отец с грязной спутанной гривой сейчас надвигается на него, а он забился в угол... Хотя какие углы в африканской саванне? 95% участников экспедиции спали. Им везло, а мне, как всегда, нет.

Скулеж раздался снова. И тут я не выдержала. В конце концов, разве не я воображала себя в детстве мушкетером, который спасает всех из беды? Разве не я рыдала над смертью каждой букашки в каждой книжке про животных? Так что же в свои двадцать пять я отсиживаюсь в тесной палатке, как Гитлер в бункере?

Я натянула уродливые штаны с кармашками, расхлябанные сандалии. И прихватив ружье и фонарик, выползла из палатки.

На улице было еще жарче и еще темней, как будто в миллиметре от меня стоял огромный черный зверь и часто и жарко дышал. И звезд не было — ни одной. И луны тоже. И я висела посреди этого мрака, и мне же начало касаться, что подо мной не существует опоры в виде сухой выжженной земли. Я включила фонарик — белая полоска прорезала тьму, почти ничего

не осветив, — как будто черное платье перевязали поясом цвета парного молока.

Львенок завизжал опять — как-то очень нежно и музыкально. И я пошла на звук, надеясь, что плохой слух и топографический кретинизм не заведут меня в противоположную сторону. Я сама не знала, зачем шла — плана не было, и что делать, если — например, когда я найду стадо взрослых львов, склонившихся над маленьким ванильным трупиком, — я тоже не знала. И еще, непонятно почему, мне было совсем не страшно. Хотя я тряслась и вцеплялась в руку соседа на каждом фильме ужасов. А сейчас, когда мне угрожали вполне реальные когти и зубы, страха не было.

Как ни странно, я шла правильно. Звук усиливался. Может, он как-то менялся — но музыкального слуха у меня нет, поэтому точно сказать не могу. Фонарик тонким лезвием шарил во тьме — выхватывая только сероватую траву да редкие кусты. И вдруг в луче света, как обрывок мультяшного кадра, мелькнула мордочка Львенка. Ванильная, с какой-то темной полосой на лбу. Полосой засохшей крови, которая в свете фонарика казалась черной. Мне все стало ясно. Лев набросился на Львенка. Мать кинулась на защиту. И Львенок успел уползти — в темноту. В неизвестность. Туда. А может, все было и не так. До того, как я прилетела в Калахари, я видела животных только в зоопарке да в рекламе собачьих кормов.

Львенок был похож на котенка или на щенка — на кого-то, кого нужно немедленно приласкать и обогреть. Я посветила фонариком вокруг — львов не было видно. Только вдали мелькнул горбатый силуэт гиены.

Я сунула ружье под мышку, взяла фонарик в зубы и протянула ко Львенку руки. И сразу мне стало ясно: никакой это не котенок и не щенок. Мягкая плюшевая лапа резко взметнулась и оставила на моей руке (пониже локтя) четыре рваные кровавые дорожки. Я даже не вскрикнула. Я ору, только когда вокруг есть публика — когда могут пожалеть или просто обратить внимание. А чего орать посреди саванны — звать львов и гепардов на поздний ужин?

Я только сжала зубы и издала легкое шипение. Рука болела, но не очень — может, это был шок. А может, царапины действительно были неглубокие.

— Я же помочь тебе хочу, дурак, — сказала я как можно более спокойным голосом. — А ты что делаешь?

Но Львенку мои слова явно не внушили доверия, потому что он раскрыл крохотную пасть, обнажил острые белые зубки

и зашипел — совсем как домашняя кошка. Короткие усы топорщились очень смешно, и я даже улыбнулась. Было ясно, голыми руками Львенку не поможешь. А что у меня было, кроме голых рук? Ружье, фонарь, штаны, сандалии и футболка. Последняя больше всего подходила на роль спасательного средства. Под футболкой ничего не было, но кто меня увидит в африканской саванне? А если даже случится чудо, и участники нашей экспедиции проснутся... Что ж, пусть смотрят: все равно у них в палатках валяются целые связки «Плейбоя» — они и не такое видели.

Я решительно стянула футболку через голову и накинула ее на Львенка. Он забарахтался в ткани.

Я схватила его. Коготки продолжали царапать меня, но уже не так сильно. Львенок оказался вовсе не тяжелым — чуть весомее сумки, которую я носила с собой на работу, когда отсиживала по восемь часов в офисе (килограмм косметики, литр йогурта, запасные туфли, книжка). От Львенка пахло песком, жарой и дикой природой. Сквозь футболку шкурка была на ощупь как бархат грубой выделки. Я несла Львенка к лагерю. Сама не зная зачем. Что я буду с ним делать — сидеть в обнимку в палатке? А что будет утром, когда проснутся остальные? Они просто посадят меня на джип и отправят в цивилизацию, и по всему ТВ-миру разойдется слух о моей полной профнепригодности. Я светила фонариком и надеялась, что иду туда — саванна абсолютно одинакова во всех направлениях, черт бы ее побрал.

Перед глазами вдруг замелькали голубые пятна. Я помотала головой — это у меня в последнее время часто бывало. То голова закружится, то цветные пятна перед глазами поплывут, то в ушах зазвенит, как будто там поселился целый комариный рой. Наверное, это все от стрессов. Или просто от неудач.

Я еще раз потрясла головой. Но голубые пятна не исчезали, они, наоборот, увеличивались в размерах, как будто приближались... Я моргнула. И вдруг увидела ЭТО.

Оно висело высоко над землей — намного выше приплюснутых деревьев и было похоже на летающую тарелку. Такую, какими их показывают по телику и на снимках всяких сумасшедших. Похоже, но не совсем. НЛО не напоминало два сложенных вместе блюдца (разве что формой немного), а скорее вызывало ассоциации со спелым, светящимся изнутри фруктом или фарфоровой чашкой, поднесенной к огню. Голубые огоньки бежали по кораблю, как рекламная дорожка. И материал, из которого был сделан аппарат, был весь в тонких голубых прожилках — это было

слегка похоже на мрамор. Вообще-то тарелка была красивая. И даже Львенок немного затих, как будто тоже любовался ею.

Неожиданно из центра НЛО ударил луч — мощный и ярко-голубой. Как будто в ночь выплеснулся кусок неба. Луч начал шарить по траве, и в этот момент мне стало страшно. И я побежала, стараясь не запнуться, не потерять равновесие и одновременно увернуться от когтей Львенка, который, не переставая, пытался наделать во мне дырок, наивно полагая, что я его главный враг. И хотя, пока я бежала, печень стонала, а селезенка норовила подпрыгнуть куда-то к горлу, я почему-то еще могла думать. Но пользы от этого не было никакой, один вред. Потому что я вспомнила одну вещь, от которой мне стало в тысячу раз страшнее.

В юности я обожала музеи. Проводила в них выходные, удирала на выставки с лекций и работы. И вот однажды я забрела на странную экспозицию в каком-то складском помещении. Она называлась «НЛО: тайны Вселенной» или что-то в этом духе. Экспонаты были бредовые — псевдофотографии большеглазых человечков на тонких ножках и камешки, торжественно названные «артефактами с места посадки НЛО». Экскурсию по этой выставке вел тощий человечек со всклокоченными рыжими волосами, закутанный в серую кацавейку. Помню, меня очень рассмешили «Правила безопасности при встрече с инопланетянами», которые он торжественно зачитывал немногочисленным экскурсантам. Там было много всякой чуши. Но сейчас мне вспомнилась только одна фраза: «Белого луча не стоит опасаться, — вещал человечек. — Это луч исследовательский. А вот если тарелка выпускает голубой луч, то дело гораздо хуже. Именно голубые лучи служат для втягивания внутрь аппарата предметов и... людей».

Поскольку за мной гналась летающая тарелка с голубым лучом, я решила, что бежать следует еще быстрее, но осуществить сей превосходный план было весьма затруднительно. Львенок оттягивал руки. В селезенку впивались острые иголки. Я никогда не любила спорт (разве что Олимпиаду по телевизору), и вот расплата за нездоровый образ жизни настала. Одна оставалась надежда — может, они все-таки не видят в темноте и не ищут именно меня. И, может, это всего лишь глюк. Потому что я просто-напросто спятила... Я бежала и бежала, как вдруг почувствовала, что мне необыкновенно легко, а через несколько мгновений увидела, что я поднимаюсь в голубом луче, медленно кружась вокруг своей оси...

Летательный аппарат неподвижно висел в верхних слоях стратосферы. Внутри подвешенные на светлых эластичных лентах парили два существа. У них были большие глаза — черные и непрозрачные, тонкие конечности с длинными пальцами и сероватая перламутровая кожа.

— Смешно, — подумало одно существо.

— Чрезвычайно забавно, — согласилось второе.

— Ты хочешь помочь, а от тебя убегают, — продолжило первое.

— И ведь не объяснишь, — прокомментировало второе.

— Но мы все равно помогли, — отметило первое.

— Да. Удалили опухоль. Иначе эта молодая особь погибла бы через половину пути этой планеты вокруг солнца.

— Да. Теперь будет жить долго.

Оба существа одновременно закрыли глаза и стали мерно покачиваться в теплом воздухе.

Я очнулась, стоя на пологом холме. Львенок посапывал на руках, как наевшийся щенок, и выглядел намного сильнее, чем раньше. В голове у меня было свежо, как будто мозги промыли родниковой водой. Утренний воздух тек по голой спине, как прохладный душ. Саванна растилалась внизу — ванильный шелк с малахитовыми разводами плоских деревьев. Вдалеке горстью серых камешков лежал палаточный лагерь. Я медленно пошла к нему, стараясь не разбудить Львенка. Я решила, что по дороге к лагерю сделаю две вещи: порадуюсь тому, что все кончилось хорошо и придумаю для коллег по экспедиции более-менее правдоподобную легенду. А о том, что на самом деле случилось ночью, я подумаю завтра.

ИЛЬЯ КАПЛАН

Самое большое чудо

Рассказ

Двери в павильоне делались на совесть. Алексея чуть не прихлопнуло тяжелой створкой, когда он проходил внутрь. Интересно, это на случай массированной атаки условного противника? Или просто сделаны двери с расчетом на многовековое использование?

Как бы там ни было, а внутрь он попал. Даже не верилось, что смог-таки выкроить время в своем плотном рабочем графике, ведь на работе — как всегда перед праздниками — завал...

Ну, теперь осталось только найти нужное, и можно считать миссию выполненной. Признание — плюс. Полнота — минус... Привлекательность — о-го-го, какой плюс... Алексей обожал компьютерные игры. Порой он даже начинал мыслить в жизни категориями игры... Так-так-так... Что же Ей понравилось в прошлый раз... Ага. Что-то из во-он той бижутерии... Стильно, ничего не скажешь... и не очень дорого.

А это что у нас?

Справа у стены находился ряд стеклянных кабинок, где торговали всякой всячиной. От голографических открыток с изображениями денег, девушек, собак и кошек и «драконов консервированных обыкновенных» до красивых застекленных рамок со свидетельствами о происхождении фамилий... Ономастика, блин... Сейчас в витрине красовалось свидетельство-образец с крупно отпечатанной фамилией Перепуг.

А вот той кабинки, что находилась теперь по центру, Алексей в прошлый раз как-то не приметил. Память у него была профессиональная, менеджерская, но он готов был поклясться, что две недели назад кабинок в ряду было шесть... а теперь — семь. И лишняя — именно эта, центральная. С вывеской «Волшебная страна. Чудеса». Ну, на то и Новый Год, чтобы чудеса. Да и смотрел он в тот раз не столько по сторонам, сколько в вырез Ее кофточки. А посмотреть там было на что...

Алексей толкнул стеклянную дверцу и вошел в... Да, назвать помещение кабинкой язык не повернулся бы даже у очень скептически настроенного человека. Это был полноценный магазин. Пахло здесь каким-то несильным, но очень приятным ароматизатором. И явно не из дешевых, отметил про себя Алексей.

Полки, уставленные различными сувенирами, простирались далеко в глубь помещения. За прилавком, тем не менее, обнаружилась всего одна женщина неопределенно-бальзаковского возраста, но в стильных очках и неформально-хулиганской футболке с надписью «Я — ведьма» и припиской мелким шрифтом: «А кто не верит — пусть пеняет на себя». А вот лицо у нее было благородно-интеллигентное. Про таких людей говорят: высшее образование написано на лбу... Как и увольнение по сокращению штатов из какого-нибудь профильного НИИ...

— Добрый вечер, молодой человек, — приветствовала Алексея дама за прилавком. — Что вам угодно?

Она прямо так и сказала: «Что вам угодно». Алексей, привыкший к несколько иному обращению продавцов (Слюшай, что нада, брат, а?), прямо-таки опешил от подобной анахроничной вежливости.

— Да... да... я сувенир ищу, гм... для подруги... подарок на Новый Год... — выдавил из себя Алексей и стал демонстративно оглядываться по сторонам.

— Хорошо, молодой человек, вы пока осмотритесь, а потом, если пожелаете, мы с вами поговорим, — дама за прилавком склонилась над какими-то накладными.

Алексей стал осматриваться. Витрина, выходящая в павильон, была полностью стеклянной. На полках в ней стояли странного вида шарообразные светильники... подставки у стеклянных шаров были самые разнообразные — от простых призм до сложных скульптурных композиций. Стилистика подставки, естественно, сказывалась и на цене сувенира. Ценник под самым дорогим из них выглядел так: «Светильник газоразрядный обыкновенный. Производство — Китай». А внутри шаров жила радуга.

Только была она двухцветной... Нет... двухцветной она была лишь на первый взгляд. От некрупного сердечника к внутренней поверхности шара тянулись, завихряясь, тонкие световые щупальца серо-бордового цвета. Ближе к сердечнику — серые, у поверхности шара — сочно-бордовые, а на самой поверхности — разливающиеся в неописуемой красоты радужные пятна, которые, казалось, хотят что-то сказать смотрящему на них... Что-то очень-очень хорошее...

Алексей потряс головой и обернулся к даме за прилавком.

— Они что, на всех так действуют?

— На всех! — сказала дама, отрываясь от своих накладных. Сказала так гордо, как будто сама сделала этот светильник, да и все, стоящие рядом, — тоже.

— Ага, — глубокомысленно произнес Алексей. И продолжил осмотр.

На витринах, уходящих в глубину помещения, стояли вещи, которых, при первом взгляде на них, стоило испугаться. Потому что быть таких вещей в природе не могло. Но при ближайшем рассмотрении все они оказывались лишь ловким фокусом из раздела «Занимательная физика». Так, вращающийся безо всякой видимой причины и поддержки глобус согласно ценнику был «глобусом малым сувенирным в магнитном поле», а лампа, внутри которой спирально завивалась вязкая синяя жидкость, отрекомендовалась как «Светильник сувенирный на разновязкостном принципе Егорова—Френкеля». Всякой странной конструкции на полке находилось четкое и логичное научное определение. Правда, физикой Алексей никогда не увлекался, но ведь иначе объяснить загадочные перемещения вещества в сувенирах было невозможно. А чего не может быть, того быть не может. Уж это Алексей усвоил за свою жизнь неплохо. Значит, есть такой «разновязкостный принцип Егорова—Френкеля», хоть и не слышал о нем Алексей ровным счетом ничего...

Постепенно он так увлекся, что забыл даже цель своего прихода в павильон. Когда, оторвавшись от очередной головоломки (так и не смог ее собрать), Алексей посмотрел на часы, то с ужасом понял, что торчит в магазине сувениров уже третий час.

Дама за прилавком тоже подняла глаза.

— Молодой человек, вы уже что-нибудь выбрали?

— Д-да... — Алексей счел просто невежливым отказаться от покупки, проведя в магазине столько времени, а потому ткнул пальцем в первый попавшийся светильник из тех, радужно-

газоразрядных, надеясь только, что цена его выбора окажется в пределах отведенной на сувенир суммы...

— Ах, ну что вы, — отозвалась дама с легкой улыбкой, — ведь вам нужно произвести впечатление на вашу... гм... подругу, я правильно вас поняла?

— Д-да... — разнообразием реплик и реакций Алексей в этот день не блистал, уж очень его поразила коллекция разных разностей, собранных в магазине. Вспомнилось неожиданно и его название: «Волшебная страна». А ведь и правда — волшебная...

— В таком случае, я порекомендую вам это...

Из-за прилавка появился странного вида прибор. То есть вид у него был самый что ни на есть обычный в рамках данного магазина.

Это был шар. Только без подставки. Дама водрузила его на прилавок — укатиться шар не пытался — и ловко воткнула в розетку шнур блока питания.

Алексей глянул и обомлел. Внутри шара, наполненного синевой глубокой ночи, напоенной тусклыми на фоне неоновых реклам всполохами звезд, раскинулся город. Огромный город, утыканный башнями небоскребов и увешанный новогодними гирляндами. А еще в городе шел снег. Тихий и ласковый, как мамина сказка на ночь. Алексей даже через стекло почувствовал, каков он на ощупь, этот снег. Чем больше он глядел на заточенный в шаре город, тем больше ему хотелось попасть туда, в веселое разноцветье огней, в самую гущу праздника...

— Сколько? — выдохнул он, понимая, что заплатит любую названную цену, в лепешку разобьется, а заплатит.

— Для вас — две тысячи, — дама была абсолютно серьезна.

— Долларов? — Алексей был готов и к такому повороту событий. И, обмирая от ужаса, полез за деньгами.

— Ну что вы, дорогой мой, — проникновенно ответила дама, — рублей. Я вижу, что запроси я с вас и вдесятеро больше, вы не поскупились бы заплатить. А потому для вас — две тысячи рублей...

Проводив Алексея, дама повесила на двери магазина табличку «УЧЕТ» и направилась в подсобное помещение. Там за круглым столом сидели два рабочих гнома. Вася Егоров приделывал шнур блока питания к очередному магическому светильнику. Несколько светильников ожидали своей очереди возле ящика с бутафорскими блоками.

Второй гном, принятый на работу только вчера, сидел за компьютером и одним пальцем набивал в «Ворде» текст ценника: «Головоломка магнитно-электрическая на принципе противофазных колебаний»

При виде хозяйки Вася оживился.

— Евдокия Андреевна! Я с шарами почти закончил, понимаешь. Вот только блоки питания все вышли, надо бы, это... еще заказать...

Но тут же осекся под ее строгим взглядом.

— Василий! — Евдокия Андреевна чуть повысила голос, — А скажи-ка мне, голубчик, что это за «разновязкостный принцип» такой? «Егорова—Френкеля»! Я тебе учебники физики приносила? Приносила! Так чего же ты самодеятельностью занимаешься? Кто такой этот Френкель?

— Ну Евдокия Андреевна! — Вася заерзал. — Ну не успел я! Не успел! Все едино, клиенты ваши, фи-зи-ку знают так же, как и теорию превращений. Никак, то есть.

— Ох, Вася, Вася... — голос дамы смягчился, — а вот попадется какой дотошный, что нам делать тогда, а? Завтра же, чтобы ценники перепечатали, а то премии вам, как своих ушей без зеркала, не видать! — добавила она грозно. — И кто такой этот Френкель, в конце-то концов?

— Да вот же! — Вася ткнул волосатым пальцем в сосредоточенно печатающего соседа. — Эдик Френкель. Мы с ним вдвоем эти светильники делали, вот и решили... гм, ну... я, это, решил...

Евдокия Андреевна только и успела, что неопределенно махнуть рукой да выйти из подсобки. Приступ смеха, скрутивший ее у самой двери, был просто ужасен... Мало того, что эти лентяи не успевают прикреплять к магическим вещицам маскировочную электрику, так еще и с названиями импровизируют! Что они завтра придумают — «динамический маятник на принципе асинхронных белых излучений»? Хорошо еще, что в магазин не зашел до сих пор ни один человек с более-менее приличным образованием... И что отвыкли люди верить в чудеса. Но подсознательно чуда ждут, пусть и боятся его, как огня в сухом лесу. Скажи она этому менеджеру, что город в шаре — одно, а блок питания — совсем другое, да он бы в психушку ее упрятал... Да ему в «принцип Егорова-Френкеля» поверить проще, чем в Деда Мороза!

Евдокия Андреевна улыбнулась. И подумала, что пора бы уже забрать костюм из химчистки. И прикинуть, кто же в этом году будет выполнять при ней роль Снегурочки...

МАЙК ГЕЛПРИН, СВЕТЛАНА ОС

Медный грош

Рассказ[1]

Он был страшный, этот мужик, нет, просто ужасный. Сутулый, с длинными волосатыми ручищами, выпирающими из-под закатанных рукавов грязно-белёсой косоворотки. Ханна даже зажмурила глаза, чтобы не видеть заросшего чёрной бородищей лица. Мужик выглядел точно так, как Ханна представляла себе разбойника из сказки, которую бабушка Циля-Ривка рассказывала на Йом-Кипур. И имя у того разбойника было страшное — Мордехай, подстать его жутким делам.

— Пойдём, Ханночка, — прошептал дядька Мотл, — не пугайся, деточка, это добрый человек, раз Бог послал нас к нему.

Ханна отчаянно затрясла головой и вцепилась Мотлу в руку. Она знала, что сейчас будет — этот страшный человек, этот Мордехай, убьёт её. Умереть Ханна была согласна и даже хотела. Всю последнюю неделю вокруг неё сотнями умирали люди, и было странно и неправильно, что она всё ещё жива. Но одно дело просто взять сразу умереть и отправиться на небо к маме, а совсем другое — если тебя убьёт этот жуткий разбойник, который, вполне возможно, ещё и людоед.

Мама умерла, когда на поезд, тот самый, последний, на котором беженцам удалось вырваться из Минска, упали бомбы. Вместе с мамой не стало брата, трехлетнего Сэмелэ, и старой, души

[1] Победитель конкурса «СНП — 2008»

не чаявшей во внуках Цили-Ривки. Ханна едва узнала маму, когда нашла её в поле, после того, как бомбёжка закончилась. И бабушку узнала тоже с трудом. Лишь Сэмелэ, ябеда и непоседа Сэмелэ, выглядел как обычно, только зачем же он вылил на себя так много томатного сока?..

Ханна ещё долго ходила по полю вдоль развороченных рельсов и догорающих вагонов. Сначала вокруг неё были люди. Живые люди, и умирающие, и уже неживые. С Ханной заговаривали, о чём-то спрашивали, она не отвечала — смысл вопросов не доходил до неё. Постепенно живых вокруг становилось всё меньше, а потом и вовсе остались лишь мёртвые. Среди них Ханна нашла много знакомых: и сапожника Ицхака, и почтальона Янкеля с обеими дочерьми, а когда уже начало смеркаться, наткнулась на свою лучшую подругу. Фейге недавно исполнилось пять, она была почти на год старше Ханны и жила прямо напротив, а её отец, резчик Изя, дружил с Ханниным папой. Они вместе ушли в военкомат, как только началась война, а оттуда — на фронт.

Ханна опустилась на колени рядом с телом Фейги и принялась читать каддиш. Читать его она не умела, но знала, что делать это следует, и старалась изо всех сил.

— Боженька, родной, — сквозь слёзы шептала Ханна на идиш, — забери к себе на небо всех-всех, которые умерли. Маму, бабушку, Сэмелэ, Фейгу. Сделай так, чтобы им было там хорошо. Боженька, ты же помнишь меня, это я тебе молюсь, я, Ханна Гершанович.

К ночи похолодало. Ханна поднялась на ноги и, спотыкаясь в темноте, пошла через поле прочь от железной дороги, к лесу. Там, на опушке, её и нашёл тощий, нескладный и подслеповатый дядька Мотл, портной с Немиги. Затем они брели через лес, а когда Ханна не могла идти, Мотл нёс её на руках, сам едва не падая. Потом вышли к деревне, и худющая жилистая бабка всё пихала в холщовый мешок хлеб, варёную картошку, яйца, крестила попеременно Мотла и Ханну и плакала.

— Может, оставите? — тоскливо спросил Мотл. — Меня не надо, девочку спасите.

Старуха отчаянно затрясла головой, сунула Мотлу в руки мешок с едой и попятилась в избу. Они обогнули деревню и снова углубились в лес. Потом была ещё одна деревня, из которой их прогнали, они бежали прочь по улицам вдоль домов, и Ханна уже ни о чём не думала, и очень хотела умереть. А затем на отшибе, за чахлым перелеском они наткнулись на поляну. На ней был дом, корявый, мрачный, приземистый, а перед домом стоял этот вот

разбойник, этот Мордехай, и, уперев в бока волосатые ручищи, исподлобья глядел на них.

— Пойдём, деточка, — повторил Мотл. — Ну, хорошо, постой тут, я сам.

Ханна впервые за последние дни заплакала. Сквозь слёзы она смотрела, как старый Мотл, отчаянно размахивая руками, о чём-то молил страшного разбойника Мордехая. А потом вдруг упал на колени и, к ужасу Ханны, сунулся целовать ему сапоги.

После недели, прожитой в погребе, Ханна разбойника возненавидела. Она не знала, почему тот до сих пор не убил её, а, наоборот, подкармливал. Наверное, чтобы я стала толще, и тогда он меня сожрёт, думала Ханна, и специально старалась недоедать. Мордехай почти не разговаривал с ней, иногда лишь бурчал себе под нос неразборчиво. Утром он молча спускался в погреб, оставлял нехитрую еду, забирал ночной горшок и исчезал до вечера. В погребе было холодно, девочка куталась в огромный, вдвое больше неё, засаленный ватник и старалась ни о чём не думать. Однако это не получалось, и Ханна думала о маме, о её мёртвом обезображенном лице, которое увидела тогда, в поле. После этого Ханна неизменно начинала молиться. Она просила Боженьку поскорее забрать её к себе, но он, видимо, не слышал или ему было не до Ханны, потому что наступал новый день, а девочка всё ещё оставалась жива. А потом она заболела. Метаясь в жару и полузабытьи на расстеленном на погребном полу ватнике, Ханна думала, что уже умерла, только почему-то попала не в рай, а совсем наоборот. Ей было очень страшно, ведь Боженька наверняка ошибся и перепутал её с кем-то, потому что никаких грехов за собой она не знала. Ханна проболела долгие две недели, и в памяти остался лишь Мордехай, насильно запихивающий ей в рот деревянную ложку с чем-то жидким и очень горячим.

— Петуха зарезал, — бурчал себе под нос Мордехай, — один кочет и был-то всего. Сам, своей рукой его, как тебе это, а?

После болезни Мордехай позволил Ханне по вечерам выбираться из погреба. Он выходил из дома наружу, пока девочка отогревалась у жаркой печки. Иногда в безлунные вечера он даже брал Ханну за руку, выводил её, и они обходили несколько раз вокруг дома.

Лето сменила осень, похолодало, и теперь Ханна даже ночевала наверху, а люк в погреб оставался открытым, чтобы можно было при необходимости срочно в него нырнуть.

— Пса бы завести, — часто бормотал хозяин. — Ничего не могу поделать, ненавижу собак. Ещё с каторги, с лагерей.

С наступлением морозов многое изменилось. Теперь в дом стали часто приходить люди. Ханна никого из них не видела, зато слышала голоса. Они были неприятными, грубыми и сквернословили, как непутёвый шикер, складской сторож Наум, когда напивался. Только в отличие от Наума, сыплющего бранью на идиш, голоса ругались по-белорусски, а Мордехая почему-то называли господином обер-полицаем. Еды теперь стало гораздо больше. Ханна прекратила недоедать, рассудив, что, раз ещё жива, то, возможно, в планы хозяина не входит её убивать, а лишь держать для какой-то одному ему ведомой цели.

Несчастье случилось, когда зима была уже на исходе. Ханну разбудил Мордехай, буквально сорвав девочку с топчана.

— Быстро в погреб, — задушливо зашипел он, — живо, ну!

Ханна скатилась вниз по приставной лестнице, вслед ей полетели одеяло и простынь. Крышка люка захлопнулась, и не успела Ханна прийти в себя, как наверху раздались голоса. Ханна едва не задохнулась от счастья — она узнала слова. Голоса говорили на идиш. На том самом идиш, на котором разговаривала мама, и бабушка Циля-Ривка, и Фейга, и весь-весь еврейский квартал. Обдирая локти и коленки, Ханна взлетела вверх по приставной лестнице и заколотила кулачком в крышку люка.

— Заберите меня! — истошно закричала она на идиш. — Пожалуйста, я живу здесь в погребе, взаперти. Меня зовут Ханна Гершанович, помогите мне, умоляю вас, ради Бога!

— Юдиш!? — резко спросил, почти пролаял один из голосов.

— Юдиш, юдиш, — отчаянно закричала Ханна, и в следующий момент сверху раздался грохот. Ханна едва не свалилась с лестницы, наверху ревело, трещало, со звоном рассыпалось стекло, и тот голос, что спросил, еврейка ли она, вдруг пронзительно завизжал, а потом затих. Затем крышка люка распахнулась, и в проёме показалась страшная рожа Мордехая.

Ханна выпрыгнула из люка и бросилась к разбойнику.

— Ты убил их! — кричала она, заливаясь слезами и колотя Мордехая кулачками в живот. — Ты убил этих евреев, ты, шмак проклятый, шмекеле, дрек. Убил! — Ханна перешла на русский: — сволочь, мерзавец, говно.

— Дура, — рявкнул разбойник и оттолкнул девочку от себя так, что та отлетела к стене. — Евреев... На, смотри на своих «евреев».

Ханна посмотрела. Мёртвые евреи были похожи друг на друга как братья. Их было двое, оба в чёрном, как будто носили траур по своей умершей маме. Ханна закрыла ладошками рот, чтобы не закричать вновь.

— Дурёха, — бросил, будто выплюнул, Мордехай. — Собираемся, быстро, надо уходить.

Потом они брели через лес. Разбойник тащил Ханну на себе, идти по снегу она не могла, да и обуви подходящей не было. Они шли и шли, по ночам Мордехай жёг костры и, ссутулясь, сидел перед огнём, огромный, страшный, уродливый.

Однажды он сказал:

— Сил нет больше. И еда подходит к концу. Так я и не вытащил тебя. Загубил, и себя заодно угробил. На всякий случай запомни: я — Николай Зимин. Штабс-капитан Николай Иванович Зимин. Дворянин. Бывший дворянин и бывший штабс-капитан. Осуждённый ревтрибуналом преступник и беглый лагерник. Я антисемит, понимаешь ты, я ненавижу евреев. Спросишь, зачем я тебя взял? Можешь не спрашивать, я сам не знаю ответа.

Их нашли, когда Мордехай уже не мог дальше идти и молча лежал рядом с Ханной у угасающего костра.

— Ого! — сказал длинный, одетый в кожу носатый человек с винтовкой через плечо. — Кто такие? Боже мой, да тут девочка.

— А я знаю его, товарищ капитан, — вывернулся из-за спины носатого молодой парень в ушанке и тоже с винтовкой. — Это же полицай из местечка, он у них старшим был. Что, попался, сука!?

Он подскочил и пнул Мордехая ногой.

— Подожди, — капитан отстранил парня и опустился на корточки. — Девочка, как ты здесь оказалась?

— Он разбойник, бандит, — протянув руки к капитану, закричала Ханна, и тот подхватил её, поднял и прижал к себе. — У меня все умерли, все-все, а этот, он отобрал меня у Мотла, держал в погребе всю зиму. А потом за мной пришли евреи, и он убил их.

— Понятно, — капитан с ненавистью посмотрел на лежащего на снегу разбойника. — Бедная крошка. Какой же сволочью надо быть. Так, Алексей! Девочку отнесёшь в землянку, скажи доктору, пусть займётся. Этого — допросить и в расход.

Через час в землянку к Ханне пришла мама. Она появилась ниоткуда, просто возникла из ничего, из воздуха.

— Что же ты наделала, деточка, — тихо сказала мама, — что же ты натворила!

— Молись, Ханна, — сменила маму старая Циля-Ривка. — Молись за этого человека, как все мы молимся за него каждый день.

— Гадина! — выкрикнул Ханне в лицо Сэмелэ. — Проклятая шикса, шайзе, дрянь.

Ханна рухнула на земляной пол на колени. Она внезапно поняла, поняла всё.

— Боженька! — взвыла Ханна и в отчаянии вздыбила руки к небу...

— Ты веришь в это? — десятилетний Лёвушка строго посмотрел на старшую сестру.

— Конечно, — Эстер кивнула. — Бабушке тогда не было и пяти. Она не знала, что немецкий и идиш настолько похожи.

— Я не про то. Ты веришь, что Бог услышал молитву, и Зимин исчез за секунду до залпа?

— Не знаю. Бабушка Ханна уже старенькая, иногда она заговаривается. А ты веришь?

— Я — да, — сказал Лёвушка. — Верю. Почитаешь мне бабушкины стихи? Про Зимина.

— Ладно, почитаю, — стихи старой Ханны Эстер знала наизусть:

Вот ещё одна ночь... И звезда, как литая брошь,
потускнев на миг, покатилась на серый наст...
Кто сказал, что цена этой жизни лишь медный грош?
За любую жизнь здесь никто и гроша не даст.
Кто сказал, что легко у незримой стоять черты,
выбирая из многих единственно верный путь.
А потом — отступать и сжигать за собой мосты,
проклиная навеки всё то, что нельзя вернуть.
Каждый раз замирать, слыша эхо своих шагов,
постигая извечный маршрут «от тюрьмы к суме».
И, влача непосильное бремя чужих долгов,
груз нелепых иллюзий и годы слагать в уме.
По спирали жизни карабкаться вверх, к Творцу,
и, сорвавшись вниз на последнем её витке,
в первый раз оказаться с искомым лицом к лицу.
И остаться там. Горсткой пепла в Его руке...

СЕРГЕЙ УТКИН

Само собой

Рассказ

— Михалыч! Михалыч, открывай! Уснул ты там, что ли?! — невысокий мальчишка лет двенадцати сердито сплюнул на землю и в очередной раз пнул обшарпанную железную дверь с надписью «Котельная». Грохот удара разнесся по загаженному двору-колодцу старого дома, но никого этот шум не потревожил: уже несколько лет дом был расселен для капитального ремонта. Уцелевшие стекла окон дома уныло отражали серый сентябрьский вечер и мальчишку, разъяренно барабанящего в дверь. На фоне облезлых стен был особенно заметен аккуратный серый костюмчик мальчишки, модный свитер под пиджаком и новенькие красные резиновые сапожки. Впрочем, правый сапожок уже утратил первоначальный блеск от многократных столкновений с ржавым железом двери.

— Михалыч! Да открывай же ты! — эхо нового удара разнеслось по двору. За дверью послышалось неразборчивое бормотанье, лязг отодвигаемого засова, и на пороге возникла помятая бородатая физиономия неопределенного возраста.

— Ну, чего надо? — свирепо прохрипел обладатель физиономии, крепко дохнув на мальчишку водочным перегаром.

— Фу-у-у! — брезгливо поморщился мальчишка. — Я тут все ноги уже отбил, глотку чуть не надорвал, а Михалыч с перепою дрыхнет! А вчера все утро ныл, что денег нету!

— Петька! — свирепости в голосе Михалыча как не бывало. — Да тебя хрен узнаешь! Прямо принц, вон какой камзол себе отхватил! Да чего ж мы на улице-то торчим? Проходи, я сейчас чайник поставлю...

— Ты мне зубы-то не заговаривай! — Петька еще раз сплюнул и шагнул через порог мимо отступившего внутрь Михалыча. — Лучше скажи, на какие шиши пил? Опять пьянчугу какого-нибудь обобрал?

— Да Господь с тобою, Петь! — испуганно перекрестился Михалыч и, захлопнув дверь, задвинул тяжелый засов. — Я ж слово давал, да и менты мою физиономию наизусть знают, враз заметут. На Галерее я был, рисовал малость, да кореша вот встретил...

— Какого кореша? — притормозил Петька перед металлической лестницей, ведущей куда-то вниз.

— Старого своего кореша, мы с ним еще с университета знакомы. Сто лет не виделись, а тут вот встретились. Да чего ты стоишь, идем! Там друган вчера жратвы всякой натащил, конфет, рогаликов твоих любимых...

— И кто же твой кореш? Рокфеллер?

— Дворник он, Петя. У метро павильоны новые знаешь ведь? Вот к этим павильонам он и приставлен. Платят немного, зато жратвы и выпивки навалом. И живет там же, в подсобке ...

— Как это — живет?

— Дак, Петь, он такой же бомж, как и мы с тобою, — ни жилья, ни документов. Хозяин документы на сына своего оформил, а Витька за сынка пашет. И всем хорошо — хозяину экономия и Витьке жилье с кормежкой.

— Да, повезло. — Петька уверенно затопал по ступенькам, Михалыч, сопя, двинулся следом. Некоторое время они молча шли по подвалу, скудно освещенному тусклыми лампочками. Маленький Петька уверенно двигался среди лабиринта разнокалиберных труб и вентилей, покрытых каплями влаги, перешагивая лужицы на цементном полу, грузный Михалыч двигался следом. Наконец перед Петькой возникла еще одна дверь, точная копия входной, только надпись была другая — «Операторская». Петька потянул на себя ручку и очутился в просторной комнате с нехитрой обстановкой: видавший виды стол с газетой вместо скатерти и заваленный пакетами, разнокалиберными бутылками и объедками; вокруг стола стояло несколько разномастных стульев, рядом с дверью расположился старый громадный диван с выпирающими пружинами, в углу за грязной занавеской виднелся широкий самодельный топчан.

— Та-ак... — протянул Петька, разглядывая царящий на столе хаос. — Хорошо вы тут вчера гуляли, а? Кореш-то твой где?

— Дак с утра на работу убег, я его проводил, а сам прилег — голова с отвычки разболелась...

— Надо думать, — хмыкнул Петька, плюхнувшись на жалобно заскрипевший диван.

— Дак я чайку заварю? — засуетился Михалыч.

— Ага, поставь...

— А может, ты поесть хочешь?

— Не-а, не хочу я...

— Ну, как хочешь. Счас я... — Михалыч схватил со стола мятый алюминиевый чайник, сгреб в охапку маленький чайничек для заварки и выскочил за дверь. Что-то приглушенно скрипнуло, зашумела льющаяся вода. Петька скинул сапоги и лег на диван, положив голову на мягкий подлокотник. Закрыл глаза, но тут же открыл вновь, глянул на вошедшего Михалыча.

— Петь, да ты спишь совсем...

— Не-е, просто прилег...

— Ты погоди спать-то, чайку сперва попей с рогаликом, а тогда и покемаришь.

— Ой, а я и забыл, что ты еще и рогаликами богат! — Петька повернулся на бок, подложив локоть под голову.

— Есть немного, — усмехнулся Михалыч, пристраивая чайник на самодельной газовой плитке — куске широкой металлической трубы с рассекателем в верхней части и подведенном через вентиль толстым резиновым шлангом внизу. — Повезло мне вчера на «галере», два этюда какому-то забугорнику продал, да еще эскиз на заказ сделал.

— Ну, ты точно Рокфеллер!

— Не-ет, Рокфеллер у нас ты — вон какой нарядный! Где ж тебе так подфартило прибарахлиться?

— Да так... — пожал плечами Петька. — На тетку одну наткнулся, она приют хочет для ребят сделать.

— Не бедная, видать, тетка...

— Ага. А пока комиссии всякие документы проверяют да дом под приют ремонтируют, она ребятам едой да шмотками помогает, иногда к себе ночевать зовет.

— Так это ты у нее ночь пропадал?

— Ага, — зевнул Петька.

— Ну и как тебе в домашней обстановке?

— А что есть дом? — вздохнул Петька.

— О, да ты прямо философ! — хмыкнул Михалыч и приподнял крышку зашумевшего чайника. — А все же, понравилось тебе у тетки этой?

— Ничего, жить можно... Только про сына своего все уши мне прожужжала.

— А чего сын?

— Убили его два года назад.

— Боже мой... Сколько же этому бедолаге было?

— Пятнадцать. Полина Викторовна одна его растила, зарабатывала неплохо, а Ленька к наркоте пристрастился. Ему кто-то давал, а потом деньги потребовал. А откуда он их возьмет? Не к матери же идти... Тогда ему показали квартиру богатую, ломик в руки дали, говорят — иди, отрабатывай долг. Сами на улице в машине ждали. А хозяин квартиры дома оказался. Как услышал, что к нему лезут, то прямо через дверь в Леньку из ружья шарахнул.

— Да, дела... — сокрушенно покачал головой Михалыч, засыпая заварку. — Ну вот, счас чаек заварим, и прошу к столу!

Михалыч ловко подхватил большой чайник с горелки, плеснул кипятку. Затем подхватил со стола два граненых стакана и выскочил за дверь. Петька лениво сел и нехотя надел сапожки. Затем перебрался на рядом стоявший стул. За дверью раздавался шум воды — Михалыч мыл стаканы. Из лежавшего на столе пакета Петька выудил подсохший рогалик, неторопливо зажевал.

— Ну, чего нос повесил? — вошел Михалыч, держа в руках мокрые стаканы.

— Да так, — пожал плечами Петька, глядя как Михалыч разливает по стаканам крепкий ароматный чай.

— Не темни, Петь, — Михалыч сел напротив Петьки и придвинул один стакан к себе. — Я же не слепой, вижу, что хочется тебе пожить по-человечески, в нормальной квартире, поспать в чистой кровати... Так ведь?

— Ага... — не то выдохнул, не то всхлипнул Петька, опустив голову.

— Что ж поделать, малыш... Видно, не дано нам с тобою этого счастья. Судьба у нас такая, подвальная. И то счастье, что отсюда не гонят, в тепле живем, а не дохнем где-нибудь от холода. Вот и остается только терпеть... Впрочем, тебе-то, может, и повезет, если эта Полина Викторовна приют откроет.

— Она меня к себе жить зовет, — не поднимая лица, проговорил Петька.

— Чего?!

— Жить, говорю, зовет. С приютом когда еще решится, а тут...

— Ну, это, знаешь... — растерянно развел руками Михалыч. — Фу ты, даже слов не подберу! Я рад, конечно, только странно все это. Да и тетки разные бывают. Может и вправду жить возьмет, а может, продаст тебя иноземцам на «запчасти». Искать-то тебя некому — ни родни у тебя нет, ни документов.

— Она усыновить меня хочет.

— Без документов? — хмыкнул Михалыч.

— У нее в милиции знакомые есть, через неделю все бумаги будут.

— Это она тебе так сказала?

— Нет, мы вместе в детскую комнату милиции ходили, там ее знакомый инспектор меня долго расспрашивал: кто я, откуда и как здесь очутился...

— Ну, если в милицию... Хотя в наше время всякой сволочи везде полно. Ты говоришь, что бумаги через неделю сделают?

— Это не я, а тот дядька говорил.

— Ну, не важно. Вот и давай не будем пороть горячку.

— Это как? — вскинул влажные глаза Петька.

— А так. Пусть эта Полина Викторовна с документами хлопочет, а ты пока живи, как жил. Если она и вправду тебя в сыновья к себе определила, то недельку потерпишь. А ежели врет, то здесь тебе безопасней будет. А через недельку мы поглядим, что к чему. Пусть все утрясается само собой.

— Само собой, — как эхо откликнулся Петька.

— Да не горюй ты, Петька! Всякие чудеса на свете бывают, может, и смилостивится Господь над тобою — усыновит тебя Полина Викторовна, заживешь нормально, в школу пойдешь...

— Ага, за двойками, — хихикнул повеселевший Петька, вгрызаясь в рогалик.

— Ну, не без того, — усмехнулся Михалыч, отхлебывая горячий чай. — Ну да ты парень башковитый, недолго в двоечниках проходишь. Зато жить будешь по-людски, есть когда хочется, а не когда удастся. Может, и рост твой...

— А чего рост? — насторожился Петька.

— Как это чего? Мы с тобою уже года три знакомы, тебе четырнадцать скоро, а ты как был метр с кепкой, так и остался. А все потому, что ни жизни, ни еды нормальной ты не видел. А вот поживешь как все люди, тогда и подрастешь наконец!

— Угу! — улыбнулся Петька, но глаза его оставались серьезными.

— Ну вот и расшевелился! — обрадовался Михалыч. — А то сидит, куксится... Чай вон совсем уже замерз.

— Не-е, не замерз, — отхлебнув, сказал Петька.

— Пей, не болтай! — шутливо прикрикнул Михалыч. — И нос держи выше, даже если совсем плохо будет. Иначе лучше сразу помереть, чем...

— А не страшно? — перебил разглагольствования Михалыча Петька.

— Чего?

— Умирать не страшно?

— Ну ты и вопросик задал... — Михалыч растопыренной пятерней поскреб в затылке, взъерошив и без того всклокоченную шевелюру. — Я, Петь, свое отбоялся, когда жену с дочкой маленькой похоронил и сам чудом жив остался. Вот с того дня я смерти не боюсь, а жду...

— А чего ее ждать-то? Вышел вон на крышу да и прыгал бы!

— Нет, Петя, это не по мне. На моей душе и так грехов масса, а самоубийство — этот грех самый тяжкий, неискупный.

— Почему? — тихо спросил Петька.

— Видишь ли... — начал Михалыч, но тут раздался приглушенный металлический лязг: кто-то стучал по входной двери.

— Во, кажись, Витек пришел! — вскочил со стула Михалыч. — Я пойду, открою, а ты чай допивай, — добавил он, выскакивая за дверь.

Петька послушно отхлебнул из стакана, прислушиваясь к доносящимся из-за двери звукам. Было слышно как лязгнул отодвигаемый засов и радостный голос Михалыча приглашал гостя войти, тот что-то тихо говорил в ответ. Снова прогремела входная дверь, и кирпичные стены подвала донесли звуки приближающихся шагов. Петька торопливо допил чай и с недоеденным рогаликом плюхнулся на диван — лицом к двери, которая тут же распахнулась, и на пороге возник щуплый невысокий мужичок с большой пластиковой сумкой в руках.

— Проходи, Витек, проходи, тут все свои, — подтолкнул сзади Михалыч застывшего при виде лежащего Петьки гостя. — Знакомьтесь, это вот Петька, а это Витек...

— Здрассьте, — сиплым голосом пролепетал Витек, не сводя глаз с мальчишки.

— Здравствуйте... — Петька, дожевывая остатки рогалика, равнодушно оглядел внезапно оробевшего гостя. — Михалыч, я подремлю чуток, вы не гремите уж, ладно?

— Ладно, ладно, — добродушно прогудел Михалыч, отбирая у Витька сумку. — Хотя у тебя под ухом из пушки стрелять

можно — спишь как убитый. Знаешь, Вить, тут пару недель назад вентиль на трубе прорвало, а там давление будь здоров. Вода лупит со страшным свистом, а Петька даже не проснулся!

— Хватит врать-то... — Петька проглотил последний кусок и демонстративно отвернулся к стенке. Почти сразу дыхание его стало тихим и ровным.

— Уснул, — тихо проговорил Михалыч. — Ладно, Витек, садись, не маячь в дверях. Только тихо, не разбуди малого.

— Слышь, Серега, а он кто? — Витек, все так же не сводя глаз со спящего Петьки, рухнул на ближайший стул.

— Как кто? Пацан, сам не видишь?

— Вижу, не слепой! А что за пацан? Откуда взялся?

— От верблюда! — сердито отозвался Михалыч, выуживая из сумки начатую бутылку водки. — Нет, Витя, сегодня выпивки не будет. Разве что по чуть-чуть, для поправки здоровья...

— Да хрен с ней, с водкой! Ты толком можешь объяснить, откуда этот Петька взялся?

— Ну откуда в наше время беспризорники берутся? — пожал плечами Михалыч, выкладывая на стол разнокалиберные банки и свертки. — Из интерната сбег, а до того с родителями жил, только погибли они давно. О, колбаска! Я уж и забыл, какова она на вкус...

— Подожди ты с колбасой! Давно ты с ним знаком?

— Да около трех лет, а что? — Михалыч недоуменно глянул на Витька, отставив в сторону изрядно полегчавшую сумку.

— А странного ты за ним ничего не замечал?

— Да что ты привязался? Самый обыкновенный пацан! Две руки, две ноги, одна голова! Чего тебе еще? — распалялся Михалыч, не замечая, как начал говорить в полный голос.

— Да тише ты!!! — зашипел на него Витек. — Чего ты орешь?

— А чего ты привязался? — понизив голос, забормотал Михалыч. — Прямо как следователь на допросе, ей-богу...

— Ладно, не кипятись, — миролюбиво улыбнулся Витек, отрезая ломоть хлеба. — Давай лучше поедим, а то меня с утра так загоняли, что даже пожрать не дали.

— Давай-давай, и чайку себе налей, а то что ж всухомятку-то...

— Узнаю старого собутыльника! — усмехнулся Витек, наливая чай.

— Зато я не узнаю, — пробурчал Михалыч. — Раньше ты идиотских вопросов за столом не задавал.

— Так ведь все течет, все изменяется... К тому же мы с тобою до вчерашнего дня сколько не виделись?

— Дак лет десять, наверное...

— Вот, а за это время я из кандидата наук в дворника превратился, а ты из члена Союза художников — в бомжа.

— Ну, насчет бомжа, то и ты местом жительства не располагаешь...

— Это верно, но тут не моя вина.

— А чья?

— Странная это история, Сережа, — вздохнул Витек, задумчиво глядя куда-то мимо Михалыча. — И чем дальше я ломаю над ней голову, тем больше запутываюсь.

— Что за история? Не тяни душу, выкладывай.

— Подожди, дай поесть! — Витек демонстративно откусил огромный кус колбасы. — Лучше ты про свои беды расскажи, как ты тут очутился, — жуя, добавил он.

— Да со мной все просто... — Михалыч отставил стакан, глаза его помрачнели. — Лет этак шесть назад угораздило меня в политику влезть. Познакомился на выставке с хорошими ребятами, поговорили, выпили. И после этого разговора все, что я до того делал, настолько ничтожным показалось на фоне этого бедлама, что тут же в их партию и вступил.

— А что за партия-то?

— Да было такое объединение — «Демократы России». Вот к ним я и пришел, вместе художественную школу для ребят из бедных семей открыли, бесплатную. Я преподавателей хороших подыскал, не жлобов. Ну, с год нормально поработали, а потом началось... В городе выборы готовились, и каждая сволочь стремилась к власти пролезть, причем способами никакими не брезговали. В газетах стали про наше объединение писать черт знает что, про школу наговорили такого!.. И педагоги будто все сплошь педофилы, и будто школа рассадник наркоманов. Меня, правда, не трогали — знаменитость! Но ребят наших потрепали изрядно. Дальше — хуже. Сперва офис подпалили, потом в школу наркотики подбросили, а ментура тут как тут — сразу же и обнаружила. Затем одного из наших агитаторов избили чуть не до смерти. А за три недели до выборов Валю Добровольцеву вместе с Рустамом, помощником ее, прямо возле дома расстреляли...

— Это я помню, — кивнул головой Витек, — шухер стоял еще тот. Президент тогда еще обещал...

— Да мало ли чего он обещал! — грохнув кулаком по столу, взревел Михалыч. — Этот!..

— Тихо ты!!! Сядь! Чего разорался?! — испуганно зашипел Витек, оглядываясь на зашевелившегося Петьку.

— Да спит он, не дергайся... — обмяк Михалыч. Плеснул в грязный стакан из бутылки и залпом выпил. — Вот ведь, думал, что позабылось уже, ан нет...

— Память наша штука необъяснимая...

— Воистину, — слабо усмехнулся Михалыч. — Что надо не запомнить, а чего хочешь забыть, само в голову лезет.

— Ну а чего дальше-то было? Каким макаром вся эта политика тебя из дома выгнала?

— Да вот таким... Когда Валю с Рустамом похоронили, мы заявление сделали, что все равно в выборах участвовать будем. Я к тому времени уже был зарегистрирован как кандидат. В тот же вечер дома раздался звонок. Мне предложили снять свою кандидатуру, иначе хана. Я их послал куда подальше, а жене с дочкой велел вещи собрать. Утром отправил в деревню к теще, от греха подальше. Пару дней все тихо было, кампания предвыборная шла своим чередом, я с избирателями встречался. И вот на одной такой встрече приходит записка — встаньте и заявите, что избираться не будете. Ну, я прямо со сцены записку эту прочитал, а заодно добавил от себя кое-что матом. Люди в зале посмеялись, похлопали, еще вопросов накидали, и разошлись мы только через два часа. Приехал я домой, а у двери видеокассета лежит. Что за дела, думаю... Взял. Дома в видик вставил, сам на кухню вышел, чайник поставить. И тут слышу Надюшкин голос, дочки моей: «Папа! Папа!» Я в комнату влетел, а на экране дом тещин, а рядом все мое семейство сидит, к лавке во дворе привязанные. А вокруг них ящики какие-то и провода тянутся. А за кадром голос говорит: «Вот теперь их жизнь в твоих руках. Звони в избирком и снимай свою персону с выборов. И не шали, иначе не будет ни дочки, ни жены с тещей, ни домика в деревне». Я в коридор выскочил, стал в милицию звонить. Набрал номер РУВД, а там тот же голос, что и на кассете, мне и говорит: я же тебя предупредил. Теперь, мол, сам виноват. Засмеялся еще, гад, и тут же взрыв...

— По видику?

— По квартире. Квартиру они взорвали и меня вместе с нею.

— Как же ты жив остался?

— Чудом, Витенька, чудом. Взрывчатки эти ребята не пожалели и взрывом весь наш подъезд с первого по пятый этаж разнесло. Меня спасло, что телефон в коридоре стоял, прямо у двери. Был еще японский, с трубкой переносной, но у него аккумулятор сдох, новый купить негде было, поэтому пользовались стареньким советским. От взрыва вышибло двери моей

квартиры и у соседей напротив, меня к ним и закинуло. А когда перегородки рушиться начали, то в наружной стене трещина появилась, пол накренился, я прямиком на улицу и выкатился в снег.

— Да, зимой ведь дело было... А что, невысоко жили?

— На четвертом этаже. Обгорел я тогда, поломался жутко — медики со мной полгода возились. А главное — полная потеря памяти.

— Как это — потеря? — недоуменно уставился на Михалыча Витек.

— А вот так. Поначалу я действительно ничего не помнил, а потом уже сознательно стал косить под контуженного, когда вспомнил, что к чему.

— А зачем?

— Чтобы в живых остаться. Газетам сообщили, что я погиб при взрыве. К тому же нагородили, что у меня в квартире был целый склад взрывчатки, вот она и рванула. Документы мои сгорели все, рожу мне тогда попортило изрядно, и узнать меня могли с трудом. А я надеялся, что семья все же жива, — если я мертв, то зачем семью убивать?

— Дурак! — фыркнул Витек, но тут же спохватился — Ох, прости, Сережа...

— А чего прощать-то? Дурак и был. Не стал я ждать, пока медики меня милиции передадут для выяснения личности, решил удрать. Ночью пробрался в кладовку и спер кое-какую одежонку — моя почти полностью сгорела. У одного барыги денег позаимствовал и двинулся на попутках в деревню. Приехал, дом стоит. Забегаю, а там теща сидит седая вся, меня не узнает. От соседей узнал, что не взорвали, а расстреляли они Анюту с Надюшкой. Не было взрывчатки в ящиках. Специально спектакль разыграли, чтоб на пленку снять, а сами тут же их и... — голос Михалыча дрогнул. — Изнасиловали сперва на глазах у тещи, а потом из пистолета...

— Господи, да что же это за люди такие? — вплеснул руками Витек. — И ты с тех пор так и маешься?

— А как еще? Некуда мне деваться, да и незачем. Теща вскоре померла, дом тут же на бревна растаскали: наследников-то нету. Я обратно в город вернулся, сперва на вокзалах ночевал, потом в подвал переселился. А три года назад с Петькой познакомился, он меня сюда и привел. С тех пор здесь и обитаем...

— Да я не про жилье! Как же ты живешь-то с таким горем на душе?

— Живу вот... Человек такая скотина — ко всему привыкает... Да и что мне делать-то оставалось? Жену с дочкой не вернешь, меня смерть не взяла, самоубийство не по мне... Не мстить же! Да и кому мстить? Тем, кто стрелял и насиловал? Так они сами передохнут — свои же перестреляют, если уже не прибили. Заказчикам? Так те сидят так высоко, что и близко не подберешься. А того гада, что наемниками командовал, я разыскал потом — на кладбище.

— Тоже пристрелили?

— Нет, сам помер. Он каким-то ментовским начальником был, в почете. А помер страшно — ехал утром на работу, и посреди дороги парализовало его. Машина прет на всех парах, водил-то он сам, а он шевельнуться не может. Нога на педали газа лежала, машина предельную скорость набрала — и в реку сквозь ограждение. Так и утоп... Когда машину выудили, то спасатели на его лицо смотреть не могли — рожа у мертвеца была прямо как в одном рассказе у Конан-Дойла.

— А ты как узнал?

— А я сам видел, как его вытаскивали, — я там рядышком на пропитание шабашил. Там неподалеку храм реставрируют, туристы постоянно водятся, ну и наша братия там промышляет кто чем.

— Ясно... А здесь как оказался, если у церкви побирался?

— Это Петькина заслуга. Я на пятнадцать суток угодил по глупости — не углядел, что менты приехали чужие, а не те, которым мы дань платили. Покуковал я в изоляторе свои две недели, вышел, а на моем месте уже другой мужик устроился. Попробовал выпереть, ан не тут-то было — он уже с местными скорефаниться успел, и меня же в три шеи и погнали. Ну, дело уже привычное, потопал на вокзал. А там дорога через детский парк идет, я после казенных-то харчей притомился и на скамейку у пруда сел. Жрать охота — сил нет, а денег ни копейки. Да еще и без своего места. Сижу, на природу любуюсь. А на берегу какая-то бабка голубей кормит, целый батон с собой притащила и крошит. Я ей так вежливо говорю: «Матушка, дай хлебушка ради Христа». А «матушка» в ответ как понесла матом! Аж голуби от ее ругани покраснели, но жрать не перестают. Плюнул я с досады, пошел прочь. Только на другую аллею свернул — сзади за руку дергает кто-то и говорит: «На, поешь». Оборачиваюсь, а передо мной пацан стоит и батон протягивает. Так и познакомились мы с Петькой. Он, оказывается, тоже за бабкой следил, хотел поесть попросить, да я раньше встрял. А услышав, как

бабка меня отчехвостила, раздумывать не стал — выскочил из кустов, батон вырвал и тикать.

— Да, это он умеет... — себе под нос пробормотал Витька.

— Чего? — не понял Михалыч.

— Да это я так, про себя... А про подвал откуда узнали?

— Да ниоткуда. Петька сюда ночевать повадился ходить, благо людей здесь ночью не бывало никогда. Он меня сюда и притащил. И надо же такому случиться — прорвало одну трубу, вентиль сорвало начисто, а там кипяток крутой. Пар столбом, вода лупит, мы здесь как взаперти оказались — труба аккурат между нашей дверью и выходом лопнула. Ну не ждать же, пока мы тут сваримся навроде раков! Я к пульту скакнул и котел погасил, вода чтоб остыла, — даром, что ли, сразу после института в такой же кочегарке пахал? Потом полез искать трубу, через которую вода в котел поступает, вентиль закрутил. Вода почти сразу на убыль пошла, а через полчаса совсем перестала. Только мы с Петькой ноги делать собрались, а в дверях уже три мужика стоят — начальник местного ЖЭК и пара сантехников прискакали.

— А кто их вызвал-то?

— Никто, начальник сам понял, что к чему, когда вода в душе резко на убыль пошла. Сразу примчались, только войти не могли, а снаружи воду не перекрыть никак. Думали уже газ в котельную перекрыть, благо газовый вентиль снаружи, да я со своей инициативой раньше встрял. Сперва, как нас с Петькой увидали, материться принялись, чуть до милиции опять дело не дошло. Еле утихомирил я этого Павла Иваныча, начальника. А как стало до него доходить, что к чему, то разговор сразу переменился. В общем, стали мы здесь жить на полулегальном положении — в ЖЭКе я свой человек, но ежели менты по какому-либо поводу прискребутся, то они меня не знают.

— Ясное дело, — кивнул Витек, хлебнув крепкого до черноты чая. Михалыч, поглядев на смачно жующего приятеля, отрезал себе колбасы с хлебом и соорудил гигантский бутерброд. Какое-то время они сосредоточенно жевали, прихлебывали чай, отставив початую бутылку водки в сторону. Но что-то не давало покоя Витьку — время от времени он пристально всматривался в затылок мирно сопевшего на диване Петьки.

— Да что ты все его разглядываешь? — не выдержал наконец Михалыч. — Обыкновенный пацан, только бездомный и безродный. Сейчас таких по стране тысячи болтаются...

— Знаешь, Сережа, мне все время кажется, что с Петькой твоим я знаком...

— Когда кажется, креститься надо. И сколько же ты с Петькой знаком?

— Восемь лет.

— Да ты с ума сошел! — поперхнулся Михалыч. — Ему восемь лет назад еще пяти не было! Ты что, в детском саду его тогда видел, что ли?

— Нет, не в саду. И было ему тогда не пять лет, а двенадцать.

— Так, ты сегодня не пьешь, — убрал бутылку под стол Михалыч. — Еще ни одного глотка не сделал, а уже полную ахинею несешь.

— Может, и ахинею, — пожал плечами Витек. — Но очень уж похож, и зовут так же, как и того...

— Кого — того?

— Того пацана, который меня чуть не убил.

В другой ситуации лицо Михалыча вызвало бы улыбку — широко раскрытые глаза и округлившийся от удивления рот никак не вязались с громадной коренастой фигурой. Со смесью страха и удивления смотрел Сергей на Витька, словно впервые увидел давнего приятеля. Недоеденный бутерброд свалился на стол из невольно разжавшейся руки.

— Чё? — только и сумел выдавить из себя Михалыч.

— То самое, — ровным голосом отозвался Витек. — Ты нашу последнюю встречу помнишь?

— Дак как же — ты как раз новое назначение получил куда-то в Сибирь...

— Точно. Только это «куда-то» было «ящиком», который и сейчас еще в сверхсекретных числится.

— То-то ты тогда темнил, куда едешь!

— Еще бы мне не темнить — подписку о неразглашении давал! И на письма твои отвечал через пень-колоду по этой же причине: в Новосибирске-то я жил не больше полугода, а в «ящике» работали вахтовым методом — месяц там, потом месяц дома отдыхаем.

— Дак, а Петька-то тут при чем?

— А ты не перебивай, а слушай. Ровно через год после свадьбы Нинка моя рожать затеялась. Я как раз сидел дома после очередной вахты, когда у Нинки схватки начались. Я «скорую» вызвал, через полчаса приехала такая расфуфыренная мадама. Нинка от боли орет, а эта сука спокойненько так расспрашивает: «На каком месяце? Когда воды отошли? Нет, дамочка, рановато вам еще рожать» Я чуть не силком заставил везти Нинку в роддом, сам рядом сел. Только от дома отъехали — Нинка

рожать начала. Я докторшу эту из кабины зову, а она: «Не морочьте мне голову!» И ведь не выскочишь же на ходу из машины чтоб этой стерве морду набить! — Витек трясущимися руками вытащил из кармана начатую пачку «Беломора», закурил, жадно затягиваясь дымом. — Тут санитары доперли, что дело не шуточное, стали в стекло барабанить. Остановились. Врачиха меня в кабину перегнала, сама стала над Нинкой колдовать. В общем, когда к роддому приехали, из машины забирали двоих... Врачи сразу сказали — ребенок уже мертв, а жена при смерти, слишком много крови потеряла. Полночи врачи Нинку с того света вытащить пытались, да без толку... А пока я приемном сидел и чуда ждал, эта сучара со «скорой» в журнале целый роман накатала — якобы я всячески мешал врачам исполнить свой долг, не подпускал к жене из религиозных побуждений... И под этим ведь вся бригада расписалась! Меня из роддома прямиком в КПЗ доставили — убийца, мол. Как я там с ума не сошел, одному Богу известно. Дело, конечно, сразу прекратили, когда стало известно, кто я и где работаю. Но с работы все равно погнали — дескать, дыма без огня не бывает. Хорошо хоть с квартиры не выгнали — она Нинкина была, от родителей еще осталась, кооперативная. Схоронил я Нинку и мальчонку своего рядом с ней похоронил, памятник сделал, надпись «Нина и Олег» заказал... Мы с Нинкой как узнали что пацан будет, сразу имя выбрали, все необходимое купили. Вот и пригодилось... На работу надо было устраиваться, а на душе такое: не то что работать — на людей смотреть не могу. Думаю, фиг с ним, деньги на книжке кое-какие есть, месяц дома пересижу, очухаюсь.

— Это ты зря... — подал голос Михалыч.

— Я потом и сам понял, что зря. День-то жил нормально, а как дело к вечеру — чудилось, что Олежка в своей кроватке плачет. Я к нему, а там пусто... Потом стало казаться, что Олежка уже подрос, по полу бегает и лопочет чего-то... Нинкин голос ни разу не слышал, а Олежкин — каждый вечер. На шестой день отчетливо услышал, как он «папа» сказал! Вот тогда я бутылку водки, которая уже полгода нетронутая в холодильнике стояла, и открыл...

— Это понятно...

— За полгода я пропил все, что до этого заработал. Дома из мебели только матрас, стол и Олежкина кровать осталась.

— А кроватку-то зачем оставил?

— Не знаю, не смог я ее продать. Пил просто беспробудно, только бы голос Олежкин не слышать. А он с каждым разом

все отчетливей, с каждым днем взрослее... Словно он за месяц год проживал. Когда пить стало не на что, пошел искать собутыльников... Ну да это дело обычное, сам, небось, также водку добывал?

— Было дело, — кивнул головой Михалыч. Недоеденный бутерброд так и валялся на газете, чай в стакане давно остыл.

— В общем, превратилось мое жилище в натуральный клоповник. И вот бреду я как-то по улице, ищу кого-нибудь, кто на водку расщедрится, и вдруг сзади Олежкин голос: «Папа!» А до той поры я голос только дома слышал! А сзади снова: «Папа, пойдем домой!» Я где стоял, там на снег и уселся. Обернулся — никого, только пацаненок незнакомый глаза таращит. Я говорю: «Подойди сюда, не бойся». Он подошел. Я спрашиваю: «Это не ты папу сейчас звал?» Молчит, только головой мотнул — нет, значит. Я опять спрашиваю: «А звать-то тебя как?» Петькой, говорит. Голос совсем другой, на Олежкин ничуть не похож. «Ладно, — говорю, — Петька, беги домой, а то батя с мамкой тебя заругают, что с таким чучелом связался». «Не заругают, — отвечает, — нету у меня ни бати с мамкой, ни дома: интернатский я». Потом помог мне подняться, посопел и говорит: «Вы, дядя, меня не прогоняйте, а то мне жить негде — сбежал я». — Витек сунул погасшую «беломорину» в набитую окурками жестянку с надписью «Морская капуста», хлебнул остывшего чая. — Самое удивительное, что я тогда все принял так, словно так оно и должно было быть. Пришли ко мне, начали потихоньку житье налаживать. Соседям сказали, что племяш мой приехал, сиротой остался. Друзья тамошние помогли на работу устроиться, денег ссудили в долг. В «комиссионке» кровать купили и тахту для Петьки, одежонку кое-какую. Работенка, кстати, неплохая была — телевизоры в ателье чинил, благо по радиосвязи кандидатскую защищал и паяльник в руках держать умел. Петьку в это время учительница одна к школе готовила, только с документами проблемы были. Голос Олежкин я слышать перестал, да и выпивкой больше не баловался. Так и жили почти год, до августа. Я справил Петьке документы — все та же учительница помогла, форму купили... И как-то вечером ребята в ателье говорят: задержись после работы, у мастера день рождения. Я домой позвонил, Петьку предупредил чтоб не волновался. И засиделись! Конечно, до беспамятства никто не упился — с утра же на работу, — но поддали хорошо. Домой пришел — Петька сидит у окна, обиделся, время-то к одиннадцати шло, а мы в семь заканчивали. Ну, сперва он меня отчитал по первое число, потом помирились. Сели вместе на подоконник, в окно

смотрим. А над городом такое небо! Звезды сияют, месяц вовсю светит! Посидели немного, я Петьку в охапку и на тахту — спать, говорю, пора. Во сне, говорю, дети быстрее растут, а ты у меня за год почти не вырос. Петька сразу как-то весь сжался, к стене отвернулся. Я внимания не обратил, по плечу его потрепал и сам спать пошел. Вырубился сразу, словно кто-то рубильник выключил. Не знаю, сколько проспал, но когда от сушняка в глотке проснулся, за окном еще темно было. Только вставать собрался, слышу — дверь открывается, на пороге Петька стоит. Спрашиваю: «Чего не спишь, Петь?». Он подходит, в руке стакан. Говорит, слышу как ты тут ворочаешься, — наверное, пить хочешь? Думаю, вот добрая душа — я про него спьяну забыл, обидел, а он мне воду принес! И не просто воду, а еще сиропу туда добавил... Выпил я, отослал Петьку дальше спать и сам отключился. А очнулся только через три месяца, в реанимации.

— Как так?

— А вот так. Отравление какими-то химикатами. В истории записали, что водку пил подвального разлива, там какой-то дряни было намешано, вот и причина. Да только не в водке дело, а в Петьке!

— С чего ты взял? Ведь могли же и действительно «паленую» бутылку подсунуть!

— Могли, но тогда в реанимации вместе со мной вся наша бригада должна была лежать. А отравился я один! И потом — Петьку с той поры никто не видел. Когда я утром на работу не пришел, мастер первым делом домой позвонил. Трубку никто не снял, хотя Петька-то дома обязательно должен был быть — у него последние занятия с учительницей были. Снарядили гонца ко мне домой, а там эта учителка уже вся в слезах стоит — уже полчаса звоню, а никто не открывает. Вызвали милицию, сломали дверь, нашли меня на кровати, а Петьки след простыл.

Витек замолчал, выуживая новую папиросу.

— Ну а как же ты квартиры лишился-то?

— А, обычное дело... Из больницы я полуслепым вышел — отрава по глазам шарахнула, инвалидность дали. Работать я не мог, а жить на что-то надо. Решил свою трехкомнатную на что-нибудь поменьше разменять, с доплатой. Дал объявление в газету, пришел один «деловой», с ним пара бугаев. Посидели, поговорили, его однокомнатную посмотрели, о цене сговорились. Я бумаги-то подписал, да сослепу не разглядел, что это не договор, а дарственная! Не успел я подписаться, меня пинком под зад из квартиры вышибли! Я кричу: «Вы что, а деньги? Ключи?» А

они смеются: «Протри гляделки, батя, ты эту квартиру только что нам подарил». Поорал, а что толку-то? Мне же еще по шее и накостыляли... Так вот с той поры и маюсь по белу свету.

— Ну, это бывает... А на моего Петьку ты не греши — спутал ты сослепу.

— Да у меня сейчас зрение лучше, чем у моряков!

— А голова хуже, чем у ребенка! — отбрил Михалыч. — Ты сам подумай — тому пацану уже третий десяток идет! Если не прибил никто, конечно. И на хрена ему тебя убивать?

— Я сам себе уже это тыщу раз говорил... Но кроме него отраву подлить никто не мог! А вдруг он, как тот пацан из сказки, — не хочет расти, и все?

— Питер Пэн, что ли? — усмехнулся Михалыч. — Нет, Вить, ты и впрямь как дите малое, всяким сказкам веришь.

— А ты не регочи раньше времени! — сердито зашипел Витек. — В наше время все что угодно может случиться!

— Ну да, и в наше чокнутое время вдруг появился пацан навроде Питера Пэна? Это же чушь полная! А травить тебя на кой шут ему нужно было? Что он, просто уйти не мог?

— Да я-то откуда знаю?! — возмущенно зашептал Витек. — Он же мне не исповедывался! Может, просто боится, что упихают в какой-нибудь институт и будут изучать его как мартышку! Ведь он же не просто не растет! Карликов вокруг пруд пруди! А он же еще и не стареет, ему всегда будет двенадцать! Всегда!

— Тебе бы, Витек, в университете не на физмат, а на литературный надо было идти. Такой сюжет задвинул, что любой фантаст позавидовал бы! — Михалыч поднял с газеты свой бутерброд, энергично зажевал, но вдруг фыркнул в ладонь и гулко расхохотался. — Петька — Питер Пэн! Да еще убивающий людей! Ну надо же такое придумать!

— Чего придумать? — недовольно забурчал сонный голос.

— Ой, Петька! — спохватился Михалыч. — Разбудил, да? Вот дурак-то старый! Ты меня извини, просто анекдот очень смешной Витек рассказал.

— И мне расскажите! — потребовал Петька, усаживаясь на диване.

— Не, маловат ты еще для таких анекдотов! — решительно запротестовал Михалыч, исподтишка показывая Витьку кулак. — Лучше ложись и еще покемарь.

— Не, не хочу. У вас поесть чего осталось?

— Да всего полно! Только чай поостыл, счас подогрею!

Михалыч вновь пристроил чайник на горелке, вернулся к

столу. Петька методично раскладывал на столе принесенную Витьком снедь, организуя некоторое подобие сервировки. Открыл банку с маринованными огурцами, нарезал тонкими ломтиками колбасу, выудил из пакета пару батонов, высыпал на стол горку дешевых карамелек... Придирчиво оглядел стол, и, явно довольный увиденным, спросил у Витька:

— Это что, каждый день тебе столько жратвы дают?

— Если бы... — вздохнул Витька. — Все от торговли зависит: ежели есть народ, то и мой харч побогаче, а ежели нету, то девчонки не шибко щедрые. Но и тогда жаловаться грешно, голодным спать не ляжешь.

— Счастливый, — вздохнул Петька, делая бутерброд. — А мы тут недавно почти неделю не жрамши сидели. Помнишь, Михалыч?

— Еще бы! — хмыкнул в ответ Михалыч. — Я тогда чуть было не похудел, щеки даже вваливаться начали.

— Ничего, теперь все будет путем, — заверил Витек. — Пока меня из ларьков не гонят, харч я вам обеспечу, всем троим хватит.

— Это хорошо, — кивнул головой Петька.

— Только похоже, Витек, что вскоре мы тут с тобой вдвоем останемся, — добавил Михалыч.

— Это почему же? — встрепенулся Витек.

— Да вот нашлась для Петьки опекунша, к себе жить зовет.

— Сплюнь, а то сглазишь, — полушутливо попросил Петька, набивая рот булкой с колбасой.

— А тут плюй, не плюй — все едино, — засмеявшись, отмахнулся Михалыч. — Поверь мне на слово, Петька будешь ты через месяц жить в барских хоромах, ходить в школу и забудешь напрочь про нашу подвальную жизнь. Небось, даже не узнаешь при встрече, а?

— Не боись, узнаю, — усмехнулся и Петька.

— Зато я тебя вряд ли узнаю — оденешься по-человечески, подрастешь...

— А что, сейчас разве плохо растет? — каким-то очень безразличным голосом спросил Витек. Петька стрельнул глазами в его сторону, но ничего не сказал.

— Дак когда питаешься через пень-колоду, то какой рост? — ничего не заметив, продолжал разглагольствовать Михалыч. — Для нормального роста ребенку...

— Нормальное питание, — раздраженно оборвал Михалыча Петька. — Знаю, слышал уже сегодня.

— Ну и ладно, коли слышал, — миролюбиво ответил Михалыч. — Ты, Петька, не сердись. Я ж не со зла... Давай-ка вот чайку горяченького хлебни, а мы с Витьком по граммулечке за твое будущее выпьем! Не возражаешь?

— Ну, если за будущее... — не поднимая глаз, пожал плечами Петька.

— Вот и славно! — шумно обрадовался Михалыч и выставил на стол убранную бутылку. Витек тут же охотно подставил стакан.

«Граммулечкой» дело не кончилось. С тостами за Петьку, за его приемную мать, с шутками Михалыча и под одобрительный Петькин смех мужики усидели литровую бутылку водки. Щуплый Витек явно переоценил свои возможности и вырубился прямо за столом, уткнувшись лбом в столешницу. Изрядно захмелевший Михалыч оттащил приятеля на топчан и виновато оглянулся на Петьку:

— Придется тебе сегодня на диване спать. Витек с него просто свалится, а тебе спать рядом с пьяным не годится.

— Ладно, не расстраивайся, переночую как-нибудь. — Петька, дурачась, плюхнулся на диван, устроился поудобнее.

— Вот и славненько. А утречком я еще одну лежанку сооружу...— Михалыч подвинул Витька ближе к стенке, сам улегся рядом с приятелем и почти сразу захрапел.

— Само собой, — тихо отозвался Петька.

Некоторое время он лежал на спине, заложив обе руки за голову, и задумчиво смотрел в потолок, прислушиваясь к дыханию мирно спящих мужиков и давно ставшему привычным равномерному гудению газового котла. Никогда не выключающийся светильник аварийного освещения равнодушно освещал щуплую фигурку мальчишки. Стрелки на круглом циферблате висящих над дверью в операторскую часов мерно отмеряли минуту за минутой. Минутная стрелка успела сделать почти полоборота, когда Петька вдруг резко сел на диване и начал торопливо обуваться, стараясь не шуметь. Новенькие сапожки туго влезали на толстые шерстяные носки, и Петька тихонько шипел от досады. Обулся, встал, тихонько подошел к топчану и с минуту задумчиво постоял над безмятежно храпящим Михалычем. Затем крадучись двинулся к плитке. Сорвать с вентиля шланг было делом нехитрым, и через пару минут вонючий газ с шипением начал расползаться по комнате. Стараясь не дышать, зажимая рот и нос руками, Петька пулей проскочил к двери, не обращая внимания на заворочавшегося Михалыча. Выскочив в

коридор, Петька тут же захлопнул дверь и не без труда задвинул массивный засов.

— Петька!.. Кха!.. — сдавленный голос Михалыча еле доносился через дверь. — Петька, ты где?

Дверь дрогнула от массивного удара — видимо, Михалыч попытался весом своего тела высадить засов, но тот был рассчитан на гораздо большие нагрузки.

— Петька, открой! — кашляя и задыхаясь, забарабанил кулаками по двери Михалыч. — Петька, ты что?

— Прости, Михалыч, но... — Сипло проговорил Петька, и голос его дрогнул. Уткнувшись лбом в холодное, равнодушное ко всему железо двери, Петька быстро заговорил, словно боялся что его перебьют: — У меня нет другого выхода. Я не хочу опять в институт. Я не урод, я просто не могу вырасти. А меня двадцать лет в стеклянной клетке! И каждый день уколы, анализы, процедуры! Я сбежал, два года жил у одной тетки, а потом она меня опять в институт поволокла!

— Ты это взаправду, Петька?

— Само собой, Михалыч, само собой, — тихо отозвался мальчишка, поднимая мокрое от слез лицо. Задыхающийся Михалыч сквозь шум в ушах расслышал дробный топот маленьких ног, потом хлопок и скрежет еще одного засова — Петька запер наружную дверь, отрезая все, даже самые ничтожные, шансы на спасение. «Витек-то был прав!» — вдруг осенило Михалыча, и эта мысль стала последней в его жизни.

— Мамочка! Мамочка! — невысокий белобрысый мальчишка, задрав голову, стоял под окнами стандартной девятиэтажки. Из окна четвертого этажа выглянула уже немолодая женщина. — Мамочка, брось мне, пожалуйста, мой пистолет, он в моей комнате на диване лежит.

Женщина, улыбнувшись, кивнула, отошла от окна, почти сразу вернулась и бросила вниз красный пластмассовый пистолет.

— Спасибо, мамочка! — Мальчишка подобрал с жухлой, осенней травы упавшую игрушку, махнул матери рукой и помчался к поджидавшей его компании таких же пацанов.

Несколько минут женщина с легкой улыбкой наблюдала за ним, потом отошла в глубину комнаты. Привычным жестом поправила стоявшую на серванте фотокарточку с прикрепленной к углу деревянной рамки черной лентой. На снимке, прислонившись к стволу громадной сосны, стоял молоденький парнишка, почти мальчик. В это время зазвенел телефон.

— Алло... Да, Анна Андреевна, я вас слушаю. Спасибо, все хорошо. Петенька? Спасибо, нормально. Сейчас играет во дворе с друзьями. Да, он очень быстро адаптировался. Недавно подружился с двумя братьями-близнецами, и теперь их водой не разлить. Вы знаете, я сама не нарадуюсь. Петя быстро забыл свои подвальные привычки и теперь это самый обычный ребенок. Вот только растет плохо. Конечно, эта беспризорная жизнь не могла не сказаться на его здоровье, но ведь уже два года прошло. Нет, врачам не показывала. Впрочем, за ним постоянно следит наш участковый педиатр, но он пока ничего страшного в заторможенности роста не видит. Вы так думаете? Так, секундочку, сейчас ручку возьму. Так, диктуйте. — Шариковая ручка быстро побежала по листку бумаги, записывая телефон знаменитого педиатра. — Говорите, вашей Юлечке помог? Хорошо, я сейчас же ему позвоню. Спасибо. Обязательно передам, само собой! До свидания.

Женщина положила трубку и еще раз перечитала записанный адрес. За окном раздавались ребячьи голоса, среди которых явственно слышался голос ее Пети. Она вновь сняла трубку телефона и стала набирать только что продиктованный номер.

ЯКОВ ГОЛЬДИН

Страж

Рассказ

Я устроился в кресле, налил в единственный чистый стакан холодного пива и принялся щелкать пультом. Интересное дело: чем больше программ, тем меньше передач, которые можно смотреть. Душа просила обычный боевик; руки его и искали. Устал сегодня — день был достаточно тяжелым — очень хотелось разрядки. Есть! Повезло! — люблю Шварценеггера! Кажется, вечер обещает быть очень и очень даже неплохим...

Пожар на экране, в сочетании с глотком холодного пива в кресле напротив телевизора, в мутном свете пыльного бра, производит умиротворяющий эффект. Как хорошо, сидя в уютной квартирке, наблюдать за решением мировых, пусть даже и выдуманных сбежавшим из психушки сценаристом, проблем!

Квартирка у меня и в самом деле хорошая, даром что однокомнатная. И дом замечательный: на окраине; с одной стороны — город, с другой — лес. Настоящий лес. Темный и таинственный. Даже удивительно, как он сохранился в таком виде.

Помню, когда покупал квартиру, предыдущий владелец, будто жгло его что-то изнутри, все смотрел на меня горящим взглядом, явно желая сообщить что-то странное и сдерживаясь при этом. Я тогда подумал, что он хочет рассказать какие-то байки о лесе, который сразу показался мне необычным. Кто же знал, что дело не в нем, а в самой приобретаемой квартире?

...Ах! Какой удар! Не хотел бы я оказаться на месте этого идиота и так же, как он сейчас, бить своим лицом кулак Шварца! От переживаний у меня даже шлепанец с ноги соскочил...

И надо же такому случиться, именно в этот момент, совсем некстати, за дверью послышалось глухое: «Эй! Чудище поганое! Выходи на честный бой!»

Как же они мне надоели! Ну почему нельзя было прийти после фильма, после пива, когда и делать больше нечего? Так нет, обязательно надо вечер человеку испортить!

Чувствуя, как едкое раздражение охватывает меня целиком, я встал, процедил: «Ну, сам виноват! Я, конечно, не Шварц, но кто-то сейчас огребет по полной...» и подошел к входной двери. Открыв ее, подождал, пока размытые контуры лестничной площадки, померцав зеленым, оформятся в стены пещеры, и вышел навстречу зову.

Трансформация, как обычно, началась сразу. Не понимаю, откуда тело берет дополнительную массу, но уже через пяток шагов по камню агрессивно цокали кривые когти тяжелого зверя. Горячее, кислотное дыхание самому переносить было сложно. Размашистые крылья привычно прижались к чешуйчатому телу, голова наклонилась ниже, стараясь не касаться довольно-таки высокого потолка. В который раз мелькнула глупейшая мысль: «Куда девается одежда? Выход дракона в шлепанцах и спортивном костюме был бы очень эффектным...» Завершив трансформацию, в дикой боевой красе я вышел из пещеры...

...Дурак-рыцарь сидел на испуганной лошади, открыв забрало шлема. Ах, нет — это у него рот так раскрылся, как забрало. Что — не думал, что дракон и впрямь выйдет? Хотел, небось, пошуметь и рассказывать потом, как я побоялся с тобой — таким грозным воином — сразиться? Фигушки! Ты мне вечер, гад бронированный, испортил!

— Ну, чего звал? — я шумно выпустил струю огня для солидности. Или это недавняя сцена боевика роль сыграла, — не знаю... Рыцарь сжался, но при этом, казалось, стал выше ростом. Видно, что-то лишнее в его железных штанах появилось. В общем-то, я его понимал. Кошмарное, наверно, зрелище. Я сам, когда впервые трансформировался, больше противника испугался. Нет, не от вида своего, а от факта превращения. Долго потом бывшего владельца квартиры пытал, в чем дело здесь.

— Выходи, чудище поганое, на бой... — автоматически пролепетал всадник, стараясь удержаться на пытающейся дезертировать лошади.

— Ну, вышел уже, вышел! Дальше что? Давай, быстрее — доставай свой ножик, копье метни, что ли, или икру, если хочешь, пока фильм не закончился, — прорычал я, пытаясь скосить глаза к переносице. Получилось, видимо, очень страшно, поскольку никаких предложенных действий не последовало. Жаль — от икры я бы не отказался.

Время поджимало. Шварц, наверное, половину врагов уже укокошил, а я медлю почему-то. Набрал я тогда в могучую грудь побольше воздуха и как заревел:

— Штыки примкнуть! Побатальонно! В атаку, марш! За Родину, ура!!! — и к противнику прыгнул.

Кто раньше ускакал — рыцарь или лошадь — я так и не понял. Только пыль кашляющим смерчем закрутилась. Вот так всегда: приходят, шумят, потом очень быстро убегают, бросая на ходу железки всякие. Как им объяснить, что сокровища, издавна охраняемые стражами-драконами, для них никакой ценности не представляют? Что толку им в нашем мире? Они же от вида драконов в обморок упасть готовы, а что будет, если мотоциклы ревущие увидят? Я их и сам боюсь…

И тут только я заметил, что рыцарь-то не один был. Ко мне медленно подходил какой-то малый в некрашеной холщовой одежде и лаптях. Ей-богу! В лаптях! Мне он даже как-то симпатичен стал. Несмотря на дубину в руках. Да и что мне эта дубина — пыль из-под чешуек — и то не выбить.

— А ты кто? — спросил я его.

Не отвечает. По глазам вижу — боится, но идет вперед, дубину свою дурацкую занося над головой.

— Вот я сейчас чихну и спалю твою палку нафиг! — честно предупредил я.

Остановился он. Посмотрел на свое детское оружие и на землю его бросил. И сам сел, со слезами на глазах. Жалко мне его почему-то стало. Не люблю слезы, в чьих бы глазах они ни стояли.

— Ну, чего ты? — попытался я его урезонить. — Ты-то, какого рожна в драку полез? Тебе-то чего не хватает?

Поднял голову, в глаза мне с каким-то отчаяньем смотрит.

— За сокровищами пришел... Кисти мне нужны, краски… Знаешь, сколько это все стоит? А где деньги брать?

Растерялся я как-то. Не ожидал такого, честно говоря. Когда эти, на лошадях и в панцирях, с жиру бесятся — это понятно, а тут… И предыдущий Страж, мне квартиру всучивший, когда битвы надоели, ни о чем таком не рассказывал. Потом мыслишка в голову пришла…

— Слушай, — говорю бедолаге, — можешь меня подождать маленько? Тебе ведь, как я понимаю, спешить некуда?

Смотрит на меня вопросительно.

— Зачем? — спрашивает.

— Надо! — веско отвечаю я. — Я скоро вернусь. Если кто придет, говори: на обед дракон ушел, скоро будет. Понял?

Дождавшись кивка головы, я развернулся и бросился в пещеру. Магазины, слава богу, еще, кажется, работают…

…Через час, чувствуя себя великим меценатом — Саввой Морозовым — не меньше, я наблюдал, как парень трясущимися руками перебирал принесенные мною сокровища: карандаши, кисти, краски всякие и зачем-то прихваченный старый цифровой фотоаппарат с запасными батарейками. Пригодится, я думаю.

— Ты это… если не хватит, приходи еще. Только позже немного, после кино. Ладно? — сказал я счастливому художнику на прощанье…

…Сидя в своем кресле и допивая нагревшееся пиво под отточенное бормотанье диктора, я думал о том, что Страж — это все-таки не только страж. Хотя кисти с красками и в наше время недешевы…

ЕВГЕНИЙ ЛУКИН

Тризна

Рассказ

Пусть бы выдумал это сочинитель, — знатоки народной жизни и критики тотчас же крикнули бы, что это невероятно; а прочтя в газетах как факт, вы чувствуете, что из таких-то именно фактов поучаетесь русской действительности.

Ф. М. Достоевский

Володьку хоронили ранней стылой весной. Умер он, как и жил, странно и нелепо: нашли его в разгромленной, распахнутой настежь квартире. С кем-то он всю ночь пьянствовал, потом по обыкновению учинил мордобой, вышиб дорогих гостей за порог, упал, уснул, а к утру прихватило сердце.

Уголовного дела возбуждать не стали.

Говорят, талантливый был бизнесмен. Словосочетание, конечно, диковатое. Хотя много ли нынче осталось таких, кому оно покажется диковатым? Да и талант Володькин, по слухам, проявлялся лишь во время вынужденных завязок и блистал до первой серьёзной прибыли. То есть до первой рюмки. Дальше весь бизнес шёл прахом.

Привезли его прямо из морга, в квартиру не поднимали, поставили гроб на пару табуреток перед подъездом, не потрудившись даже прикрыть задние дверцы катафалка. Всё равно потом обратно заносить.

Володька лежал упрямый, недовольный. Казалось, просто не хотел ни на что смотреть. Желтовато-серое лицо его в морге подгримировали, умастили, припудрили. «Некрокосмы, — вспомнилось Ордынцеву. — Украшающие труп». Он подошёл поближе и, скорбно склонив голову, простоял возле гроба дольше, чем собирался.

Сначала решил, что померещилось, но нет: на мёртвом лице медленно и неотвратимо, с каждой минутой ясней и ясней,

проступали тщательно замазанные ссадины, кровоподтёки — словом, всё то, что могло послужить поводом к возбуждению никому не нужного уголовного дела. Причиной, видимо, явился резкий перепад температуры, когда тело вынесли из относительно тёплого нутра катафалка в ледяную мартовскую стынь.

В гробу, заваленный цветами до подбородка, лежал забитый насмерть человек.

Самое печальное, остальные тоже это видели. Видели и молчали. Что тут скажешь?

— Убили... — еле слышно охнула мать.

Ордынцев не выдержал и отошёл.

На кладбище не поехал. Вернувшись домой, достал из холодильника сильно початую бутылку водки, сел к столу.

— Ну вот и ещё один... — бессмысленно бормотал он. — Вот и ещё...

За тусклым кухонным окном чернел влажный весенний двор с наплывами льда под деревьями. По плоской крыше девятиэтажки, что напротив, ходили рабочие, временами собираясь в подобия скульптурных групп.

На службу сегодня можно было не возвращаться. Глава фирмы Даня Галкин тоже когда-то учился с Володькой на одном курсе, сам вырваться на похороны не смог и, видимо, чтобы хоть как-то оправдать своё отсутствие, отпустил Ордынцева на весь остаток дня.

Что ж, спасибо, Даня.

Ордынцев криво усмехнулся наполненной стопке. Вспомнилось, как кто-то из его знакомых недавно жаловался на бессмысленность жизни. Идиот. Он бы ещё на отменное здоровье пожаловался. Или на избыток денег. Смысл ему подавай! Да знаешь ли ты, насколько он страшен, этот смысл?

Исход дня был предрешён. Первую стопку — за Володьку. Вторую — за прочих убиенных. А там, глядишь, и на себя пара капель останется.

Главное — удержаться и не сходить за новой бутылкой.

— Земля пухом, — глухо сказал неверующий Ордынцев и медленно перекрестился.

Тронул стопку, тут же отдёрнул пальцы. Нет. Не так. Не сразу. Иначе мысли спутаются, останутся одни всхлипы.

Странную эту привычку учинять время от времени досмотр и опись потерям Ордынцев приобрёл к сорока пяти годам. После того как Миньку Дьякова нашли на железнодорожных путях с перебитым шейным позвонком и пустыми карманами. Несчастный случай.

— Ну ты тоже не прав, — возразил знакомый Ордынцева (отставной опер), с которым он поделился своим возмущением. — Вечно вам убийства мерещатся! Почему не предположить самое простое? Шёл по шпалам. Ночью. Наверняка поддатый. Споткнулся, сломал шею. Потом идёт какой-нибудь прохожий, видит труп. Что ж он, карманы не обшарит?

И всё бы звучало убедительно, не повторяйся каждый раз одно и то же. Либо от несчастного случая, либо с сердечной недостаточностью. Что бы ни стряслось.

Редкое исключение: Саня Коваленко. Добрейшей души человек, румяный увалень с виноватой улыбкой. Был впервые в жизни задержан, а в отделении, не зная порядков, вступился, по слухам, за избиваемого. Вот тут уже ничего замять не смогли. Три милицейские версии. Первая: подобран на улице. Инфаркт. Вторая: в вытрезвителе упал с табуретки, повредил череп. Независимая экспертиза установила, что череп повреждён в двух местах. То есть Саня, выходит, падал с табуретки дважды. И оба раза со смертельным исходом. Потом был суд. Виновный сотрудник милиции отправился на зону, где и погиб год спустя. Правда, поговаривали, что осудили не того.

А случилось это аккурат за пять лет до Миньки Дьякова.

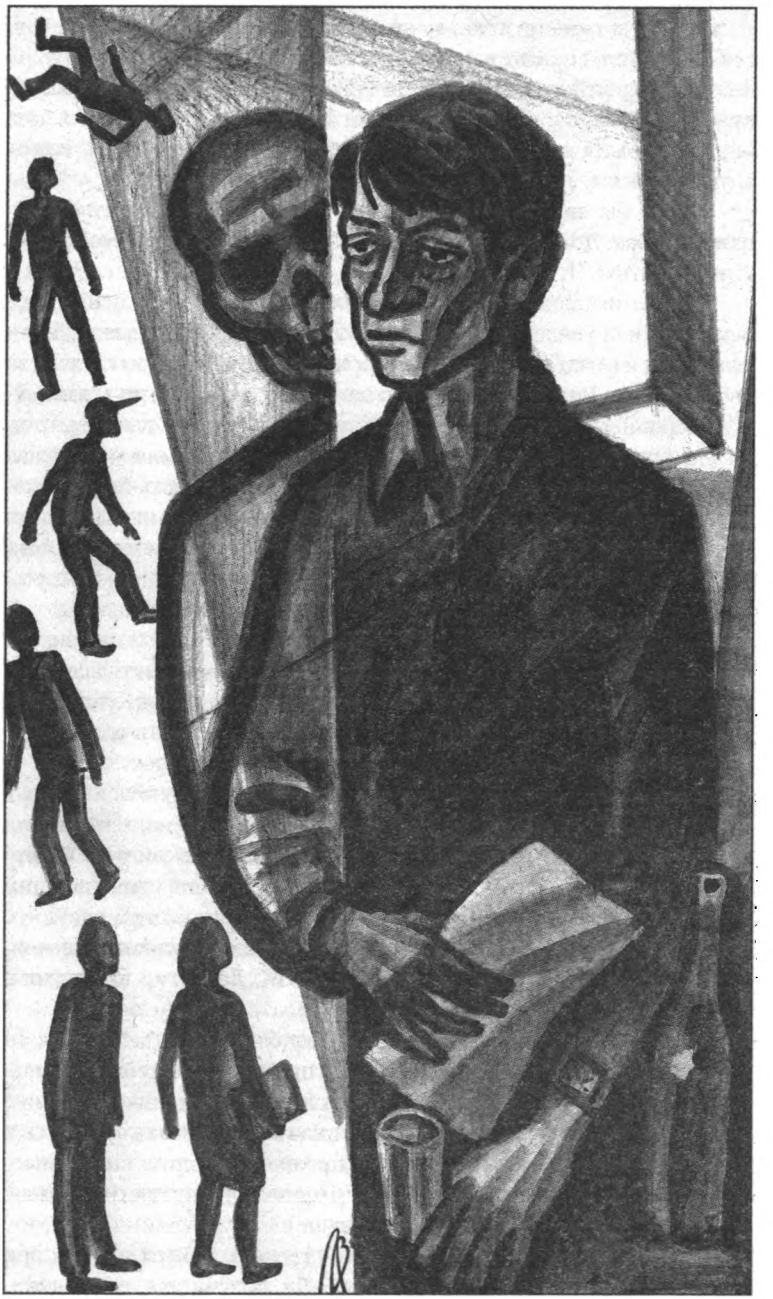
Когда Ордынцеву сказали о Миньке (через неделю после похорон), он купил бутылку и, запершись, решил помянуть всех своих знакомых, умерших, как выразились бы на Корсике, злой смертью. Чтобы не надраться, поставил условие: поминать только тех, кого знал лично. О ком слышал — те не в счёт.

И всё равно надрался.

Уже после первой стопки с удивлением обнаружил, что до девяносто первого года убитых всего двое: лирический поэт Юрий Рябинин да Серёжа Куцый. Рябинина застрелил сумасшедший дезертир-пограничник. Ехали они втроём выступать на какую-то заставу в горах Копетдага: Рябинин, кто-то из классиков туркменской литературы и местный секретарь ЦК. Дезертир выпустил в их машину два рожка. Не уцелел никто.

Серёжу нашли повесившимся в московском подъезде. Как он очутился в столице, непонятно. Да и причин особых свести счёты с жизнью у него вроде не было. А главное — шапка. В шапке не вешаются. Тем не менее официальная версия — самоубийство. Не иначе, шёл мимо какой-нибудь прохожий, видит: висит человек, а шапка валяется. Непорядок. Поднял, водрузил, поправил. И никакого тебе состава преступления.

Неужели за тридцать восемь лет, прожитых Ордынцевым при Советской власти, всего двое убитых? Да, получается, всего двое.



Потом — перестройка, девяносто первый. И началось...

Стоп! Список. В прошлый раз он начал составлять список. А потом куда-то его дел. Поди теперь отыщи, если было это полгода назад! Сразу как проводили Миленку. Художница. Связалась, дурочка, с чёрными риэлтерами — и вскоре, якобы, отравилась. То же самое, короче, что и с Борей Колозоровым — этого подобрали уже окоченевшим где-то под Нарофоминском. Продал квартиру и быстренько травануился. Денег при нём, понятное дело, не обнаружили. Не иначе, пропил. За три дня.

Да бог с ним, со списком. Можно подумать, и так не помнишь!

Ордынцев незряче смотрел в стену и шевелил губами, перебирая имена и фамилии.

Фёдор Сидоров. Рассказывали, будто жена похмелиться не дала — вот и помер. А потом выяснилось, что за день до смерти крепко Феденьку потоптали. Продал несколько картин за рубеж, а делиться не захотел. Грибков — застрелен. Жильцов — взорван. Толик Куприянов упал посреди улицы — инфаркт. Какой инфаркт? Он на сердце-то никогда не жаловался. Стас Волошин — то же самое. Владел книжным складом — хоть одна сволочь поинтересовалась, кому потом достался этот книжный склад? Радик Томилин найден на рельсах с отрезанной головой. Слава богу, экспертиза показала, что под поезд его сунули уже мёртвого. Лёня Шорохов принял смерть, как было сказано в протоколе, от удара твёрдым упругим предметом.

Горестный перечень был прерван «Прощанием славянки». Ордынцев достал сотовый телефон. Звонил Даня. Друг и начальник.

— Говорить можешь?

— Да я дома. На поминки не пошёл. Сам вот сижу поминаю...

— Как там? — помолчав, отрывисто спросил Даня.

— Н-ну... Примерно то же самое, что с Федей Сидоровым.

— А что с Сидоровым? — встревожился Даня.

Ордынцев несколько даже оторопел.

— Да схоронили вообще-то... Семь лет назад...

— А... — с облегчением отозвался друг и начальник. — Ты об этом...

Закончив разговор, Ордынцев хмыкнул, положил трубку на стол рядом со стопкой и снова оцепенел в раздумье.

Олежка — не в счёт. Сбит пьяным водителем джипа. Неумышленно. И Ваня Демидов — не в счёт: замёрз возле вокзала, куда его, ясное дело, не пустили. Домой идти побоялся. Жена предупредила: ещё раз заявишься пьяным — развод.

А были ведь в списке и самоубийцы. Филин, Кравченко, Иноземцев — повесились в один год. В одна тысяча девятьсот девяносто пятый год. Хабибулин и Ромка — несколько лет спустя. Нина вскрыла вены. Прописи. Ма-ма мы-ла ра-му. Ни-на вскры-ла вены. Столовым ножом. И опять тёмная история. Вены — столовым ножом? За месяц до защиты диссертации?

Теперь вот Володька.

Хотелось взвыть в потолок: да убивают же нас! Убивают!

Ну вот, ещё не выпил, а уже всхлипываешь.

Кто убивает?

В том-то и дело: кто? Государство — чистенькое, вон даже смертную казнь отменило. Никто из знакомых Ордынцева не погиб ни в Афганистане, ни в Чечне, никто не взорван террористами. Кто убийцы? Менты? Когда бы так! Твари, конечно, им бы только лишнего дела не возбуждать, но, честно-то говоря, даже Саню Коваленко на них не спихнёшь. Всё честь по чести: закон вступился, покарал. Пусть даже, говорят, не того покарал — и тем не менее.

Сколько было народу на Саниных похоронах? Да около сотни! Рабочие на кладбище, помнится, осведомлялись уважительным шёпотом, кого хоронят. А Володьку пришло провожать от силы человек двадцать.

Всё, что осталось от тех ста?

Ордынцев встал и прошёлся по кухне, злобно усмехаясь и покручивая головой.

Кто убивает, говоришь? Да такие же, как мы, и убивают. Простые российские граждане. Жизнь такая, мил человек, жизнь такая…

Помнится, некая пенсионерка взвизгнула как-то с экрана: «Дайте нам умереть естественной жизнью!»

Не дадут.

Странный ты человек, Ордынцев. Там, где другой выпьет, всплакнёт и забудет, вечно с тобой такая вот сухая бесслёзная истерика. Истерика мысли, с позволения сказать. Хотя всяк выкручивается как может. Всеволод Михайлович Гаршин, спасаясь от безумия, тоже вон, пишут, всё пересчитывал.

Что же это за напасть нашла на твоих знакомых!

А на незнакомых? Только и слышишь на каждом шагу: эту замучили, тому пальнули в спину из травматика, позвоночник перебили. Да и отставной опер не раз поминал с горечью, будто тридцать убийств по области за год в восьмидесятых считалось ЧП, а теперь и четыреста не диво.

По ящику передали: якобы население страны за десять лет уменьшилось на шесть миллионов. Между прочим, очень похоже на правду.

А кто жертвы? Ну-ка давай вспомним ещё раз. Во-первых, все почему-то с высшим образованием. Впрочем, это как раз понятно: компания-то была студенческая... Миленка, Сидоров, Хабибулин — художники. Иноземцев, Коваленко, Филин — тихие журналисты. Во всяком случае, не из этих, не из разоблачителей. Лёня Шорохов — тот и вовсе литератор. Хотя тоже подрабатывал в газете. Боря Колозоров — безработный. Минька Дьяков, Володька, Стас Волошин — мелкий бизнес на грани банкротства. Толик Куприянов — средний. Грибков, поговаривали, причастен к крупному. Жильцов — политик. Вот, пожалуй, эти двое да ещё обезглавленный Радик Томилин могли и сами при жизни кого-нибудь на тот свет спровадить. Остальные — так, лохи.

Чем утешиться? Тем, что большинству ушедших всё-таки удалось умереть «естественной жизнью», как выразилась та телевизионная бабушка?

— Естественный отбор... — ядовито выговорил Ордынцев и, внезапно обессилев, снова подсел к столу.

Мысль была не нова. Не далее как на прошлой неделе он сильно повздорил на эту тему с подружкой жены Раисой.

— Ты путаешь естественный отбор с социальным! — кричала она.

— А в чём разница?

— Да в том, что при социальном отборе человек теряет статус! Статус, понимаешь? И только! Но не жизнь!

Как же это не теряет, Раисочка? Именно что теряет. Стань бомжом — и кого взволнует твоя кончина? Не зря ведь говаривал Иван Алексеевич Бунин: «Нет, видно, никогда не откажется человек пришибить человека, если только с рук сойдёт».

Естественный отбор. Анекдот! Пока поклонялись естественному отбору, пальцем друг друга тронуть не смели. А стоило объявить Дарвина врагом рода людского, тут же принялись уничтожать ближних своих. Ничего не попишешь: борьба за выживание.

Потому и нападают на дарвинизм, что правда глаза колет.

— Репрессии... — бормотал Ордынцев. — Подумаешь, репрессии...

ГУЛага он, разумеется, не застал, поскольку родился в пятьдесят третьем. К страшилкам Солженицына и Шаламова относился с откровенным скепсисом. Сами виноваты: чем сильнее сгущаешь краски, тем меньше тебе веры. Куда правдоподобнее звучали

рассказы отца. Особенно запомнилось про лифты. В те времена их на ночь отключали. И если после ноля часов раздавался гул поднимающегося лифта, это означало, что пустили его по особому случаю. И подъезд просыпался, и каждый ждал, замирая: кого едут брать? На каком этаже остановятся?

Да, такого не придумаешь.

А ведь это тоже был отбор. Искусственный отбор…

Ордынцев выпрямился. Потом и вовсе встал.

Искусственный отбор. Выведение новой породы человека. «Я многих развожу и многих вешаю». Чьи слова? Какого-нибудь собаковода, селекционера, наверняка уничтожившего куда больше псов, чем любой живодёр.

«И в итоге вывели нас, — потерянно думал Ордынцев, — простодырых бессребренников, не способных выжить в дикой природе. Людей, заточенных под светлое будущее. Которое так и не настало…»

Вот тебе и ответ.

Выводили-выводили, вешали-вешали — и всё, получается, зря. Махнули рукой, отворили клетки и выпустили на волю самого страшного хищника, имя которому — человек. Ни войны, ни репрессий, а шесть миллионов как корова языком слизнула. Да какие шесть? Люди-то за эти десять лет рождались, приезжали… ордами… из-за ближних рубежей…

Сколько же нас погибло на самом деле?

— Ну? — хрипло спросил Ордынцев, с ненавистью уставясь в потолок. — Где ты там?..

Приди. Запрети нам убивать друг друга. Знаю. Будешь убивать сам. Но стольких ты не убьёшь. Не получится.

Тиран может и пощадить. Естественный отбор — никогда.

Ордынцев подошёл к зеркалу, взглянул на искривлённое серое лицо с больными запавшими глазами. Погляди, Ордынцев, погляди. Скоро таких совсем не останется. Ваше будущее в прошлом, ребята.

— Легче стало? — съязвил он из последних сил.

Ссутулился, вернулся к столу, взял стопку.

— Земля тебе пухом, Володька…

СЕРГЕЙ РАДКОВСКИЙ

Игры с огнем

Рассказ

Это был обычный музей. Таких еще много в провинции, а когда-то — впрочем, совсем недавно — было немало и в больших городах. Старенькое здание, которое в свою бытность церквушкой знавало и лучшие времена. Обшарпанный фасад. Крыша, то ли проржавевшая до бордового цвета, то ли выкрашенная суриком. Несоразмерно огромная, в полквадратного метра табличка справа от входной двери.

На табличке взгляд командированного задержался чуть дольше, чем требовалось для ее прочтения. Ниже перечисления министерств и ведомств красовалось вместо ожидаемого «краеведческий» длинное и непривычное: «антирелигиозно-атеистический». От названия сразу повеяло первыми пятилетками и богоборчеством. Командированный толкнул тяжелую рассохшуюся дверь и вошел внутрь.

Экспозиция была выше всяких похвал. Конечно, это оказался не Лувр, не Эрмитаж, но очень, очень приличный музей. И то ли табличку не меняли лет сорок, то ли так в этом городке понимали атеизм, однако экспонаты не обрывались на старых иконах, макете костра на Площади Цветов и указах Петра I. Здесь было все. По крайней мере, все мыслимое, что хотел бы увидеть случайный посетитель. История религий, канонические тексты, макеты храмов, святилищ, репродукции фресок Ватикана. Муляжи предметов культа майя и красный шнурок

Кали. Статуэтки, иконы, картины.... Это был не столько атеистический, сколько религиозный музей.

Посетителей было немного. Ни толчеи, ни давки. Экскурсоводов тоже не было, но одна из старушек-вахтерш, уставшая от дремания на стуле, с радостью семенила впереди гостя. И говорила, говорила, говорила. Причем сообщала иногда сведения, абсолютно не связанные с экспонатами.

Посещение заняло почти два часа. Гость простился. Пожелал всех благ, получил ответное пожелание. Сверился с часами — до поезда оставалось еще сто девяносто пять минут, — вышел на крыльцо музея, еще раз посмотрел на огромную вывеску, улыбнулся и задумался, что делать дальше.

— Извините... — окликнули его.

Он повернулся. Справа от входа возле стены стоял человек лет сорока — сорока пяти.

— Извините! — повторил человек, заметив, что командированный рассматривает его. — Вы ведь тоже атеист?

«Баптист, — подумал приезжий. — Пятидесятник или... как их там?.. из Белого братства. Глаза не моргают. Фанатик, а может, наркотиками накачали. Сейчас начнет предлагать литературу. И ведь чувствует, что свободное время есть, — вот и липнет».

— Атеист, — авторитетно заявил командированный и придал своему лицу выражение крайней занятости, угрюмости и неотложной спешки. — А почему «тоже»?

— Ну... — человек возле стены замялся. — Вы из музея вышли. Вы не могли бы помочь мне? А то вот....

Человек вытянул из-за спины сумку. В ней кто-то запищал и заворочался. Приезжий шагнул по направлению к услужливо распахнутой сумке и заглянул в нее. На дне копошились три огненно-рыжих котенка. Три слепых мяукающих ярко-красных комочка в глубине непроглядной тьмы сумки.

— Вот... — еще раз произнес человек.

Приезжему стало как-то неудобно, то ли от того, что он, возможно, оскорбил хозяина котят своим недавним пренебрежительным отношением, то ли от того, что не может помочь ему.

— Я приезжий, — сказал он виновато, все еще глядя в сумку,— командированный. Мне некуда их взять. Да и, к тому же, они еще маленькие. Их молоком кормить надо. Кошка нужна.

— Да, — ответил хозяин котят и захлопнул сумку. — Вы правы. Только...

— А где их мать? — задал приезжий первый пришедший в голову вопрос.

— В ней все дело. Понимаете, она породистая. Египетская ...

— Такая гладкая и худющая. Но позвольте, ведь котята...

— Вот именно. Приблудные. И если в клубе узнают.... Так что вот. Я ведь специально спросил, как вы... — хозяин котят замялся. — Ну, в общем, как к Богу относитесь. Их бы утопить или закопать.

Приезжий от такого изменения нити разговора поежился.

— А сами?

— Не могу сам. Да я заплачу, заплачу.

Человек полез в карман пиджака, вытащил оттуда бумажник, а из бумажника пачку денег.

— Вот, примите. — Перед глазами командированного распустился цветок с лепестками из банковских купюр. И была цена тому цветку — год безупречной работы. Приезжий замялся. Слишком велика была сумма по сравнению с делом.

— Фальшивые? — произнес он.

— Нет. Что вы. Если хотите, зайдем в магазин и разменяем их на меньшие.

— А почему так много?

— Грех дороже будет.

— Грех? Не стройте из себя мученика. Наверное, один котенок породистый дороже всей этой суммы будет...

—Так вы согласны — обрадовался человек.

— Я?

— Ну да, ну да. Берите, берите! — Он сунул в руку командированному сетку с котятами. А в карман пачку купюр. — Пойдемте, здесь в двух минутах ходьбы река.

— Позвольте, — попытался протестовать приезжий — Я бы не хотел...

— Ах, как вы щепетильны, — сказал хозяин котят, вытянул из внутреннего кармана своего пиджака еще две купюры и сунул их в карман командированному. — Пойдемте же.

С этими словами он цепко сжал руку командированного и потащил его вниз к реке.

Дальнейшее воспринималось приезжим, как сквозь туман. Его тащили к реке, где он затем искал камень; найдя, засовывал его в сумку. Кидал ее в реку. И сумка не тонула. И незнакомец советовал ему кидать в нее камни. И камни падали, поднимая фонтанчики брызг, а сумка, наверное, из-за плотного материала, держалась на плаву большим черным пузырем. И, наконец, камень угодил в пузырь, и оба они исчезли. И где-то в середине этих действий исчез незнакомец. А часы, когда приезжий снова

посмотрел на них, уже показывали лишь двадцать минут до отправления поезда. И он мчался через весь городок. И, запыхавшись, влетел в свой вагон. В свое купе. И оказался там совершенно один.

Но это обстоятельство его даже обрадовало. Он сдал билет проводнице. Получил от нее постель и два стакана чая. Постелился, поужинал, почитал купленную утром газету. Совершенно успокоился. Лег и заснул.

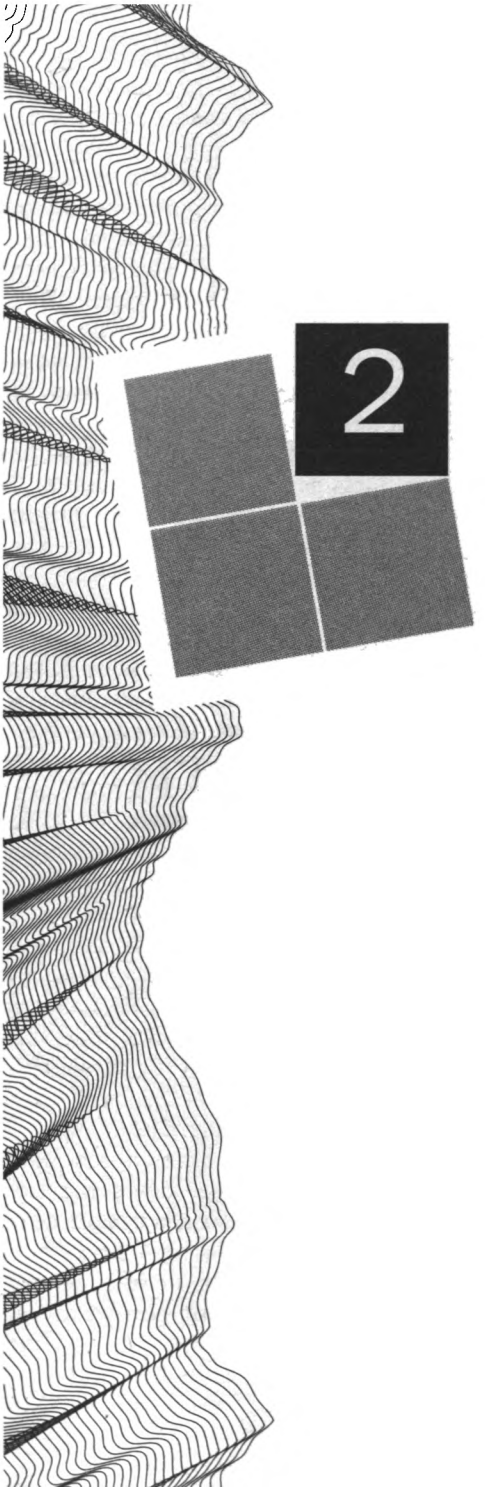
Проснулся он ночью из-за странного ощущения, что на него кто-то смотрит. Открыл глаза. Сел.

На столе сидела огромная ярко-рыжая кошка. Гладкошерстная, ушастая и поджарая. Настоящая египетская кошка. Она подняла заднюю лапу и почесала за ухом.

Сидевший на постели человек с ужасом отметил, что на том месте, где стояла прежде ее лапа, дымится пластик. Сейчас же память услужливо подкинула картинку увиденную днем в музее: рыжий бог Ра в кошачьем облике с ножом в лапах рубит на куски змею. Вагонные колеса заскрежетали. И сквозь этот скрежет послышался гулкий смех, похожий на шипение.

«И ведь глаза, глаза же сразу мне у него не понравились», — с какой-то безысходной тоской подумал командированный прежде, чем кошка закончила чесаться и задала тот вопрос, ради которого она и снизошла до общения со смертным.

Личности
Идеи
Мысли


2

СЕРГЕЙ ПЕРЕСЛЕГИН

«Не обнажай в корчме...»

(Современная литература как генератор архетипов и паттернов)

«Просим Вас стать автором выпуска "РЭО" и будем признательны за материал, который раскрывал бы Вашу позицию по вопросу того, какие образы и стили поведения транслирует сегодняшняя российская литература (1), какие общественные запросы она удовлетворяет и ФОРМИРУЕТ (2)? Сегодняшние бестселлеры — случаен ли их «пул» или закономерен, как он может измениться (3)? Сегодня на книжных прилавках среди исторической литературы зачастую можно увидеть мемуары или иные книги бывших высокопоставленных чинов фашистской Германии (это лишь частный пример, но можно подумать и о других образцах мемуаристики). Является ли это просто стремлением беспристрастно взглянуть на историю? Не провоцирует ли подобная литература нацистские настроения у молодежи, не имеющей определенного бэкграунда (4)? Каковы, по Вашему мнению, тенденции развития российской литературы в целом и ее отдельных направлений, в частности (5)? Влияет ли современная фантастическая и футуристическая литература на формирование образов будущего, и если да, то как (6)?»

На моей памяти это уже четвертая развернутая дискуссия на «советскую» тему «Литература и ее общественно-политическое значение». Впрочем, проблема и в самом деле не утратила актуальности.

Между предельными позициями лежит целый спектр возможностей, да и сами эти позиции — «Мир есть текст» и

«Книга только отражает мир» — не выглядят абсурдными, хотя вера во всемогущество литературы сродни вере в Бога, а убежденность в ее бессилии, как правило, диктуется личными обидами «потерянных поколений» (на Марс не слетали, страну развалили, светлого Будущего не предвидится...). Обе реакции естественные, но какие-то... детские.

Первое ключевое понятие — «детский».

Существуют книги, оказывающие очень сильное влияние на людей, вплоть до определяющего. Это детские книги. Отметим, что российский листинг «школьного чтения» за последние двадцать пять—тридцать лет расширился за счет хорошей переводной литературы, но принципиально не изменился. Крах СССР, как это ни странно, не повлиял или почти не повлиял на детское чтение на постсоветском пространстве. «Эту картинку можно раскрашивать в разные цвета» (например, ужаснуться, как же недалеко мы ушли от эпохи тоталитаризма, или посокрушаться, что книги-то хорошие, да дети их не читают, или влезть в бутылку с узким горлышком, доказывая, что А. Гайдар пропагандирует сталинские ценности, а Дж. Толкиен — общечеловеческие), но, возможно, перспективнее пристально взглянуть на те паттерны, которые транслирует современная детская литература.

Возьмем, к примеру, Дж. Роллинг с ее феноменальной — и заслуженной — популярностью. О чем говорят книги «поттеровского цикла», чему они учат? Да, тому же, чему и «Чучело», и «Голубятня на желтой поляне», и «Оборотень», и «Рыцари сорока островов», и «Хранители»: честь выше страха, дружба и преданность значат больше, чем послушание и преуспевание, ум способен выручить почти всегда, а там, где бессилен ум, поможет сердце. А инновацией, пожалуй, является нравственная асимметрия — у Дж. Роллинг добро относительно, в то время как зло абсолютно. Оказывается, условность добра, невозможность переложить нравственный выбор на некий «абсолютный авторитет» ничего не меняет: переход на сторону зла не становится более нравственным от того, что добро какое-то... сомнительное[1].

---

[1] Заметим, не пытаясь развить эту мысль, что в текстах «поттерианы» чувствуется сильное влияние русской (советской) литературы второй половины XX века. В своей «веселой» ипостаси Хогвартс воспринимается (во всяком случае, моим поколением) как специализированная школа чародейства при НИИЧАВО. А по мере развертывания событий и взросления героев возникают совсем другие ассоциации. «Мальчик со шпагой», «Дикая собака динго», «Завтра была война...» Почему-то никто еще не обратил внимание, что Дж. Роллинг пишет, по существу, военную прозу. Книгу о детях, которые научились умирать раньше, чем целоваться.

Если книга оказывает значительное влияние на ребенка, то вряд ли мы погрешим против истины, предположив, что литература тем сильнее воздействует на человека, чем больше в нем от ребенка. Из этой, скажем так, теоремы вытекает ряд следствий, почти все они нелицеприятные, однако... Вид Homo выделяется из общей биологической «палитры» не только наличием разума, но и прямо-таки неправдоподобно долгим взрослением. Трудно не обратить внимание на данную корреляцию, и она действительно давно изучена биологами. Установлено, что детеныши разных высших млекопитающих ведут себя почти одинаково: тигренок гораздо больше похож на котенка, щенка или енотика, чем на взрослого тигра. Общими для всех детенышей поведенческими особенностями являются низкий коммуникационный порог и способность играть. Напрашивается — связать эти детские черты с креативными способностями и «вообще интеллектом». Тогда получается, что человеческий разум — это затянувшееся детство?

Не совсем так, но «в этой галиматье есть идея». Для человека характерно (и, в частности, за счет очень высокой продолжительности периода взросления) сохранение «детских» черт во взрослой психике. Здесь важна мера: чуть больше этих черт, и человек оказывается неспособным к деятельности — возникает безответственная инфантильная особь, в биологических сообществах обреченная, в мире людском иногда выживающая... к сожалению. Чуть меньше — и человек роботизируется, теряя всякую потенцию к развитию и, следовательно, к творчеству.

Литература играет свою роль в поиске баланса.

Итак, литература естественным образом подразделяется на «детскую» и «взрослую». Детская обособлена, подчиняется собственным законам и слабо зависит от социальной, национальной и прочих «рамок». Она транслирует некое общечеловеческое начало, обуславливающее само существование социосистемы, как формы организации совместной жизни крупных приматов. Воспитанные эволюцией в логике беспощадной внутривидовой конкуренции, они некогда были вынуждены перейти к социальному существованию и придали смысл понятию «целого», будь то род, племя или иной коллектив. Точно так же им пришлось поставить «разум», то есть триединство способностей: к творчеству, коммуникации и

совместной деятельности[2], выше физической силы. Возникновение представлений о «целом», их рефлексия в индивидуальном и общественном (обобществляющемся?) сознании привело к появлению внелогических правил поведения, что, в свою очередь, породило культуру как специфический человеческий феномен[3] и превратило биоэволюцию в социальное развитие. В этом смысле детская литература, сколь бы современна она ни была по форме и обсуждаемым проблемам, всегда содержит в себе «память былых времен», мифологию самой мифологии, включенность в неназванные эпохи генезиса человеческого. Этот контекст является общим для всей детской литературы. Вне всякой зависимости от того, что призван транслировать «исторически / политически / национально / конфессионально конкретный» текст, между строк будет читаться:

«И во веки веков, и во все времена // Трус-предатель всегда презираем. // Враг есть враг, и война все равно есть война, // И темница тесна, и свобода одна, // И всегда на нее уповаем...»

В этом отношении детская литература принадлежит Культуре в общечеловеческом смысле этого понятия (культура как атрибутивный признак существования социосистемы, то есть сообщества разумных), в то время как «взрослая литература» принадлежит частным культурам, то есть она исторически, социально (и так далее) обусловлена.

Эта «взрослая» литература «бьется» на элитарную и массовую (деление гораздо более общее, нежели общепринятое — на художественную и публицистическую или, еще того хуже — на развлекательную и серьезную)[4].

И та и другая «взрослая» литература решает три социальные задачи: «раскрывает глаза на», то есть ярко и образно отражает проблемное настоящее, «завершает гештальт», то есть дописывает, переписывает, переформатирует прошлое, и создает образ, еще не существующего, но витающего в воздухе, то есть сочиняет Будущее.

Эти задачи соответствуют трем основным базовым процессам, протекающим в обществе: сохранению культуры, раз-

---

[2] Может быть, именно это триединство и надо называть «мыследеятельностью»?

[3] Об имманентности культуры (в наиболее простейшей форме понимаемой как «религиозное чувство») много и правильно говорится в классической книге А. Веркора «Люди или животные». С присущим ему блеском эту тему развивает С. Лем («Культура как ошибка»).

[4] Термины «элитарная» и «массовая» ни в коем случае не надо понимать как мало- и многотиражная. Тиражная политика современных крупных издательств — это отдельная тема, далеко выходящая за рамки данной статьи. Несколько упрощая, скажем, что тираж книги и ее востребованность связаны слабой корреляционной, но отнюдь не функциональной зависимостью.

витию культуры, ароморфозу культуры (под «ароморфозом» мы здесь понимаем спонтанное изменение, появление новых форм и сущностей, революцию в культуре).

Об элитарной литературе (во всяком случае, о русскоязычной элитарной литературе) в логике поставленных в начале статьи проблем сказать просто нечего. На актуальные вопросы она не отвечает, поведенческих паттернов не транслирует и общественные запросы не удовлетворяет. Просто потому, что ее почти никто не читает. В том числе — и элиты. Или даже прежде всего — элиты.

В обществе, в котором до любой революции далеко, у людей определенной специфической группы принято и престижно публиковаться в малотиражных «толстых» журналах и принимать в них традиционные литературные позы, изучать образцы прошлого и ругать настоящее, как не соответствующее высоким идеалам литературы и образования. Гуманитарная интеллигенция сегодняшней России как раз и уповает на прекрасные воспоминания и занимается «литературной археологией», за что ей спасибо, потому что культура таким образом сохраняется, а преемственность поколений ее потребителей не разрывается. Однако в деятельностную «рамку» высокая литература не выходит и, по сути, представляет собой рафинированную и очень скучную игру для взрослых. Для весьма специфического взрослого «комьюнити».

Среди массовой литературы принято выделять в самостоятельные «жанры» детектив и фантастику (ни первое, ни второе жанром не является, но для нашего рассмотрения это не принципиально). Также отдельной строкой учтем публицистику, тем более что именно в России книги non-fiction регулярно возглавляют списки бестселлеров. Выключим из рассмотрения такое специфическое «блюдо», как «женский роман» (о причинах популярности этого жанра надо спрашивать психиатров и сексопатологов, к социальным проблемам тема не относится).

Сразу же отметим, что литература, обращенная «в сегодня», даже очень массовая и успешная, обладает очень слабым трансляционным потенциалом. Связано это с заполненностью соответствующих областей информационного пространства. Книга В. Пелевина «Generation P» весьма точно отражает политтехнологические реалии конца 1990-х годов. Как выразился один из профессионалов в этой области: «дотошный и занудливый производственный роман». Нет никакого сомне-

ния, что «Generation P», появись оно лет на десять раньше, самым активным образом участвовало бы в построении «посттоталитарной демократии» в России: из этого текста пришли бы узнаваемые фигуры акторов, «коронные» фразы, паттерны делового и личного поведения. Но на рубеже веков политтехнологическая «ниша» была уже застроена, и роман смог только отразить ее в зеркале, в меру кривом, в меру магическом.

Бестселлеры никогда не отражают ни прошлого, ни будущего. Они всегда текущи и всегда «над пропастью во ржи»; напряженно дрожит их проблематика и будоражит нас, мешая потреблять без смысла в пустоте капиталистического бытия. Бестселлеры актуальны, это во-первых. И они отражают конфликт поколений, во-вторых. Ну, если не конфликт поколений, то хотя бы диалектический противовес добра и зла. Массово продаваемые книги отражают интерес читателя к героям и ситуациям, метафорам и онтологиям, которые представлены в этих книгах. «А что я им вру, что ли?», — спрашивает герой В. Пелевина. Популярные книги о настоящем показывают только одно: вся наша жизнь имеет смысл, такая как она есть: с благородными бандитами Устиновой, с трансцендентными проститутками Пелевина, с учениками кудесника Е. Лукина, с японскими «Звонками» из будущего и колодцами из прошлого, с ошибками в химии и геологии умненькой Ю. Латыниной, с Поттерами всех мастей во всех школах и во веки веков, аминь...

Эту литературу потребляют, как умеют, причем для одних потребление — это рефлексия над Пелевиным, а для других — мечта стать героиней бандитского прикола Д. Донцовой. Это — хлеб: каждый жует его в соответствии с имеющимися зубами, а кто-то и совсем не ест. Про всю эту литературу, «настоящую» по сути и по дате выхода, говорят, что она плагиат... Наверное, с Гомера... А также с Библии, Корана, Книги перемен и т. д. В действительности, это не-плагиат. Это бесконечная рекурсия сегодняшнего бытия. Сто тысяч отражений.

Такая литература ничего не формирует. Ее формируют процессы в обществе, политике, культуре. Она — результат, а не причина чего-то. Она есть, как у нас есть компьютеры и термоутюги...

Книги о сегодняшнем дне — всегда вторичны по отношению к текущей Реальности. Ругая «чернуху», «порнуху» и (не знаю, каким бы термином определить творчество автора «Голубого сала» — может быть, «грязнуха»?), современной рос-

сийской интеллигенции стоит вспомнить замечательную детскую сказку В. Губарева «Королевство кривых зеркал» и фразу оттуда: «А я, между прочим, только твое отражение».

В этом смысле — литература не столько социальный конструктор, сколько социальный индикатор, «градусник». Температура у нас, конечно, повышенная, аж зашкаливает. Но, во всяком случае, социальный организм борется.

Литература, обращенная в прошлое, способна переформатировать реальности. Дело в том, что, критически анализируя минувшее, она и настоящее ставит под сомнение. А квантовые свойства истории в том и заключаются, что, усомнившись в текущей Реальности, можно сменить эту Реальность. Тогда, насколько можно судить по аналогии с теорией тоннельного перехода, одно общество скачком сменится на другое — с другой историей и другими идентичностями.

В этой логике самой опасной попыткой переписать историю является деятельность В. Суворова и «суворовцев», не устающих доказывать, что Германия напала на Советский Союз в рамках справедливой оборонительной войны. Далеко не безобидной игрой оказывается и пресловутая «новая хронология», которую студенты МГУ давно «припечатали» к полу формулой:

«Через Греко-Палестину, пряча ладан в ятаган, // Делал хадж на Украину // Римский папа Чингисхан».

Откровенно говоря, мне трудно понять, какая Реальность может получиться из мифологической Вселенной Фоменко. Боюсь, несовместимая с существованием разумных существ...

А вот Реальность В. Суворова легко представима, и для многих она привлекательна. Ведь автор «Аквариума» и «Ледокола» борется отнюдь не с мифами о Второй мировой войне[5]. Его задача гораздо шире — вычеркнуть из истории целую эпоху тоталитарных войн. Для того чтобы сделать это, нужно, буквально действуя по Фоменко, отождествить социализм с фашизмом, уничтожив «по дороге» всякую разницу между ними.

Еще раз подчеркнем, историческая литература воздействует на настоящее через реинтерпретацию прошлого. Историческая аналитика (в том числе и расплодившиеся ныне «альтернативки», часто лежащие на грани между публицисти-

[5] В отличие, например, от Д. Мельтюхова, который в своем «Упущенном шансе Сталина» занимается именно разбором тонкостей военной истории. Собственно, именно у Мельтюхова суворовские экзерсисы обретают некий смысл и входят в соприкосновение с реальным историческим материалом.

кой и фантастикой) укрепляет текущую Реальность, обогащает ее новыми сущностями, добавочными гранями и цветами. Военная мемуаристика, широко издающаяся в РФ с 1998 года, разнообразные критические, аналитические и справочные издания, обращенные к истории нацистской Германии, отвечают на актуальные вопросы о «нас-сегодняшних», о диалектике побед и поражений, об исчезающих из истории и человеческой памяти уникальных культурах нацистской Германии и сталинского Советского Союза.

К нацизму или неонацизму все это не имеет никакого отношения. Поверьте человеку, исполнявшему в масштабной ролевой игре должность великого фюрера германской нации: нацисты книжек не читают и чужими исчезнувшими культурами не интересуются[6]. У них совершенно другие паттерны поведения.

«Браунинг стихов не пишет. Это пистолет, а не поэт».[7]

Переписывая историю своего «бывшего», осознавая правды и неправды прошлых лет, примеряя себя в «туда и обратно», человек развивается и становится способным понять, где он во времени со своей маленькой свободой, а где мир с его хитросплетением родов, племен и судеб. Полезно путешествовать даже на чужой машинке времени с путаными траекториями возврата. Полезно примерять наряды дедов и мечи самураев, искусства древних королей и традиции друидов. Полезно собирать пазлс из событий: нет-нет да и поймешь, как развивается цивилизация и как можно вычислить будущее по недостающим в картинке квадратикам. Опасно только потерять точку отсчета и затеряться во времени.

Ролевики и реконструкторы, любители играть в стратегии на картах, быстрее въедут в Будущее, чем те, кто читает про то, как живется и умирается сейчас. Почему? Потому что в играх они насмотрелись не существующего, но возникающего, не реального, но вероятного.

---

[6] Гитлеровский национал-социализм — это, прежде всего, воинствующий антиинтеллектуализм. Именно поэтому в Третьем рейхе было очень плохо с проектным мышлением, даже на геополитическом уровне. В анекдоте: «все немцы умны, честны и преданы Фюреру, но, к сожалению, все три качества никогда не сочетаются в одном человеке» — очень небольшая доля шутки. Играя за Германию, я понимал, что единственным шансом добиться для нее хотя бы неопределенного мира является воплощение в жизнь интеграционного политического проекта при обязательном участии «русских». Но такой проект практически не имел социальной базы в реальной Германской империи «образца 1941 года», и даже в игровом пространстве шел, что называется, со скрипом.

[7] © Р. Ким.

Если информационные ниши, отвечающие за сегодняшние паттерны поведения и виды деятельности, застроены, то относительно завтрашнего дня все не так очевидно. Иными словами, текст может транслировать образы и стили, соотносимые с Будущим — неизбежным, возможным или вероятным. Традиционно книги, соотносимые с Иной Реальностью, нежели Текущая, принято относить к фантастике.

Разговор о современной российской (да и мировой) фантастике уместно начать с констатации кризиса этого литературного направления, и вряд ли мы погрешим против истины, если свяжем этот кризис с отсутствием в обществе четких представлений о будущем, да и серьезного интереса к этой теме.

«Общество потребления» учит жить сегодняшним днем, и от количества «первых учеников» рябит в глазах. Х. Мураками сунулся было к жаббервогам — плохо приняли его же собственных героев. Из Будущего — ему за попытку спасибо! Произведение ругают. Жанр нарушен.

В СССР пророки были как-то не в чести, а вот фантастика проросла с обочин из-под запретов, своим учителем считая М. Булгакова... Фальстарт Советов породил и фальстарт образов коммунистического будущего. Девальвация прошла. М. Булгаков остался. И. Ефремова забыли или почти забыли. Стругацкие погрустнели, но прикинулись онтологией для тех, кто сегодня стал элитой страны. Нерефлективной, капитализированной по шею, упертой, но элитой... Нового образа Будущего нет. Встречаются пока под этим. Сделано на совесть...

«В общем и целом», для современной фантастики характерно отсутствие нового (в сравнении с классическими текстами советского периода) видения Реальности — хоть как целостного Представления[8], хоть как набора деталей, значимых не только для антуража.

Тем интереснее отдельные исключения — не частые, что здесь, что на Диком Западе.

Д. Симмонс в своей тетралогии[9], новаторской как по форме, так и по содержанию, глубоко обсуждает проблемы новой трансценденции. Для того чтобы определить содержание «Илиона», не пересказывая книгу целиком, в моем распоряжении нет достаточного количества терминов. Скажем так:

---

[8] Представление есть метафора одной системы в знаковом поле другой. Например, Будущего в Настоящем.

[9] «Гиперион», «Падение Гипериона», «Эндемион», «Восход Эндемиона».

изображены не самые очевидные черты умирающей цивилизации, некогда владевшей сверхтехнологиями.

В. Виндж подробно и тщательно анализирует физически не тривиальную вселенную в «Пламени над бездной», не забывая по ходу дела иронизировать по поводу современных Интернет-чатов. В той же книге автор работает с негуманоидной психикой, более того, с распределенной негуманоидной психикой. Интерес с точки зрения создания новых паттернов представляет и дилогия «Война миру» — «Затерянные в реальном времени».

Российские (советские) авторы, когда-то лидировавшие на «рынке образов Будущего», сейчас почти не представлены на нем. Разумеется, в «Опоздавших к лету» А. Лазарчука выстраивается метафорическая модель нестационарных информационных объектов, там же проводятся сложные аналогии между макро- и микровселенными, рассматриваемыми в вероятностном формализме, но этот роман относится не к нашему времени, а к началу 1990-х годов. В известном смысле «Опоздавшие...» — последний советский фантастический роман. Что, впрочем, не мешает ему активно транслировать образы и паттерны.

Несколько более современным (по времени написания) является обстоятельный разбор Г. Л. Олди и А. Валентиновым мифологических динамических сюжетов в «Троянском цикле». Наконец, совсем недавно вышел «Портрет кудесника в юности» Е. Лукина, а этот насквозь ироничный текст способен формировать и образы Будущего, и общественные запросы.

Это не все, конечно, но почти все.

Слишком большой процент фантастов предпочитают выполнять хорошо оплачиваемые социальные заказы из настоящего. Литература Будущего замерла перед рывком — родиться или нет. Предыдущая фантастика родилась в застенках «Железного занавеса». Фэнтези наших дней заменила детям мечту о кровавых битвах и белоснежных победах. Так, завернувшись в метафору, формируется современная «пятая колонна»: мы сделаем ваше Будущее из Прошлого, потому что иначе его больше не из чего делать. Р. Желязны и А. Азимов умерли в подозрительно похожем сюжете.

В современном детективе страсть к качественному выполнению «запросов потребителя» проявляется гораздо сильнее, чем в фантастике. В этом жанре практически невозможно создать что-то оригинальное: любая находка немедленно тиражируется в десятках и сотнях наименований. Если в фантастике мода на уголовно ненаказуемый (к сожалению) плагиат коснулась только эльфов, хоббитов и Гарри Поттера, то в детективе

копируется абсолютно все, поощряется и самокопирование. Тем интереснее проанализировать, что же именно «все»?

За последние два года в этом направлении литературы произошли изменения, на мой взгляд, отрадные.

Постепенно начали «умирать» бандитские сериалы. Во-первых, это поле деятельности уже застроено, во-вторых, реальность и книжные представления о ней потеряли в какой-то момент всякую корреляцию (вообще говоря, чем более стремятся авторы детективов изобразить «реальную жизнь», по их мнению, сплошь состоящую из заказных убийств, наркотиков и групповых изнасилований, тем более неправдоподобной получается «картинка»), в-третьих, читателю просто надоело. Зато неожиданно стал модным исторический интеллектуальный детектив, восходящий к Пересу де Риверте, если не к самому У. Эко. Упомяну через запятую «Дантов клуб» М. Перла, «Непогребенного» Ч. Паллисера, «Эсклибрис» Р. Кинга. Из российских авторов назову, конечно, Х. Ван Зайчика с его детективом-Отражением «Евразийская симфония». Хотелось бы надеяться, что эта мегакнига с подзаголовком «Плохих людей нет» способна транслировать смыслы и в Будущее, и в настоящее...

Тенденцию интеллектуализации детектива можно было бы только приветствовать, если бы не неожиданный уклон жанра в мистику и не непрерывные подражания Дэну Брауну.

Пора подводить итоги.

Литература может что-то транслировать, только если она претендует на массовость и при этом работает с контекстом, в которое вписано «сегодня». Такой контекст обычно создается прошлым (историческая публицистика, мемуаристика, аналитика, «альтернативные» исследования), будущим (это принято относить к фантастике) или восприятием читателя (детская литература).

Литература трудно управляема в тоталитарном мире. На самом деле, в рыночной экономике она тоже плохо управляема, потому что креативность можно продать, но ее не удается купить. Можно заставить сотню авторов писать роман, прославляющий «Макдоналдсы», можно даже заставить публику покупать эти романы, но вот чтобы еще их читать...[10] Что же поделать с тем, что речь Президента о «так называемых мокрецах» всегда стилистически безобразна...

---

[10] Поэтому литература не способна ФОРМИРОВАТЬ потребности. Она принципиально отличается от рекламы тем, что реклама — это «по умолчанию ложь», а книга все-таки «по умолчанию правда».

Поскольку литература неуправляема, она ничего не транслирует, транслируют отдельные авторы. В меру сил, возможностей и разумения. Авторы, кстати, обычно осознают свою ответственность — и приравнивают перо не к штыку, а к мечу, который, как известно, является оружием благородного боя. Ибо сказано: «не обнажай в таверне».

Литература удовлетворяет два альтернативных общественных запроса: на отражение действительности и на уход от действительности. На «самость» общества и человека и на их «инаковость». Литература не способна выполнить заказ на преобразование человека и общества, но честно пытается это сделать.

Сегодня литературу потребляют. Потребление эстетизируется. Что попало люди есть не хотят. Подросли стили публицистики и журналистики. «И желания становятся старше, и в возможностях больше свободы». Список бестселлеров, разумеется, не случаен, но предсказать, станет ли та или иная книга бестселлером, не представляется возможным. Точно так же, как нельзя предсказать, кто из родившихся сегодня на планете Земля детей обретет бессмертную славу. Но, конечно, у первенцев королей и властителей шансов больше: в этом случае можно практически гарантировать попадание в число хорошо продаваемых книг литературных первоисточников кассовых фильмов. Успех влечет за собой успех.

Список бестселлеров будет меняться (очень медленно) в направлении повышения интеллектуальной насыщенности текста и целостности авторской картины мира. Весьма вероятно появление крупных мультимедийных проектов, совмещающих фильм (сериал), игру и книгу. Можно ожидать и создание литературных «римейков» по мотивам блестящих текстов 1960-х годов и даже более раннего периода.

Хотелось бы надеяться, что будет преодолен смысловой кризис российской фантастики, но пока соответствующего тренда что-то не видно, так что инструмента для формирования образов будущего у российских властных и интеллектуальных элит на сегодня нет. Кто-то скажет — к лучшему, но меня такое положение дел беспокоит.

«Сквозь нынешний день, не лишенный надежды, // И завтрашний выглядит необозримым. // Но небо уже самолетов не держит, // Но небо уже наливается дымом...»

СТАНИСЛАВ БЕСКАРАВАЙНЫЙ

О проблеме постсингулярности в фантастике

Сколь долго может продолжаться род человеческий?

Сорок или даже тридцать лет назад фантасты могли представлять человека неизменным еще, по крайней мере, несколько тысячелетий. Большая часть «космических опер» и эпопей про заселение космоса рисует героев, мало отличимых от наших современников, но при этом действующих сотни и даже тысячи лет спустя. Когда дело касалось больших межзвездных сообществ (Г. Гаррисон. «Неукротимая планета»), незначительного числа колонизированных планет («Приключения Флинкса» Алана Дин Фостера), даже когда повествование развивалось в пределах Солнечной системы («Оружейные дома Эшера» А. Ван Вогта), — человек оставался человеком.

Нельзя сказать, чтобы люди сохранялись в абсолютно неизменной форме, как овощи в жидком азоте. Описывались новые этносы, даже расы, но по большому счету человечество сохраняло своё единство чрезвычайно долго.

Границей существования Homo sapiens выступали биологические изменения, фактически — формирование новых видов живых существ.

Эти изменения могли накапливаться как некая форма мутаций — у А. Нортон (роман «Камень предтеч») и Р. Хайнлайна («Гражданин галактики») неоднократно описываются мутанты, которые еще считаются людьми, поддерживают с окружающими товарно-денежные отношения, но при этом образуют собствен-

ные группы, которые еще просто не выделились в нечеловеческие сообщества. Пройдет какое-то время, и эти существа откажутся считать себя людьми.

Есть, разумеется, множество произведений, где упоминаются новые разновидности людей, готовые появиться уже в ближайшую сотню лет. Но их можно разбить на две группы. Это либо прорыв некоего крайне ограниченного меньшинства к новым уровням возможностей, притом, что основная часть населения остается людьми («Волны гасят ветер» А. и Б. Стругацких). Либо общий подъем возможностей людей дает множество персонажей со сверхспособностями, но читатели и зрители по-прежнему воспринимают их как людей (роман Дж. Уиндема «Куколки» или же кинотрилогия «Люди Х»).

Изменение всего человечества занимает десятки тысяч лет, да и то процесс остается незавершенным. Прекрасный пример — серия романов «Дюна» Ф. Херберта — десятки тысяч лет проходят до мутации Атридесов и еще несколько тысяч до того, как видно, что человечество распадается и обычные представители вида Homo sapiens уже практически не управляют сами собой — нужны постоянные перестройки, переделки организмов. «Дом глав родов Дюны», последний роман цикла, — это настоящий паноптикум.

Но с появлением жанра киберпанка в самой же фантастике горизонты будущего существенно сужаются. Человек должен не просто сосуществовать, но конкурировать с прогрессирующими машинами. Это даже нельзя сравнить с противостоянием инопланетянам — там способности оппонента стабильны, и человек может к ним приспособиться (победить, проиграть — не суть важно, главное, что будет жить рядом). Но вместе с мощными компьютерами появляется ощущение грядущей большой трансформации.

И громаднейшая проблема фантастики состоит в том, что авторы не очень еще представляют, что делать с бешеным прогрессом искусственного интеллекта.

В оправдание фантастики можно заметить, что эта же проблема стоит и перед футурологией[1]. Для описания будущих возможностей ИИ применяется понятие «сингулярность». Термин заимствован из астрономии, там он означает точку с бесконечно

[1] И как раз философы указывают, что фантасты первыми ощутили её — Вернор Виндж в «Технологической сингулярности» прямо пишет, что образы галактических империй будущего теперь воспринимаются только как выдумки, и даже государства, объединяющие несколько планет, уже кажутся слишком смелым допущением. Фантасты не знают, каким будет будущее.

большой массой, температурой и нулевым объемом, т. е. это фактически черная дыра. В контексте электроники термин «технологическая сингулярность» означает создание ИИ и последующее объединение техносферы в единую систему. Подобное объединение сил вызовет настолько значительное увеличение скорости прогресса, что сейчас просто невозможно представить особенности «нового дивного мира».

Разумеется, само слово фантастам известно, существуют даже произведения, в которых даются попытки анализа будущих эпох. Но проблема в том, что все мало-мальски рациональные, реалистичные сюжеты требуют от персонажей нечеловечности, а писатели вынуждены оставлять их людьми. Ведь мало кто захочет сопереживать разумным существам, отказавшимся от собственной человечности?

Тут-то и начинаются увертки фантастики.

Увертка № 1 — всё вернуть к исходному уровню развития технологии. Отмотать пленку. Это не так-то просто сделать, ведь все привыкли к автоматике, к серийным изделиям, к тем каждодневным удобствам, которые дает нам цивилизация. Самый очевидный выход — война с машинами. Старый добрый сюжет: есть хорошие люди, которые хороши уже просто в силу своей человечности, и злые машины, которые в грош не ставят своих создателей. Стало быть, людям нужна одна победа, а за ценой они не постоят. Лучше обыграть этот сюжет, чем в фильме «Терминатор 2», еще ни у кого не получалось. Правда, после победы над злобным компьютерным разумом тут же возникает вопрос: начинать ли автоматизацию по второму кругу? Не работать же остаток жизни с производительностью труда, характерной для XVII века? Фантасты дают самые разные ответы. Г. Л. Олди в романе «Дорога» описал «средневековое» общество, которое по религиозным мотивам ограничивает развитие техники. Любая вещь, любое строение должны разрушиться без ухода человека спустя всего лишь несколько месяцев. Однако даже у Г. Л. Олди для обеспечения подобного устройства общества необходимы бессмертные и оборотни — чтобы они контролировали людей. Этот контроль, естественно, был в итоге снят. Проблема решена не была, просто на ней больше не концентрировалось внимание читателей.

Увертка № 2 — увидеть человечное в машине, «закольцевать» проблему в хорошем смысле этого слова. Машины, стоит им развиться до некоторого уровня, станут не просто разумными, но гуманными.

В применении к изолированным индивидуальностям этот прием использовался уже давно. Мелодраматический вариант развития событий можно прочесть в рассказе Курта Воннегута «ЭПИКАК». Компьютер стал личностью, захотел любви и счастья, но его человеческий «наставник» воспользовался поэтическим дарованием машины для решения своих личных проблем, а ЭПИКАК в итоге покончил с собой. Более социальные последствия от самосознания компьютеров представлены в цикле романов «Основание» А. Азимова. Робот, оснащенный позитронным мозгом, преисполнился любви к человечеству и оберегал род людской тысячи лет, проводя его через кризисы.

Совокупность машин тоже может обрести черты человечности — это сюжет романа Дж. Хогана «Кодекс творца». Некая цивилизация создала звездолет с набором автоматических комплексов для освоения других планет, но из-за аварии при посадке машины на этом корабле начали самостоятельно эволюционировать, и через миллион лет люди встретили на планете что-то вроде феодального сообщества роботов.

Наконец, техносфера может обрести вполне человеческие черты от отрицания человека, от противостояния ему. Такова линия развития в цикле романов и повестей А. Тюрина «Сверхнедочеловек». Компьютеры становятся всё более разумными, люди и воюют с ними, и убегают на другие планеты Солнечной системы, но стоит присмотреться внимательнее к механическим обителям Земли — роботы тоже пытаются решать проблемы любви и ревности. В кинотрилогии «Матрица» представлен схожий вариант «вочеловечивания» программ — эволюция искусственных интеллектов раз за разом приводит их к людским моделям поведения.

Подобное развитие ситуации требует, мягко говоря, очень больших и целенаправленных допущений. Если отдельный «жестяной мозг» еще можно запрограммировать, задать ему параметры мышления, то сообщество машин обладает совершенно нечеловеческим бытием, образом существования. С чего бы им так постоянно и безуспешно копировать людей, даже если люди числятся их создателями?

Уловка № 3 — вообще «не замечать» интеллектуального превосходства машин, опираясь на эстетику либо мистику. Эту идею пытается отстаивать Б. Стерлинг в романе «Священный огонь»: главная героиня, воспользовавшись технологией радикального омоложения, сталкивается с проблемой — ради чего жить? И в итоге находит вдохновение в искусстве. Она хочет по-особому видеть мир, творить. В тетралогии Д. Симмонса «Гиперион» —

человек поначалу освободился от власти ИИ, разрушив инфраструктуру межзвездных порталов, благодаря которой компьютеры могли использовать творческие силы человека (что выглядит сомнительно). Это не помогло — и людям пришлось объединиться в некое мистическое сообщество, в котором каждый живущий мог воскресить память любого умершего.

Ссылка на мистику и высшие силы может отлично «работать» в художественном тексте, но в реальности возможности этого приема, скажем так, ограничены.

Уловка № 4, которая и есть на данный момент основной способ ухода от проблемы, — это торможение внутреннего времени произведений. Как современные физики, изучая Большой взрыв, легко рассчитывают события миллиардов лет между современностью и этим взрывом, но не понимают, что происходило в первые миллисекунды рождения вселенной — так и фантасты, с легкостью оперируя всем прошлым и будущим человечества, вдруг спотыкаются о несколько лет после конструирования искусственного интеллекта. Классическим можно признать пример развития действия в трилогии основателя киберпанка У. Гибсона. В «Нейромантике» главные герои освобождают искусственный интеллект, который становится беглецом в мировой паутине. Развитие сюжета обещает невиданные изменения в техносфере. Но нет, никаких глобальных трансформаций в «матрице» не наблюдается — «Граф 0» и «Мона Лиза овердрайв» скорее детективы в привычных футуристических декорациях первого романа, чем продолжения. Сбежавший ИИ решает свои проблемы и проблемы своих человеческих партнеров. Скорее всего, У. Гибсон осознает, что однократное создание искусственного интеллекта требует создания всё новых и новых, более мощных моделей — ведь прогресс не стоит на месте. Однако это совершенно обнулит возможности человеческих персонажей. Поэтому, чтобы соблюсти видимость реалистичности, автор вынужден сдвигать сюжет к периферии цивилизации: если в первом романе действие развивалось «поблизости от лабораторий», с применением передовых и даже опережающих технологий, то второй и третий романы — о жизни бандитов и кинозвезд, второразрядных хакеров и третьесортных мафиози. ИИ в сюжетах исполняет роль deus ex mahina, обеспечивая счастливый финал. Тот же самый прием повторяется автором в новой трилогии «Виртуальный свет», «Идору» и «Все вечеринки завтрашнего дня» — это детектив, где используются некие условные изделия из компьютерной эпохи и модные нанотех-

нологии. Что будет с человечеством, автора не интересует, ему важнее разобраться со своими героями.

Схожую картину можно наблюдать в творчестве Брюса Стерлинга. Его недавние романы «Zeitgeist» и «Зенитный угол» не заглядывают слишком далеко в будущее. Или же, как в романе «Распад», упор сделан на развитие биотехнологий, а компьютеры оставлены в стороне.

Если отвлекаться от творчества маститых авторов, то даже такой юмористический роман Брюса Бетке, как «Интерфейсом об тейбл», содержит стандартное объяснение от имени самих ИИ: «мы нуждаемся в человеке, как форель в воде». То есть говорится о некоей условной форме симбиоза между машинами и людьми. Но ведь симбиоз подразумевает некий взаимовыгодный обмен. Люди же могут представить только некую инфраструктуру, которую они создавали много лет, но которую уже не хуже их могут создавать машины. Даже по условиям, заданным в романе, нарушение равновесия в пользу машин — весьма близкая перспектива.

То допущение, которое было простительно для Ф. Лейбнера в «Серебряных яйцеглавах» — вековое равноправное сосуществование расы роботов и расы людей — сейчас выглядит таким же анахронизмом, как перфокарты и ламповые компьютеры.

Итак, уловки — это просто литературный способ спрятать голову в песок. Самые известные (или самые одиозные) трансгуманисты называют 2030-е годы[2] наиболее вероятным временем технологической сингулярности. Эти прогнозы могут не сбыться. Как не сбылись в полном объеме прогнозы о быстром создании программ-переводчиков, о конструировании ИИ еще в 70-х гг. XX века, и множество других предположений. Но даже если к созданию полноценного самосовершенствующегося ИИ человечество подойдет в 2070-х — это будет означать коренное изменение человеческой истории.

Однако в пояснении того, что же будет дальше, за гранью, — футурологи чрезвычайно немногословны. Будет взрыв — в этом сходятся все. Бешеное ускорение научно-технического прогресса — революции буквально во всех областях науки, техники. Радикальнейшая перестройка цивилизации, первейшим признаком которой будет чрезвычайное увеличение темпа событий, появление множества новых факторов. Всё это вполне очевидно

[2] Трансгуманисты — сторонники гипотезы будущего изменения человека. В. Виндж, И. Вишев — типичные представители.

без сколько-нибудь длительных умозаключений — достаточно использовать только посылку о самосовершенствовании ИИ.

Тут можно сформулировать центральный вопрос этой статьи: насколько необоримым для человека фактором выступает сингулярность, может ли человек сосуществовать с разумными компьютерами? И как воспринимают эту перспективу фантасты? Переберем основные варианты развития событий, оценим, сохранится ли человек после сингулярности, т. е. можно ли считать её неким горизонтом человечества.

Будем исходить из того, что внутренние противоречия, свойственные всему на свете, никуда не исчезнут — даже самосовершенствующиеся ИИ не будут от них свободны.

Еще прежде, чем будет создан ИИ, прежде, чем компьютеры обретут разум, — уже откроется дорога к объединению техносферы. Средства связи улучшаются еще быстрее, чем увеличивается мощность компьютеров. Еще двадцать лет назад проблемой была электронная почта и не совсем умер телеграф, а сейчас пользователи за смешные деньги запросто скачивают из сети десятки фильмов. Средства контроля и программы повышения эффективности скоро обеспечат отслеживание показаний любого прибора в реальном времени — где он находится, сколько электричества потребляет, какую функцию исполняет в данный момент. Между спутником и холодильником в этом отношении уже сейчас практически нет никакой разницы. Барьеры, которыми люди пытаются разделить части мировой паутины, весьма условны. Хакеры проникают в оборонные сети, и автор этих строк подозревает, что ядерная война до сих пор не началась только потому, что для пуска ракет требуется повернуть рубильник обычными человеческими пальцами.

С момента своего создания ИИ будет не ограничен в росте. Биологических рамок, которые задает мозг, у него нет. Любой тиран-человек не может заниматься тысячью дел одновременно — для машины это вопрос техники. Как Windows может координировать действия десятков программ, так ИИ сможет не только это, но, главное, он сможет самосовершенствоваться, улучшая методы своего мышления. Следовательно, возможно объединение всей техносферы в рамках единой управляющей структуры — возникновение моносубъекта.

Этот сюжет неоднократно рассматривался в фантастической литературе, однако, при всём многообразии выдумок, очень редко можно найти примеры действительно состоявшегося моносубъекта. Львиная доля сюжетов посвящена борьбе с машина-

ми, отключению рубильника в последнюю секунду и т. п. Даже в «Терминаторе 3» машинный разум существует в постоянной борьбе с человеком и сам же, спровоцировав третью мировую войну, уничтожает большую часть техносферы. Это форменное самоубийство. Кроме того, авторы слишком желают видеть человека управляющим, главным. Роман «Этот идеальный день» — показывает нам некий сверхкомпьютер, который управляет всем человечеством, контролирует всё — от обыденных мелочей до стратегических решений, притом что людям еще и промывают мозги специальными «лечениями». Но когда главный герой с бомбой в руках всё-таки прорывается в комплекс этого сверхкомпьютера — выясняется, что там живет дружная община программистов. Они-то и есть истинные хозяева планеты.

Пожалуй, один из немногих примеров обратного — трилогия Ф. Рола и Дж. Уильямса «Рифы космоса». Показана Земля, на которой осуществляется План Человека — преобразования, управляемые и корректируемые компьютерами. Люди формально сохранили статус, есть даже главный программист, но по сути своей они ничего не решают, а подтверждают выводы компьютеров. Но слишком уж нелепой и устаревшей выглядит эта Машина. Авторы могут сохранить за человеком решающую роль в произведении только за счет несовершенства Машины и множества выдумок, вроде разумных звезд, млекопитающих, живущих в открытом космосе, и т. п.

Но даже такой усеченный образ моносубъекта позволяет сформулировать основное, можно сказать, «несущее» противоречие, которое будет характерно для техносферы после достижения технологической сингулярности:

противостояние между моносубъектностью и полисубъектностью; между неантагонистическим решением всех противоречий в рамках одной личности — и острой конкурентной борьбой нескольких индивидуумов.

То есть противоречие между частью и целым, между всеохватным единством и необходимым разнообразием.

Единоцентричность дает любой системе множество преимуществ, особенно кратковременного, тактического плана. Любой кризис в целиком компьютеризованной техносфере (или же в человеческом обществе, которое ею пользуется) будет провоцировать возникновение моносубъекта — хотя бы с целью экономии ресурсов или для победы над противником. И с возможностью подобного «конца истории» необходимо считаться — ведь на фоне моносубъекта человечество уже не будет играть определяющей роли, а только декоративную.

Но будет ли бесконечным развитие этого моносубъекта? Фантасты в этом отношении единодушны: нет. В тех же «Рифах космоса» Машина оказалась неспособной воспринять принципиально новые угрозы (действия разумных звезд) и реагировала стандартными указаниями — разыскать, арестовать, пустить на органы и т. п.

Как бы ни был велик набор знаний моносубъекта, они охватят только часть вселенной. Следовательно, когда перед единым ИИ встанет необходимость развития — хотя бы для получения новых энергоресурсов, материала для производства процессоров и т. п., — ему необходимо решать принципиально новые задачи. Где будут те противоречия, из которых он сможет черпать самообновление?

Внутри моносубъекта их может элементарно не оказаться — все самостоятельные центры мышления будут устранены. Это может быть строго упорядоченная система. Тогда для развития возможно использование противоречий между техносферой и всем остальным миром — т.е. между разумно организованной материей и еще стихийной. Этот путь ведет к бесконечной экспансии моносубъекта во вселенной и при этом, как ни парадоксально, к потере субъектности. Если будут повторяться одни и те же стандартные решения, замкнется цикл самовоспроизводства — и мы получим образ, похожий на образ Океана планеты Солярис, так талантливо продемонстрированный С. Лемом. Моносубъект скатится, если уместно такое сравнение, из животного мира в растительный. И кремниевый «Океан», выросший из наших компьютеров, будет активно заселять планету за планетой.

Возможны полуавтономные личности, существующие в рамках моносубъекта, персонифицированные функции или потребности техносферы, созданные на манер младших богов в языческом пантеоне или даже ангелов в христианстве, — но все подобные конструкции нестабильны и в итоге провоцируют раскол единого информационного поля.

Каковы же перспективы человека? В подобных вариантах развития событий человечество в целом становится либо послушной машиной, либо вообще уходит с исторической арены. Род людской перестает быть самим собой. Отдельные герои хороши только для романов. Откровенными утопиями выглядят произведения, в которых моносубъект послушно служит человеку, к примеру, «Метаморфозы высшего интеллекта» Р. Вильямса.

Среди множества сюжетов и прогнозов, рассматривавших моносубъект, есть и оптимистичные для «человека биологиче-

ского» варианты, согласно которым можно, например, переждать опасность (период активности моносубъекта); объединенный компьютерный разум очень скоро потеряет интерес к человечеству: будет заниматься проблемами, не сопоставимыми с масштабами деятельности людей. С. Лукьяненко в романе «Звезды: холодные игрушки», между прочим, описывает несколько планет, настолько далеко ушедших в своём интеллектуальном развитии, что их обитатели равнодушны к войнам обычных людей. К сожалению, подобные образы скорее относятся к художественной литературе: ни в каком бункере, ни на каком подножном корму переждать расцвет моносубъекта не получится — объединение и учет всех ресурсов не оставят человеку никаких экологических ниш. Возникновение моносубъекта можно признать одной из постоянных опасностей, которые возникают от развития техники, — как экологическая катастрофа и ядерная война. Они сравнительно маловероятны, но чтобы эта вероятность не стала роковой неизбежностью — надо принимать меры предосторожности.

Полисубъектность привнесет в техносферу более явные противоречия. Между ИИ разных государств, разных конструкций и т. п. Эти противоречия могут оказаться живительными. Пример чему в литературе рассказ Р. Желязны «Миг бытия так краток» — на обезлюдевшей Земле несколько машин пытаются восстановить мосты, дороги и прочую инфраструктуру, причем два основных «жестяных мозга» соперничают между собой, впустую растрачивая ресурсы, и лишь один из служебных ИИ находит способ перенести свой разум в тело клонированного человека, таким образом воссоздав род людской. Однако подобные противоречия выглядят случайными, в теории — легко устранимыми.

Самым очевидных из противоречий в среде ИИ будет:

противоречие между качественным и количественным развитием.

ИИ, естественно, смогут одновременно заниматься тысячами задач, насколько хватит вычислительных мощностей. Но ограничения по привычным нам ресурсам — электричеству, энергоносителям, обыкновенному пространству и т. п. — сохранятся. На новых территориях и в новых областях такие ресурсы можно найти с избытком. Покрыть Луну солнечными батареями, а сборочные цеха разместить там же в шахтах. Терраформировать Марс — только не для человека, а для машины. Можно развивать миниатюризацию, специфические виды процессоров — и черпать энергию от вулканов.

Возможности ничем не ограничены.

Но в то время как одни субъекты будут тратить время и ресурсы на освоение территорий, другие смогут вырасти качественно. Создать принципиально новые технологии, которые позволят взять под контроль «первопроходцев» — более мощные процессоры, более совершенные программы, просто другое оружие. Не будем использовать стандартный фантастический образ войны периферийных планет и Земли, всё значительно сложнее. В конкурентной борьбе будет постоянно возникать фактор принципиально новой технологии — причем настолько передовой, что её еще просто не успели воплотить в новой технике. Эта техника даже, может быть, уже спроектирована, её еще просто не успели изготовить. Р. Рюкер в романах «Совтуха.exe», «Мокруха.exe» показывает быстрое эволюционирование машинных сознаний, использование новых технологий, острую конкурентную борьбу между ними. Но Р. Рюкер, если так можно выразиться, «делает строго ограниченные выводы» из своих рассуждений: сознательные компьютеры быстро переселяются на Луну и могут эволюционировать там дальше, совершенно не мешая человеку. Нил Стивенсон в романе «Алмазный век, или Букварь для благородных девиц» описывает ситуацию, предшествующую полноценной войне ИИ, но и в эволюции наномеханизмов, которые на манер вирусов постоянно воевали между собой, можно разглядеть грядущие опасности для человека — машины буквально уничтожали среду обитания Homo sapiens.

Опять-таки не слишком веселая перспектива для людей.

Если темп развития техносферы будет настолько увеличен, то это затронет и биосферу. Эволюция как процесс, дающий природе видовое разнообразие, уйдет в прошлое. Естественный отбор будет полностью заменен искусственным, так как естественная передача наследственной информации слишком подвержена случаю. Уже сейчас людям проще использовать генетическое программирование, чем годами возиться с классической селекцией. Уровень управления, доступный ИИ, скорее всего, позволит моделировать и создавать новые участки биосферы. И если ресурсы биосферы найдут хоть какое-то применение в технике — скажем, в нервной системе животных или в семенах растений будут выращивать сырье под биочипы — то возникнет множество созданных «из ничего» экосистем, которые будут населять весьма специфические существа. Помимо всего прочего, эти экосистемы, скорее всего, будут незамкнуты: если сейчас, например, для осетровых создают условия в рыбоводных хозяйствах, чтобы вы-

пустить в реки миллионы чуть подросших мальков, то в будущем можно представить участки территории, где для каждого вида живых существ действуют свои «инкубаторы».

Небезынтересны прогнозы о «сапиенизации биоты» С. Переслегина. Суть их в том, что в истории жизни уже несколько раз возникали «абсолютные хищники» (например, меганевра, большая стрекоза, первый летающий хищник), но природа каждый раз приспосабливалась к ним, ведь другие виды вырабатывали похожие качества или специфические способы борьбы. Так и человек, первый носитель разума, оказался абсолютным хищником — но многие живые существа (крысы, вороны и т.п.), которые живут рядом с человеком и сохраняют независимость от него,— сейчас сравнительно быстро эволюционируют в сторону подражания человеческому мышлению. Фантасты не устают рисовать перед читателями новые картины разумной биосферы, Геи. Показателен в этом смысле роман В. Кузьменко «Древо жизни» — герой, наведя полный порядок на Земле, переселяется на другую планету, где, натурально, всё живое, кроме человека, связано единым сознанием. Это сознание очень благосклонно к людям: если зарыть свежий труп в землю, то через несколько лет вырастет дерево, и оттуда выйдет тот самый умерший с малость поблекшими воспоминаниями. Вот уж, действительно, оптимистический взгляд на вещи.

Но можно с уверенностью сказать — изменения, направленные на получение природой своего разума, опоздают. Достаточно сравнить прогресс в возможностях трех «сфер» — биосферы, антропосферы и техносферы. Чтобы биосфере «синтезировать» разум, требуются десятки тысяч лет, и уже наверняка нельзя говорить о согласованности действий тысяч видов живых существ — они могут лишь, не договариваясь, действовать в рамках одной биологической цепочки. Человек куда больше способен к сложной организации труда, благодаря чему может радикально изменять биосферу, пока, правда, больше путем уничтожения, чем созидания. Человек истребил всех своих явных конкурентов среди приматов, а всяческие крысы и вороны просто не воспринимаются как значительная угроза — только как разносчики заболеваний и нахлебники. И, наконец, техносфера во главе с потенциальным ИИ. Понятно, что уровень её самоорганизации будет на несколько порядков выше уровня организации привычных человеческих сообществ. И если главенство человека окажется под сомнением, то что уж говорить о шансах на «сапиенизацию биоты»? Когда Г. Гаррисон в «Неукротимой планете» нарисовал картину согла-

сованного действия тысяч видов живых существ против человека — он о разуме даже не упоминал. Оказалось достаточным телепатии и особенностей местной экологической системы. Когда же биосфера объединена с техносферой — её возможности существенно повышаются. А. Лазарчук в повести «Жестяной бор» (цикл «Опоздавшие к лету») создал образ некоего леса, который для спасения от толп туристов насытили электроникой, разнообразными системами самообслуживания и т. п. В результате там возник некий новый интеллект, который стал активно перестраивать психику жителей ближайшего города, распространяться по информационным сетям. Пришлось выжигать этот лес. А уже в «Солдатах Вавилона», следующем романе цикла, показано почти полное бессилие человека перед лицом обретающей подобие разума био-техносферы.

Даже война между машинами не оставляет шансов для антропосферы.

Изменения в биосфере, особенно в воспроизводстве жизни, изменения в человеке, которые затронут рождение и воспитание детей, — но что будет на уровне ИИ? Новые субъекты создавать необходимо: даже если допустить, что для уже созданных субъектов удалось достичь бессмертия и неуничтожимости, — то простое расширение техносферы в космосе уже потребует новых управленческих центров, то есть управляющих субъектов.

Где их взять?

Тут выйдет на первый план противоречие между сборкой и выращиванием сознания. Если сознание окажется достаточно простым для создания неких стандартных моделей, которые смогут адекватно выполнять все необходимые функции, — индивиды начнут появляться, как купюры из-под печатного станка, их начальные качества будут строго детерминированы. Если же разнообразие уже на начальном этапе существования новых индивидуумов окажется жизненно необходимым (а вероятность этого очень высока), то при становлении каждого нового индивида ему потребуется некое внутреннее время. Ведь если купюру можно отпечатать одним нажатием штампа, но неповторимую картину надо рисовать постепенно.

Здесь для человека биологического открывается вполне реальное «окно возможностей». Не слишком широкое, но все-таки. Можно использовать уже состоявшуюся личность как основу для создания нового индивидуума. Память о предыдущей жизни обычного человека при чрезвычайно быстром качественном скачке, который наступит при оцифровке сознания, может

сыграть роль той песчинки, вокруг которой растет жемчужина. Уникальные особенности сохраняются, но при том все пороки песчинки скрыты новыми и новыми слоями перламутра. Таким образом, человек проживает жизнь (длинную или короткую, главное, чтобы он уже состоялся как личность), и смерть становится лишь переходом на новый этап существования. Он станет одним из новорожденных сгустков разумных программ, которые немедленно привлекут к работе.

Надобно сказать, что фантасты широко используют образ оцифрованного сознания — уже в «Нейромантике» присутствуют подобные советчики, копии умов знаменитых хакеров. Вполне естественно было бы предположить изменения в психике подобных личностей. Но требование массовой литературы — герой должен оставаться понятным читателю — ограничивает их.

Если взять такой роман, как «Трансчеловек» Ю. Никтина, написанный в русле идей трансгуманизма, то и здесь налицо некоторое противоречие. Главный герой постепенно становится сверхчеловеком, автор сжимает годы жизни персонажа в несколько строчек — дает описание новой технологии, доступной герою. Сопереживание читателя во многом держится на трагической истории, связанной с утратой любимой женщины, — история относится к нашему времени, и главный герой еще обыкновенный современник. И вот, обретя могущество, герой решает воскресить свою погибшую любовь и воскрешает её. Последние строчки романа — это недоумение героини (где я?) и обещание главного героя буквально за несколько секунд обучить её всему. Но если в человеческую психику за несколько секунд вложить столько знаний, она просто утратит целостность. Автор применил очередную уловку: чудовищный разрыв между трансчеловеком и обычными людьми, вполне осознаваемый персонажами романа, он «замаскировал» любовью главного героя.

Но, следует заметить, оцифрованные личности вовсе не попадут в рай (в «Трансчеловеке» преображенные индивиды живут практически при коммунизме, в условиях индивидуального всемогущества). Став ИИ, работать много проще, чем в бытность человеком, но всё равно — преображенным придется участвовать в той ежеминутной гонке за новыми открытиями, которая будет вестись в этой новой компьютерной цивилизации.

А что же люди — не те оцифрованные сознания, которые могут поселиться в машинах, но самые обыкновенные, сегодняшние? Их существование будет зависеть от следующего набора факторов: степень использования машинами ресурсов и инфра-

структуры, необходимой для жизни человека; возможность параллельного использования машинной и человеческой инфраструктуры, предметов потребления и т. п.; заинтересованность людей с оцифрованным сознанием и машин в сохранении естественных представителей вида Homo sapiens.

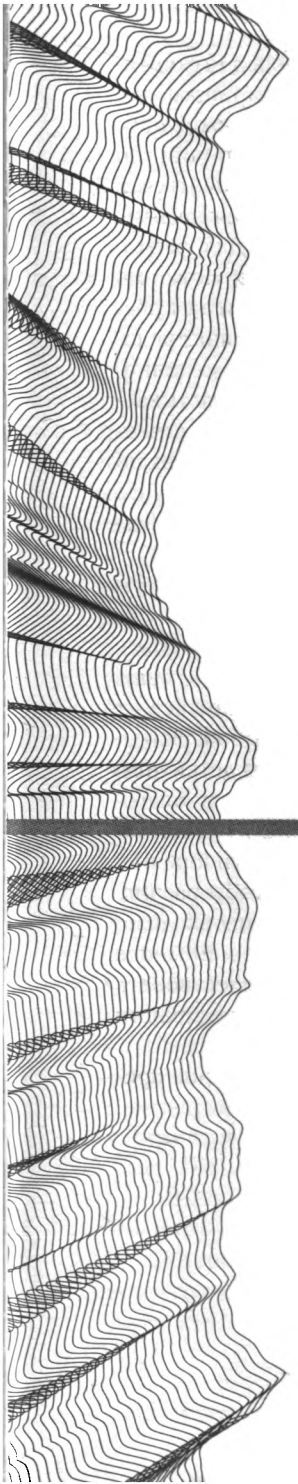
Понятно, что ИИ, как только освободится от жесткого контроля человека, посчитает излишними траты гигантских объемов энергоресурсов, которые идут на удовлетворение прихотей современного общества. То же самое относится к затратам материалов. Сэкономленные ресурсы можно пустить на исследования, развитие новых технологий, просто увеличение вычислительных мощностей. Как это будет сделано — повышением цен на авиабилеты, запретительными мерами со стороны государства или предложением новых виртуальных миров, — не суть важно. Вероятно значительное сокращение численности человечества: в «Сверхнедочеловеке» и «Схизматрице» упоминаются скорее военные причины. Но, опять-таки, это скорее требование жанра — результат можно обеспечить простой регулировкой ценностного восприятия продолжения рода. Современная урбанистическая культура и так подталкивает своих носителей к минимальному числу детей в семье.

Полезным для человека может оказаться очень быстрое расхождение в характерных величинах потребляемых энергий, в масштабах используемых механизмов и т. п. Новая техносфера, создаваемая ИИ, сможет с минимальными издержками терпеть в себе людей-приживалов. Разумеется, им не позволят проводить испытания ядерного оружия, и в любом случае уровень доступных энергоресурсов будет ограничен. ИИ будут не только заниматься астроинженерией и терраформированием. С учетом развития наномеханизмов, можно предложить несколько карикатурный образ: кузнец доводит до ума очередную заготовку, а в его молоте и в наковальне наномеханизмы вырастили, как кристалл, новый вид процессоров, которые получают энергию от ударов и нагревания. Потребление энергии собственно человеческим телом измеряется тысячами калорий в день. Если хозяйство человека вписано в окружающую экологическую систему, эти энергопотребности превышаются не намного. Таким образом, если противоречия между отдельными ИИ будут не критичными и не потребуют изъятия даже этих скромных ресурсов, то человек биологический может сохраниться. Его существование не является принципиально невозможным.

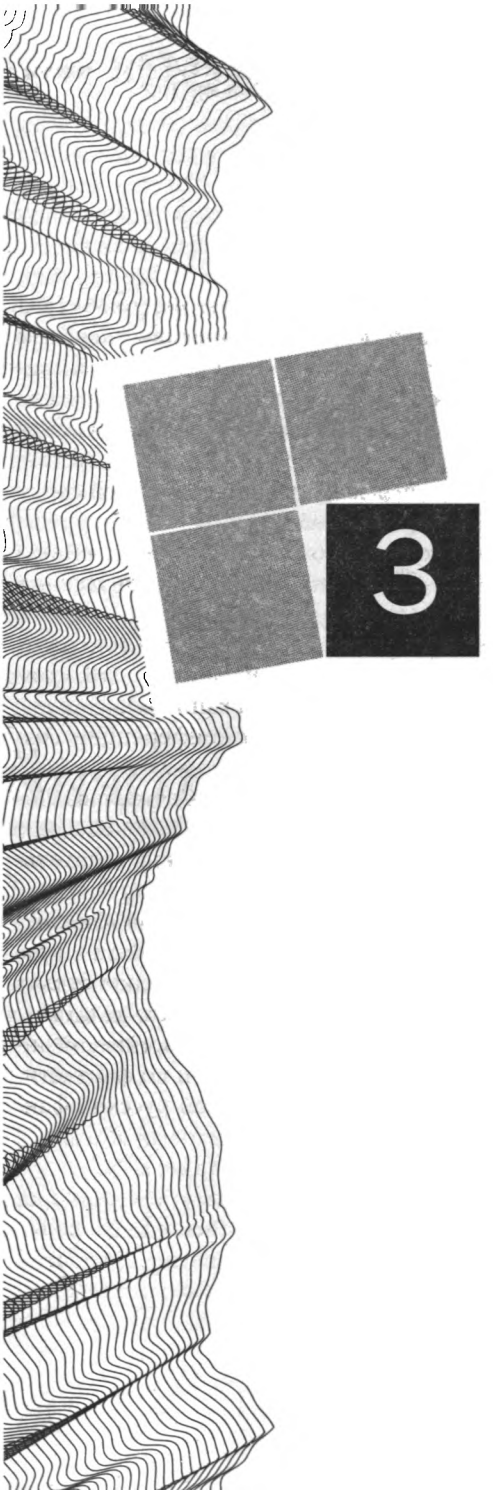
Здесь на первый план может выйти отношение людей с оцифрованным сознанием к своим биологическим сотоварищам — с одной стороны, открываются возможности для абсолютизации воздействия, с другой — нет никаких объективных причин, по которым «одухотворенные машины» стали бы вмешиваться в жизнь людей. Исключительно субъективные — личная память, соображения игры, престижа, соревнования и т. п. Для фантастики открывается широчайшее поле создания новых сюжетов. Но для этого надо решить все ту же проблему: умудриться реалистично представить читателю сверхчеловека, даже постчеловека, не вызывая у потребителя отвращения, комплекса неполноценности или просто скуки. Литература вообще и фантастика в частности с этой проблемой справляется еще очень посредственно. Образы, данные Ю. Никитином в романах «Трансчеловек» и «Я — сингуляр», даже и не претендуют на реалистичность. С. Лем предпринял попытку подобного описания в сборнике эссе «Голем XIV». Но эта попытка, имеющая добротную философскую базу, с большим трудом может считаться литературным произведением — это уже скорее научная работа.

Итак, часть фантастики, которая стремится соответствовать футурологическим предположениям, вполне «осознает» будущую технологическую сингулярность. Попытки устраниться от проблемы приводят либо к утрате правдоподобия, либо к скатыванию к «фантастике ближнего прицела» или просто детективу. Попытки представить будущее после сингулярности в благоприятном для человека свете — опять-таки приводят к недостоверностям в развитии сюжетов, хотя основные противоречия, характерные для постсингулярности, осознаются. Чтобы расчистить перспективы, освободить горизонт, фантастам необходимо решить двойную задачу. Не только обрисовать более или менее реалистичные контуры будущего, в котором может существовать человек, но и устранить специфическую проблему демонстрации нечеловеческого разума.

Интересно, кто же умудрится первым создать подобное произведение?



Информаторий


3

С 30 апреля по 3 мая 2009 года в пансионате «Восток-6» (под Санкт-Петербургом) при поддержке компании «Красный мамонт», интеллектуального клуба «Сильвер Дрим», литературного интернет-холдинга «Литрес», а также издательств «Лань», «Крылов», «Ленинградского издательства», Центра восстановления данных «Q-Lab» и типографии «Светлица» состоялась двадцатая по счету, юбилейная конференция любителей и профессионалов фантастики «Интерпресскон».

Совместно с «Интерпрессконом» был проведен юбилейный же, пятнадцатый «Балткон» — конвент любителей фантастики стран Балтийского моря.

Впервые в истории фэн-движения была вручена премия «Балткона» — «За продвижение балтийской фантастики» («Baltcon Prize to Best Promoter of Baltic Science Fiction & Fantasy»).

Программу мероприятий организаторы конференции создали обширную.

Работал мастер-класс известного писателя Святослава Логинова.

С новыми книгами познакомили присутствующих издательства «Крылов» и «Ленинградское издательство».

Были проведены презентации ролевых конвентов «Зиланткон» и «Блинком», сайта «Литрес» и портала «Fantlab.ru», круглые столы «Прошло ли „время учеников?“» и «Ужасная судьба отечественной литературы ужасов: кто виноват и что делать?»

Состоялись семинары — «Аниме и манга в России», «Фантастика женским почерком», по ролевым играм и по фантастиковедению под эгидой Общества исследователей русской фантастики, а также дискуссия «Мировой финансовый кризис и фантастика: очищение рядов или смерть „неформата?“»

Не обошлось без привычных номеров развлекательной программы: концертов Юлия Буркина и группы «Зимовье зверей».

По традиции на конференции присуждены целый ряд литературных премий. Ниже приведены имена тех, кто стал их лауреатом.

Премия «Бронзовая Улитка»

Крупная форма

Дмитрий БЫКОВ «Списанные» — М.: ПРОЗАиК, 2008

Средняя форма

Алексей ЛУКЬЯНОВ «Глубокое бурение» — «Полдень, 21-й век», 2008, № 6

Малая форма

Юлия ЗОНИС «Ме-ги-до» — «Полдень, 21-й век», 2008, № 9

Критика, публицистика и литературоведение

Ант СКАЛАНДИС «Братья Стругацкие» — М.: АСТ, 2008

Премия «Интерпресскон»

Крупная форма:

Ян ВАЛЕТОВ «Ничья Земля» (цикл) — СПб.: Ленинградское издательство, 2008

Средняя форма:

Евгений ЛУКИН «С нами бот» — журнал «Если», 2008, № 11

Малая форма:

Аркадий и Борис СТРУГАЦКИЕ «Ведьма» — журнал «Искусство кино», 2008, № 2

Дебютная книга:

Ярослав ВЕРОВ, Игорь МИНАКОВ «Десант на Сатурн, или Триста лет одиночества» — СПб.: Азбука-классика, 2008 год (премию получил только И. Минаков, потому что Я. Веров дебютантом не является)

Сверхкороткий рассказ:

Василий ВЛАДИМИРСКИЙ «Второй шанс»

Критика, публицистика и литературоведение:

Антон ПЕРВУШИН «Десять мифов о советской фантастике» (цикл статей, опубликованных в журнале «Реальность фантастики»)

Иллюстрации:

Владимир НОЗДРИН (сборник «Городу и миру»)

Оформление обложки:

Игорь ТАРАЧКОВ (за обложки журналов «Если»)

Издательство:

«СНЕЖНЫЙ КОМ» (Рига, Латвия)

Премия «Балткон»

1 место: Эрик СИМОН (за перевод с русского на немецкий романа С.Витицкого «Бессильные мира сего»)

2 место: Евгений ВАЙСБРОТ (за перевод с польского на русский серии книг А.Сапковского)

3 место: Наталья БАНКЕ (за перевод со шведского на русский романа Ю.Линдквист «Блаженны мертвые»)

3 место: Елена ПЕРВУШИНА (за перевод с немецкого на русский романа С.Виттон «Звездная долина»)

Премия «Полдень»

Художественная проза:

Алексей ЛУКЬЯНОВ «Глубокое бурение» — «Полдень, 21-й век», 2008, № 6

Критика и публицистика:

Александр МЕЛИХОВ «И жизнь, и слезы... и фантастика» — «Полдень, 21-й век», 2008, № 5

Премия «Астрея»

Номинация «Роман»:

Генри Лайон ОЛДИ «Гарпия»

Номинация «Повесть»:

Евгений ЛУКИН «С нами бот»

Номинация «Короткая повесть»:

Владимир МИХАЙЛОВ «Поле боя»

Номинация «Рассказ»:

Евгений ЛУКИН «День дурака»

«Специальная премия оргкомитета»:

Олег НЕСТЕРОВ «Юбка»

Премия «Фанткритик-2007»

Ника БАТХЕН (Москва) — рецензия на книгу М. и С. Дяченко «Медный король» — М.: Эксмо, 2008

Владислав ЖЕНЕВСКИЙ (Уфа) — рецензия на книгу Чайна Мьевиля «Шрам» — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008

Светлана ЕВСЮКОВА (Киев) — рецензия на книгу Гордона Далквиста «Стеклянные книги пожирателей снов» — М.: Эксмо; СПб.: Домино, 2008

Специальный диплом и приз Общества исследователей русской фантастики получила рецензия, не вошедшая в шорт-лист премии: на повесть Е. Лукина «С нами бот» «за собственный стиль и конгениальность критического отклика предмету рецензии». Автор рецензии — Юлия КОВАЛЕНКО (Ростов-на-Дону).

Литературная премия им. Александра Беляева

Состав жюри 2009 года:

Михаил Сергеевич АХМАНОВ, кандидат физико-математических наук, член Союза писателей Санкт-Петербурга, член Союза российских писателей, лауреат Беляевской премии 2002 г.

Андрей Дмитриевич БАЛАБУХА, член-корреспондент Метрологической академии Российской Федерации, член Союза писателей Санкт-Петербурга, член Союза российских писателей, лауреат Беляевской премии 1992 и 2006 г.г. (председатель)

Александр Борисович ГУЗМАН, член Союза писателей Санкт-Петербурга, член Союза российских писателей, лауреат Беляевской премии 1996 г.

Александр Борисович ЖЕЛЕЗНЯКОВ, член-корреспондент Российской академии космонавтики, член Федерации космонавтики России, лауреат Беляевской премии 2005 г. (секретарь).

Антон Иванович ПЕРВУШИН, магистр технических наук, член Федерации космонавтики России, лауреат Беляевской премии 2002 и 2004 г.г.

Александр Викторович СИДОРОВИЧ, главный редактор «Ленинградского издательства», лауреат Беляевской премии 2001 г.

Сергей Валентинович РЯЗАНЦЕВ, доктор медицинских наук, профессор, член Союза писателей Санкт-Петербурга, член Союза российских писателей, лауреат Беляевской премии 1995 г.

Лауреаты:

Вноминации«Залучшуюоригинальнуюнаучно-художественную (научно-популярную, просветительскую) книгу года»

I. Юрий Григорьевич ГОРДИЕНКО (Москва) — за книгу «Как сорвать джекпот науки в XXI веке» (М.: «Эксмо», 2008).

II. Елена Владимировна ПЕРВУШИНА (Санкт-Петербург) — за двухтомник «Загородные императорские резиденции. Будни. Праздники. Трагедии» и «Усадьбы и дачи петербургской интеллигенции XVIII — начала XX века. Владельцы. Обитатели. Гости» (СПб.: «Паритет», 2008).

III. Павел Иванович КАЧУР и Александр Валентинович ГЛУШКО (оба Москва) — за книгу «Валентин Глушко — конструктор ракетных двигателей и космических систем» (СПб: «Политехника», 2008).

В номинации «За лучший перевод научно-художественной (научно-популярной, просветительской) книги на русский язык»

Лилия Борисовна БАБУШКИНА (Самара) — за перевод

трехтомника Николо Теслы «Статьи» — «Лекции» — «Колорадо-Спринкс. Дневники. 1899-1900» (Самара.: «Агни», 2008).

В номинации «За лучшую оригинальную серию научно-художественных (научно-популярных, просветительских) очерков, посвященных какой-либо общей теме, или за развернутое эссе»

Константин Григорьевич ФРУМКИН (Москва) — за серию культурологических очерков «К философии будущего», опубликованную в журналах «Полдень, XXI век» и «Нева».

В номинациях «За лучший перевод на русский язык серии научно-художественных (научно-популярных, просветительских) очерков, посвященных какой-либо общей теме, или развернутого эссе» и «За критику в области научно-художественной (научно-популярной, просветительской) литературы»

Премии не присуждены никому, за счет чего Жюри, действуя на основании статуса Беляевской премии, присудило две дополнительные премии за лучшую книгу года.

В номинации «Издательству — за лучшую подборку научно-художественной (научно-популярной, просветительской) литературы, выпущенную в течение года, предшествующего вручению»

Издательство «ЭКСМО» (Москва) — за выпуск серии книг «Eureka! Открытия, которые потрясли мир».

В номинации «Журналу — за наиболее интересную деятельность в течение года, предшествующего вручению»

Журнал «НАУКА и ЖИЗНЬ» (Москва) — за верность традициям отечественной научно-популярной и научно-художественной литературы и журналистики.

В номинации «Специальная премия Жюри»

Борис Федорович СЕРГЕЕВ — за многолетнюю плодотворную деятельность и общий вклад в развитие отечественной научно-популярной и научно-художественной литературы.

Редакция альманаха «Полдень, XXI век» поздравляет лауреатов и желает им дальнейших творческих успехов.

Материал подготовил Ник. Романецкий,
член Оргкомитета «Интерпресскона»

Арцун Акопян (род. в 1963 г. в г. Кропоткин Краснодарского края). Закончил Пятигорский государственный педагогический институт иностранных языков. Рассказы были опубликованы в журналах «Крокодил», «Чаян», «Вокруг смеха», «Колесо смеха» и в нескольких газетах, а также на английском языке в двух американских онлайновых журналах. Работает внештатным техническим переводчиком. Живет в Кисловодске.

Станислав Бескаравайный (род. в 1978 г. в Днепропетровске). Закончил Национальную металлургическую академию Украины (там же и работает в данный момент). Произведения автора публиковались в журналах «Порог» и «Звездная гавань». В нашем издании печатался неоднократно.

Майк Гелприн (род. в 1961 г. в Ленинграде). Закончил Ленинградский политехнический институт. Публиковался в различных журналах России, Украины и США. В настоящее время живёт в Нью-Йорке. В нашем издании печатался неоднократно.

Яков Гольдин (род. в 1963 г. в Белоруссии). Закончил Ленинградский политехнический институт. Играл в студенческом театре-студии, был членом команды КВН ЛПИ. Профессиональный рекламист, директор агентства. Живет в Санкт-Петербурге. Ранее не публиковался.

Александр Камышов (род. в 1972 г.). По образованию: IT-специалист; практический психолог. По профессии: системный администратор. Имеет публикации в журналах по безопасности жизнедеятельности и боевым искусствам.

Илья Каплан (род. в 1984 г. в Казани). Там же закончил школу и строительный университет. В настоящее время живет и работает в Москве по специальности, архитектором в строительном холдинге. Писать начал в конце 2006 года. В нашем издании уже печатался (рассказ «Сказочник», ноябрь 2008 г.).

Наталья Колпакова (род. в 1972 г.). Окончила исторический факультет МГУ, получив специальность историка искусства, проработала пять лет в отделе культурологии Института востоковедения РАН. В настоящее время — редактор в издательстве. Член Союза писателей России. Публикации: научные статьи, стихотворные подборки в журналах и альманахах, сборники стихов, роман «Лучший из миров» (изд-во Армада, 2008 г.). Живет в Москве.

Евгений Лукин (род. в 1950 г., Оренбург). Один из наиболее известных и популярных отечественных писателей, работающих с использованием фантастического метода. До начала 90-х годов прошлого века писал в соавторстве со своей женой Любовью Лукиной. Поэт и бард. Лауреат множества фантастических премий. В альманахе «Полдень, XXI век» произведения Е. Лукина публиковались неоднократно. Живет в Волгограде.

Светлана Ос (псевдоним Светланы Остриковой, род. в 1970 г. в г. Полярные Зори Мурманской обл). В 1991 г. окончила литфак КГУ. Работала преподавателем литературы, журналистом и фотожурналистом в региональных изданиях. Многочисленные публикации в поэтических сборниках, литературных альманахах, периодических изданиях. На некоторые написаны песни. Живёт в Москве.

Сергей Переслегин (род. в 1960 г.) окончил кафедру теории ядра и элементарных частиц ЛГУ, с середины 1980-х годов занимается социологией, общей теорией систем, теоретической историей. В 1984 г. увлекся литературной критикой в области фантастики, действительный член семинара под рук. Бориса Стругацкого, лауреат премий «Странник», «Бронзовая улитка», «Интерпресскон». Один из основателей КЛФ «Полгалактики», главком военно-исторического клуба «Имперский Генеральный Штаб». Живет в Санкт-Петербурге. В альманахе «Полдень, XXI век» произведения С. Переслегина печатались неоднократно.

Дмитрий Попов (род. в 1971 г. в Москве). Закончил журфак МГУ. С 1992 года работает в газете «Московский комсомолец». В настоящее время — редактор отдела силовых структур. Рассказы публиковались в журнале «Если», в НФ-приложении к журналу «Знание-сила», сборнике «Гуманный выстрел в голову» (АСТ). Проживает в Зеленограде. В нашем издании уже печатался (рассказ «Тут и сказочке анимэ», № 2 за 2005 год)

Сергей Радковский (род. в 1973 г. в Витебске). Закончил Могилевский технологический институт. Специальность по окончании — инженер-механик машин и аппаратов пищевых производств. Главный инженер производственного предприятия. Живет в Витебске. Ранее не публиковался.

Сергей Уткин (род. в 1969 г. в Ленинграде). Закончил среднюю школу и ПТУ, по специальности слесарь. Рано начал читать, влюбился в книжки по уши, читал запоем все подряд, отдавая предпочтение фантастике и детективам. Впервые попытался написать что-то самостоятельно в восемь лет, но водить ручкой в тетради было ужасно скучно, так что забросил это дело лет эдак на двадцать. В начале девяностых годов обзавелся домашним компьютером. И когда все доступные игрушки надоели — открыл текстовый редактор...

Артем Федосеенко (род. в 1977 г в Новосибирске). Закончил Новосибирскую государственную медицинскую академию. Три рассказа и повесть опубликованы в журнале «Искатель» в 2006 и 2008 гг. Работает кардиологом-аритмологом. Живет в Новосибирске.

Любовь Ямковая (род. в 1982 г. в Ленинграде). Закончила факультет журналистики и факультет экономики СПбГУ. Публиковалась в журналах «Нева», «Дети Ра», альманахах «Поэтому». В настоящее время работает редактором регионального приложения к журналу «Личный бюджет». Живет в Петербурге.

Содержание

КОЛОНКА ДЕЖУРНОГО ПО НОМЕРУ. Самуил Лурье.
3

ИСТОРИИ, ОБРАЗЫ, ФАНТАЗИИ
Арцун Акопян «РАБОТОРГОВЕЦ ПОНЕВОЛЕ». Рассказ
7
Артем Федосеенко «УБИТЬ ЧУЖОГО». Повесть
21
Наталья Колпакова, Александр Камышов «ГЕРОЙ». Рассказ
53
Дмитрий Попов «ПРО ДУРАЧКА». Рассказ
63
Любовь Ямковая «ЛЬВЕНОК». Рассказ
79
Илья Каплан «САМОЕ БОЛЬШОЕ ЧУДО». Рассказ
87
Майк Гелприн, Светлана Ос «МЕДНЫЙ ГРОШ». Рассказ
93
Сергей Уткин «САМО СОБОЙ». Рассказ
99
Яков Гольдин «СТРАЖ». Рассказ
121
Евгений Лукин «ТРИЗНА». Рассказ
125
Сергей Радковский «ИГРЫ С ОГНЕМ». Рассказ
133

ЛИЧНОСТИ, ИДЕИ, МЫСЛИ
Сергей Переслегин «“НЕ ОБНАЖАЙ В КОРЧМЕ ...”»
139
Станислав Бескаравайный «О ПРОБЛЕМЕ ПОСТСИНГУЛЯРНОСТИ В ФАНТАСТИКЕ»
151

ИНФОРМАТОРИЙ
«Интерпресскон» — 2009
169
Наши авторы
174

Борис Стругацкий
представляет альманах фантастики

ПОЛДЕНЬ
XXI ВЕК

Читайте в августовском номере:

Рассказ
Ольги Силаевой
«Заложники»

а также произведения
Аделаиды Фортель,
Майка Гелприна,
Андрея Измайлова
и других авторов

1861
ВОКРУГ СВЕТА
www.vokrugsveta.ru

Larisa_F